

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАЗАНИЕ ОБЩЕСТВА

УИС в цифрах	4
Юрий Александров Юридический практикум	6
Количество лиц, приговоренных к пожизненному заключению в государствах – членах Совета Европы (по состоянию на 1 сентября 2009 года)	11
Александр Зимбовский Дело Сергея Махнаткина. Как со мной, невиновным человеком...	13
Два письма из зоны	16
Леонид Пантелеев Записки члена Общественной наблюдательной комиссии	21
Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека в местах заключения (апрель – июнь 2011 года)	35
По материалам зарубежных СМИ Мир и тюрьма	42

ГРАНИЦЫ НЕПОНИМАНИЯ

Нодари Хананашвили Преимущества и
эффективность системы ювенальной юстиции 78

Нодари Хананашвили Крестовый поход
против детей 83

СИДИ И ЧИТАЙ

Эдуард Михайлов Чуйская долина,
или Прощание с детством 92

Александр Лаптев Спецзона для бывших 125

Алексей Мокроусов [Посмертное] Право голоса 129

Дмитрий Чиров Средь без вести пропавших 135

Редакция не имеет возможности оказывать юридические услуги и содействовать процессуальному сопровождению конкретных уголовных дел.

Редакционный совет

Валерий Абрамкин
Людмила Альперн
Валерий Борщев
Владимир Буковский
Наталья Горбаневская
Сергей Ковалев
Нильс Кристи
Алексей Симонов

Финансирование
Фонд Д. и К. МакАртуров

Учредитель:

Редакция журнала
«Индекс/Досье на цензуру»

Редакция

Главный редактор
Наум Ним
Ответственный секретарь
Наталья Малыхина
Макет
Лев Михалевский
Обложка
Василий Валериус
Верстка
Анна Фролова
Бухгалтер
Наталья Максимова

УИС в цифрах

По состоянию на **1 мая 2011 г.** в учреждениях УИС содержалось 806,1 тыс. человек (– 13,1 тыс. человек к началу года), в том числе:

- в **753 исправительных колониях** отбывало наказание 682,6 тыс. человек (– 11,7 тыс. человек);
- в **158 колониях-поселениях** отбывало наказание 48,5 тыс. человек (– 791 человек);
- в **5 ИК для осужденных к пожизненному лишению свободы** отбывало наказание 1766 человека (+ 27 человек);
- в **230 следственных изоляторах и 165 помещениях, функционирующих в режиме следственных изоляторов** при колониях содержалось – 118,3 тыс. человек (– 717 человек);
- в **7 тюрьмах** отбывало наказание 1,5 тыс. человек (– 171 человек);
- в **62 воспитательных колониях** для несовершеннолетних 3,5 тыс. человек (– 488 человек).

В учреждениях содержится 65,7 тыс. женщин (– 669 человек), в том числе 54,7 тыс. осужденных, содержащихся в ИК, и 10,9 тыс. чел., в отношении которых избрана мера пресечения заключение под стражу, при женских колониях имеется 13 домов ребенка, в которых проживает 866 детей.

Медицинское обслуживание осужденных и подследственных обеспечивают 133 больницы различного профиля, а также медицинские части или здравпункты в каждом учреждении, 59 лечебных исправительных учреждений для больных туберкулезом, 9 лечебных исправительных учреждений для больных наркоманией.

В состав УИС также входят:

2466 уголовно-исполнительных инспекций, в которых состоят на учете 483,3 тыс. человек, осужденных к наказаниям, не связанным с лишением свободы;

182 государственных унитарных предприятия исправительных учреждений, 551 центр трудовой адаптации осужденных, 49 лечебно-, 46 учебно-производственных мастерских.

При исправительных и воспитательных колониях функционируют 319 вечерних общеобразовательных школ и 546 учебно-консультационных пунктов, 339 профессионально-технических училищ, действуют 534 храма, 679 молитвенных комнат.

Штатная численность персонала УИС составляет 353,0 тыс. человек, в том числе аттестованных сотрудников – 256,9 тыс. человек (кроме того, переменный состав – 7,0 тыс. человек).

Медицинское обслуживание личного состава осуществляют 56 учреждений здравоохранения, в том числе 34 центра медицинской и социальной реабилитации, 14 больниц, 5 военно-врачебных комиссий и 3 санатория.

В составе УИС действуют **8 учреждений высшего профессионального образования** с 7 филиалами, в том числе Академия права и управления, 74 учебных центра и пункта, институт повышения квалификации, научно-исследовательский институт уголовно-исполнительной системы, научно-исследовательский институт информационных и производственных технологий (с 3 филиалами).

Имеется Объединенная редакция, издающая журналы «Преступление и наказание», «Ведомости УИС», газету «Казенный дом».

Юрий Александров

Юридический практикум

Суды разъясняют...

Правомерна ли цензура переписки заключенных в следственных изоляторах?

В силу необходимости защиты конституционно значимых ценностей, недопущения искажения самого существа права заключенного под стражу лица на помощь адвоката (защитника), с одной стороны, и исключения возможных злоупотреблений этим правом – с другой, Конституционный суд Российской Федерации признал цензуру переписки такого лица со своим адвокатом (так называемой привилегированной переписки) допустимой при условии, что у администрации следственного изолятора имеются разумные основания предполагать злоупотребление правом на адвокатскую тайну или разумные подозрения относительно противоправного характера переписки.

Выводы, к которым пришел Конституционный суд Российской Федерации в постановлении от 29 ноября 2010 года № 20-П, применимы и к переписке лица, содержащегося под стражей, с другими, помимо адвоката, адресатами, за исключением указанных в части 2 статьи 21 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», согласно которой не подлежат цензуре предложения, заявления и жалобы, адресованные прокурору, в суд или иные органы государственной власти, которые имеют право контроля за местами содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых, уполномоченному по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам человека в субъектах Российской Федерации, в Европейский суд по правам человека.

Целевое назначение регулирования отношений, возникающих по поводу цензуры корреспонденции обвиняемых и подозреваемых, содержащихся под стражей, как следует из статей 20 и 21 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении пре-

ступлений» во взаимосвязи с положениями УПК РФ, в том числе частью 1 статьи 97 «Основания для избрания меры пресечения» и статьей 108 «Заключение под стражу», – предотвращение преступлений, разглашения государственной или иной охраняемой законом тайны; передачи сведений, могущих помешать установлению истины по уголовному делу или способствовать совершению преступления, недопущение угроз свидетелю, другим участникам уголовного судопроизводства, уничтожения доказательств, воспрепятствования иным путем производству по уголовному делу.

Цензура переписки лиц, содержащихся под стражей, допустима, таким образом, при наличии обоснованных подозрений в том, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит противоправный характер, прежде всего в тех случаях, когда именно на необходимость исключить возможность воспрепятствования производству по уголовному делу со стороны подозреваемого или обвиняемого указывает суд в обоснование решения об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, тем более что такое решение уже само по себе влечет для лица, в отношении которого применяется данная мера пресечения, соответствующие ограничения. Что касается переписки, которая осуществляется с нарушением порядка, установленного ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» и предусматривающего, что любая переписка подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей, – как подлежащая, так и не подлежащая цензуре – осуществляется только через администрацию места содержания под стражей, то в случае выявления такого нарушения соответствующая корреспонденция безусловно должна подвергаться цензуре.

Аналогичной позиции придерживается Европейский суд по правам человека при толковании применительно к цензуре корреспонденции указанных лиц положений статьи 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, не допускающей ограничения со стороны публичных властей права на уважение личной жизни граждан, их корреспонденции, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности и общественного порядка, в целях предотвращения беспорядков или преступлений, защиты прав и свобод других лиц.

Таким образом, нормативные положения части 2 статьи 20 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в истолковании, основанном на

правовых позициях, ранее выраженных Конституционным судом Российской Федерации в сохраняющем свою силу постановлении от 29 ноября 2010 года № 20-П, не могут рассматриваться как нарушающие конституционные права заключенных под стражу лиц.

(Определение КС РФ от 8 февраля 2011 г. № 193-О-0)

Есть ли какие-нибудь изменения, касающиеся практики назначения, продления, изменения и прекращения применения принудительных мер медицинского характера?

По всем этим вопросам недавно было принято специальное постановление Пленума Верховного суда РФ.

В частности, разъяснено, что принудительные меры медицинского характера являются мерами уголовно-правового характера и применяются только к лицам, совершившим предусмотренное уголовным законом общественно опасное деяние в состоянии невменяемости или у которых после совершения преступления наступило психическое расстройство, делающее невозможным назначение наказания или его исполнение, а также к лицам, совершившим преступление и страдающим психическими расстройствами, не исключающими вменяемости, и лишь при условии, когда психическое расстройство связано с возможностью причинения этими лицами иного существенного вреда либо с опасностью для себя и других лиц. При этом цели применения принудительных мер медицинского характера отличаются от целей применения наказания и в силу статьи 98 УК РФ заключаются в излечении или улучшении психического состояния указанных лиц, а также в предупреждении совершения ими новых предусмотренных уголовным законом общественно опасных деяний.

Вид принудительной меры медицинского характера избирается судом с учетом положений части 2 статьи 99, статей 100 и 101 УК РФ. Суду надлежит мотивировать принятое решение на основе оценки заключения эксперта (экспертов) о психическом состоянии лица, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера, и других собранных по делу доказательств.

Подсудность дел о применении принудительных мер медицинского характера определяется по общим правилам подсудности уголовных дел, установленным в статье 31 УПК РФ. В силу статьи 352 УПК РФ такие дела не подлежат рассмотрению судом с участием присяжных заседателей.

(Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 07.04.2011 № 6 «О практике применения судами принудительных мер медицинского характера»)

Кто должен нести расходы по переадресовке подписных изданий (газет и журналов) при переводе осужденного в другое учреждение уголовно-исполнительной системы: сам осужденный или учреждение УИС, из которого он переведен?

УИК РФ в статье 95 устанавливает, что осужденные к лишению свободы вправе без ограничения подписываться на газеты и журналы за счет собственных средств.

Согласно Правилам распространения периодических печатных изданий по подписке, утвержденным постановлением Правительства Российской Федерации от 1 ноября 2001 г. № 759, отношения между подписчиком – гражданином, имеющим намерение приобрести или приобретающим периодическое печатное издание, и распространителем периодических печатных изданий регулируются договором подписки на периодическое печатное издание. Из содержания пункта 11 названных Правил следует, что переадресовка периодических печатных изданий является дополнительной услугой, которую распространитель оказывает подписчику за плату при наличии его согласия.

Ни УИК РФ, ни Федеральный закон «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» не предусматривают право подписчика, в том числе подозреваемого и обвиняемого, на освобождение от уплаты за оказание дополнительной услуги по переадресовке периодических печатных изданий по договору подписки на периодическое печатное издание.

Правила распространения периодических печатных изданий по подписке предусматривают право подписчика отказаться от исполнения договора подписки до передачи очередного экземпляра (экземпляров) периодического печатного издания, при этом подписчику выплачивается цена подписки недополученных экземпляров (пункт 12).

Таким образом, переадресация периодических печатных изданий осуществляется за счет средств осужденного (лица, содержащегося под стражей).

(Решение ВС РФ от 11 мая 2011 г. № ГКПИ11-315)

Что такое «приготовление к преступлению»?

Часть 1 статьи 30 УК РФ устанавливает, что приготовлением к преступлению признаются приискание, изготовление или приспособление лицом средств или орудий совершения преступления, приискание соучастников преступления, сговор на совершение преступления либо иное умышленное создание условий для совершения преступления,

если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Данная норма содержит объективные признаки приготовления к преступлению. К тому же по ее смыслу приготовление предполагает наличие прямого умысла, направленного на совершение конкретного преступления. Это обязывает органы, осуществляющие уголовное преследование, не только установить в ходе расследования и судебного рассмотрения уголовного дела сам факт приготовления к преступлению, но и доказать наличие умысла на его совершение применительно к конкретному деянию (пункты 1 и 2 части 1 статьи 73 УПК РФ).

Следовательно, признание лица виновным в приготовлении к преступлению возможно лишь в том случае, если в ходе производства по уголовному делу судом будет установлен факт того, что лицом предпринимались перечисленные в части 1 статьи 30 УК РФ действия, свидетельствующие о его реальном намерении совершить преступление, которое лишь в силу не зависящих от этого лица обстоятельств не было доведено до конца.

(Определение КС РФ от 21 апреля 2011 г. № 573-О-0)

Все ли судебные решения, принятые по результатам предварительного слушания, могут быть обжалованы?

Часть 7 статьи 236 УПК РФ прямо устанавливает, что судебное решение, принятое по результатам предварительного слушания, может быть обжаловано, за исключением судебного решения о назначении судебного заседания в части разрешения вопросов о месте, дате и времени судебного заседания, о назначении защитника в случаях, предусмотренных пунктами 2–7 части 1 статьи 51 УПК РФ, о вызове в судебное заседание лиц по спискам, представленным сторонами, и о рассмотрении уголовного дела в закрытом судебном заседании в случаях, предусмотренных статьей 241 УПК РФ (пункты 1, 3–5 части 2 статьи 231 УПК РФ). Разрешение указанных вопросов не связано с наличием препятствий для рассмотрения дела судом.

На основании части 7 статьи 236 УПК РФ не может ограничиваться возможность обжалования принятых по результатам предварительного слушания решений суда первой инстанции, если эти решения и отсрочка в рассмотрении жалоб на них судом кассационной инстанции объективно порождают опасность неоправданной и незаконной задержки в рассмотрении уголовного дела судом и нарушения права граждан на доступ к правосудию и судебную защиту.

(Определение КС РФ от 21 апреля 2011 г. № 573-О-0)

Количество лиц, приговоренных к пожизненному заключению в государствах – членах Совета Европы (по состоянию на 1 сентября 2009 года)

Страна	Кол-во лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы
Азербайджан	239
Албания	126
Андорра	0
Армения	94
Бельгия	236
Болгария	149
Великобритания: Англия и Уэльс	12 521
Великобритания: Северная Ирландия	175
Великобритания: Шотландия	762
Венгрия	233
Германия	2009
Дания	20
Ирландия	276
Италия	1468
Кипр	17
Латвия	46
Литва	106
Лихтенштейн	0
Люксембург	13
Македония	27
Мальта	8
Молдова	86
Монако	0
Нидерланды	24
Польша	245

Страна	Кол-во лиц, отбывающих пожизненное лишение свободы
Румыния	138
Сан-Марино	0
Сербия	0
Словакия	32
Словения	0
Турция	нет данных
Украина	1564
Финляндия	152
Франция	519
Чехия	38
Швейцария	нет данных
Швеция	156
Эстония	36

Источник: отчет Совета Европы (Strasbourg, 22 March 2011
pc?cp\space\documents\ pc?cp (2011) 3^e).

Александр Зимбовский

Дело Сергея Махнаткина. Как со мной, невиновным человеком...

Тот, кто не умел проходить мимо

«Я не был диссидентом, не ходил на митинги в советское время», – рассказывает про себя в интервью *The New Times* Сергей Махнаткин.

Собственно, будь Махнаткин оппозиционером, то есть человеком, уже знающим на своем горьком опыте или на горьком опыте своих товарищей, как работают родные правоохранительные органы, он, скорее всего, не оказался бы за решеткой. Но Сергей «несогласным» как раз и не был, а был просто человеком, не способным пройти мимо несправедливости. Однако, если, с моральной точки зрения, постоянно сдавать кровь (к моменту ареста на Махнаткина как раз оформлялись документы на присвоение статуса почетного донора), остановить вокзального вора, пытающегося потянуть вещи одной из пассажирок, и вмешаться, видя, как громилы издеваются над пожилой женщиной, – это явления одного порядка, то с точки зрения существующего в России Уголовного кодекса – совсем нет. Ведь вышеупомянутые громилы находились при исполнении обязанностей по обеспечению конституционных прав граждан на свободу собраний, митингов и шествий.

Не в то время, не в том месте

Итак, 31 декабря 2009 года Сергей Махнаткин оказался на Триумфальной площади. Оказался случайно.

«Никто из нас не знал его, никто не видел на митингах раньше», – рассказывает участница «маршей несогласных» Т. Кадиева. По ее словам, Махнаткин просто пошел за продуктами не в тот магазин и не в то время. Возвращаясь, увидел, как правоохранители тащат в машину пожилую (72 года) женщину, и не смог отвернуться и пройти мимо.

– Он подошел к одному из милиционеров, потрогал его за плечо и спросил: «Что вы делаете?» – рассказывает Т. Кадиева. – Сергея тут же забрали.

По рассказу Т. Кадиевой, в автобусе с Махнаткиным долго проводили педагогическую беседу на тему, как не следует разговаривать с представителями правоохранительных органов, а именно: избивали и душили.

Следует отметить, что с этого проблемы Сергея только начались. Автору неизвестно, что послужило причиной преследования. То ли сверху была спущена негласная разнарядка – посадить любого, чтобы дать остальным «несогласным» урок, а Махнаткин, человек неопытный, что было видно невооруженным взглядом, никому не известный и одинокий (это стало ясно по отсутствию звонков по поводу его задержания), оказался идеальной кандидатурой, то ли правоохранителей разозлило требование принять заявление о нанесенных побоях, то ли сработали оба этих обстоятельства, но на Сергея был составлен рапорт. Оказывается, не сотрудники милиции применили к нему насилие, а он к ним.

Максимум – год условно!

Далее Сергей некоторое время ходил под распиской о невыезде.

«Сергей Махнаткин обращался в правозащитные организации, ему находили адвокатов, – рассказывает Александр Хатов (ОГФ), – адвокаты честно объясняли Сергею, что максимум чего можно добиться – это год условно. Сергей возмущался: “Как это я, невиновный человек, должен получить год условно?” В итоге Сергей отказался от услуг адвокатов и принял решение защищать себя сам».

1 июня 2010 года Сергей был заключен под стражу. От следствия Махнаткин не скрывался и в милицию являлся исправно. Пришел сам и в день ареста (по повестке, в которой было сказано, что Сергей вызывается для участия в опознании милиционеров, подозреваемых в избиении).

Кстати, сразу же после ареста Сергей Махнаткин был избит снова.

Об особенностях милицейской анатомии

8 июня начался суд. «Я и другие свидетели защиты рассказали, что не видели, как Сергей Махнаткин бил милиционера, зато видели, как милиционеры били Сергея Махнаткина, – говорит Татьяна Кадиева. – Судья выслушал наши показания и заявил, что не верит им, поскольку мы знакомы с Махнаткиным, а значит, заинтересованы в исходе дела». Мысль о том, что милиционеры также могут быть знакомы со своим «униженным и оскорбленным коллегой», а значит, быть заинтересованными в исходе дела, судьбе почему-то в голову не пришла.

Впрочем, были и другие странности. В материалах дела дважды фигурировала дата травмы (перелома носа). Судя по этой дате, доблестного правоохранителя окурносили не 31 декабря 2009 года, а на два (!) месяца раньше.

Судья по этому поводу заявила, что имела место «техническая ошибка». Что ошибка имела место, понятно, но как она возникла, причем дважды одна и та же? У автора имеется подозрение, что «очепатка» образовалась при переписывании характеристик травмы с подлинных медицинских документов, в которых было зафиксировано настоящее время получения увечья, которое Махнаткин не мог нанести.

Ну и напоследок отмечу, что бесплатный адвокат, назначенный Махнаткину судом, не удосужился сказать в защиту Сергея ни слова.

Вынесенный 8 июня приговор: 2,5 года колонии общего режима.

В знак протеста против ареста и произвола на суде Сергей Махнаткин объявил сухую голодовку и держал ее 12 дней.

Затем прошел суд по кассационной жалобе защиты. «Это чисто судейский бандитизм», – комментирует произошедшее Михаил Трепашкин, защищавший Сергея в суде второй инстанции.

По словам Михаила Трепашкина, даже если предположить, что Сергей Махнаткин сделал то, в чем его обвиняют, признавать его виновным по ч. 2 ст. 318 УК РФ (Применение насилия, опасного для жизни или здоровья в отношении представителя власти) незаконно, поскольку удар по носу не несет угрозы для жизни.

Кроме этого, один из свидетелей (милиционеров) показал, что Махнаткин ударил пострадавшего по спине, и наконец, экспертам ставили вопрос о наличии травмы, но не ставили вопрос, когда травма была получена.

Все это не помешало суду второй инстанции оставить приговор без изменения. Жалоба на нарушение прав С. Махнаткина подана в Европейский суд.

Его главная мысль сейчас

В настоящее время Сергей Махнаткин находится в колонии 01155/4 (Тверская область). По словам Инны Шифановой («Солидарность»), посещавшей Сергея, Махнаткина не очень беспокоят проблемы с питанием, и не потому, что зона богатая и кормят хорошо, а просто потому, что он такой человек. Его беспокоит то, что на зону не разрешают передавать ни книг, ни газет. Но это не главное, а главное, что его мучает и держит в крайне подавленном состоянии, – это мысль: «Как со мной, невиновным человеком, могло произойти подобное?!»

Два письма из зоны

Система

Тех, кто живет вне Системы, она уничтожает. Либо ты с нами, либо ты против нас. Либо ты принимаешь правила игры, либо тебе их навязывают. Но если ты играешь неохотно, то для начала становишься изгоем, от тебя все шарахаются как от проказы, нигде не принимают и не воспринимают. Принцип прост: от общения с прокаженным непременно заразишься и станешь таким же. Но если это не действует, начинается пресс: придирки без причины, шизо, пкт, епкт, крытая. И всё, жизнь прошла. А пока ты прожигаешь ее в Системе, она кует на тебе деньги. Если ежедневно на одного зэка из бюджета выделяется 300 рублей, а сидит по стране в среднем миллион, то Система ежедневно имеет огромные деньги. Выгодно ей терять их? Ответ очевиден. Кормят просроченными продуктами, диета ничем не отличается от общака, медикаменты приобретаем за свои деньги, ремонты делаем сами. На бумаге Система работает на исправление человека и возвращение его в нормальное общество. На самом же деле все делается для того, чтоб ты никогда не вышел из нее и не стал этим нормальным человеком. Лишь немногим удается после освобождения найти работу и жилье, остальным мест нет. Да и откуда им быть, если безработных, бомжей не счесть? «Вся жизнь – театр», – сказал Шекспир. А какие здесь режиссеры, какие артисты в Системе! Уговорить или заставить дебила, которого ломает без дозы, на которую его сами посадили, на то, чтоб он захватил медсестру в заложницы, кинулся на запретку или написал явку, в которой оговорит себя или того, на которого укажут, – проще простого. И все это для того, чтоб все знали: Система необходима, Система работает. А раз так, то пожалуйста еще денюжат из бюджета. А сколько денег уходит на ставшие модными поездки различных комиссий. А иначе зачем они ездят? Ни пользы, ни вреда от них – одна пока-

зуха. Вот едет такая комиссия, а ее уже ждут: подчищены документы, наспех сделаны косметические ремонты, но главное – забыты свиньи, бараны, куры, которые откормлены в подсобных хозяйствах, но в зонновском котле их никто не видел! Уезжая, комиссия везет своему начальству заведомую ложь, которое принимает эту залепаху и отправляет по инстанции в Москву, а там, зная, что это ложь, принимают ее, ведь она прекрасно вписывается в их отчеты, которые обнаружат в СМИ. Вывод: бороться с Системой нереально, себе дороже – вредно для здоровья, опасно для жизни.

Дмитрий Морачевский

Детская преступность: взгляд изнутри

Я простой российский зэк. Я провел в лагерях более двадцати лет сознательной жизни. А в лагеря я ушел прямо с порога детского дома, где воспитывался с четырех лет. Говорю об этом только для того, чтобы читатель понял: тема, затронутая мной, известна мне не понаслышке. Что такое детская преступность? Я хочу попытаться ответить на этот вопрос с точки зрения того, кто в свою взрослую преступную жизнь шагнул именно из преступности детской.

Любой из нас, кто хоть раз переступал порог тюрьмы в качестве арестанта, знает, что преступление – это противоправное деяние, то есть действие, запрещенное законом. Так сказано и в Уголовном кодексе. Но можно взглянуть на эту проблему и по-другому. Валентин Пиккуль в одной из своих книг писал: «Преступность – нормальная реакция нормальных людей на ненормальные условия жизни». А норвежский криминолог Нильс Кристи в книге «Преступность как индустрия» пишет: «Действия не являются теми или иными. То же и с преступностью. Преступлений как таковых не существует. Некоторые действия становятся преступлениями в результате долгого процесса придания им смысла».

Хочу сразу оговорить: убийство – всегда преступление, за исключением случаев необходимой обороны для предотвращения убийства. Поэтому я не буду касаться тех подростков, которые совершили убийство. И мне не хотелось бы, чтобы из-за выше приведенных цитат кто-нибудь сделал вывод, что я думаю, будто бы преступлений не существует вообще. И преступления, и совершающие их преступники конечно же есть. Но преступник – это взрослый человек, который осмысленно и осознанно нарушает законы общества, в котором живет. Почему он это делает, нас в данный момент не интересует. А вот почему наши дети

совершают поступки, противоречащие установкам общества, в котором живут, и почему эти поступки мы считаем преступлениями?

Пытаясь ответить на эти вопросы, я руководствовался собственным опытом, тем, что пережил сам. Мне было одиннадцать лет, когда общество махнуло на меня рукой и решило, что мой дом – тюрьма. За систематические побеги из детского дома и воровство меня направили в школу для трудновоспитуемых. Там я пробыл чуть более трех лет. На свободе после спецшколы я провел пять месяцев. Потом – «малолетка» (воспитательно-трудовая колония) – дали три года за более чем тридцать эпизодов квартирных краж. Всё! Детство кончилось. Это происходило в конце семидесятых – начале восьмидесятых. И добавить могу только одно: ребенку нужно внимание, нужна ласка, а детский дом это дать не может по определению. Я сбегал, и мне нужно было что-то есть, во что-то одеваться. Чтобы не сдохнуть от голода и холода, приходилось красть.

Это из моего опыта. А вот уже 1998 год, железнодорожный перегон Иркутск – Хабаровск. Я ехал этапом из Иркутска, отбыв положенную часть очередного срока в «крытой» города Тулун. На очередной станции, по-моему, это было в Улан-Удэ, к поезду подошли несколько ребятшек. Старшей из них, девочке, было на вид лет одиннадцать-двенадцать. Остальным – от пяти до десяти. Я уверен, что «столыпинский» вагон легко отличить от обычного, но дети подошли именно к нам. Я был молод и не слишком подвержен сантиментам, но, когда дети начали просить у нас хлеба, а конвойный послал их по-русски и стал закрывать окно, я устроил форменный бунт, угрожая раскатать и перевернуть вагон, если детям не отдадут собранный нами хлеб. Зэки меня поддержали.

Я тогдашний – молодой двадцатисемилетний парень, на тот момент отсидевший уже более десяти лет, прошедший уличную школу от «А» до «Я», – не мог смотреть на этих детей спокойно. До сих пор так и вижу их чумадые мордашки, слышу тоненькие голоса, взывающие к нам, зэкам: «Дяденьки, дайте хлеба».

С тех пор прошло более десяти лет. И кто знает, что случилось с этими детьми? Если судить по своему опыту, думаю, что по меньшей мере четверо из тех семи-восьми детей уже прошли тюрьму или вот-вот там окажутся.

А вот совсем недавний пример. Буквально на днях, в конце апреля этого года, к нам в колонию особого режима приводили на экскурсию детей. Половина из них была из местного детского дома, половина – из семей, но все они относились к категории «трудновоспитуемые».

Когда открылась дверь и они заглянули к нам в камеру, я увидел – себя, каким был лет двадцать пять назад. Какие уж тут комментарии...

Примеры, описанные мной, укладываются в рамки тридцати лет. Мой пример – самый законченный. Что стало и станет с детьми из двух других – не знаю. Но у меня лично сомнений не вызывает, что для большинства из них тюрьма стала или вот-вот станет домом. Тем более что половина из тех пацанов, которых приводили к нам на экскурсию, уже прошла «короедку», то есть спецшколу для трудновоспитуемых.

Вывод напрашивается сам собой, но мне хочется подкрепить его собственным опытом. Еще в бытность свою в спецшколе, а после на «малолетке», я узнал, что большинство преступлений (процентов девяносто, если не более) совершаются пацанами, сбежавшими из семьи или детского дома. Таких детей называют беспризорниками, безнадзорными. Слова эти казенные, они означают, что ребенок остался без контроля со стороны взрослых. Но дело отнюдь не в отсутствии контроля как такового, а в отсутствии *внимания* к детям. Их преступления – следствие нашего к ним невнимания.

Есть и другая сторона так называемой детской преступности. Почему поступки детей попадают в разряд преступлений? У всякого преступления есть мотив, побудительная причина, об этом и в Уголовном кодексе написано. В решениях судов относительно подростков чаще всего встречается казенная формулировка «из корыстных побуждений», «с целью наживы». В приговоры не попадает то, что он украл, так как есть было нечего, надеть было нечего. А раз так, его не наказывать надо, а исправлять ситуацию, в которую он попал, – когда и есть нечего, и надеть нечего. Внимание ему нужно, а не колючая проволока.

Когда такого малолетку спросишь, почему сбежал от родителей или из детдома, ответ всегда один и тот же: папка с мамкой пьют и дома есть нечего или воспитатели и старшеклассники бьют и издеваются, а заступиться некому. Иные и уделяют ребенку внимание, но какое? Орут, раздают подзатыльники...

Кнут без пряника не сработает, это было известно еще далеким нашим предкам. И вообще, почему мы, взрослые, стараемся загнать всех в одни и те же рамки? Подросток ворует, потому что есть хочет. А кто несет за это ответственность? Тот, кто поставил его в такие условия.

Моя жизнь сложилась так, как сложилась, потому что кто-то когда-то решил, что мне надо обязательно дать реальную «трешку», условно, мол, слишком мягко будет. А кто знал, что после четырех месяцев предварительного заключения я был готов на все, лишь бы не попасть на нары всерьез? До этого я хорошо учился, любил математику. А из

колонии я освободился уже с богатым криминальным опытом. В колонии я узнал, что каждый порядочный ээк должен стремиться стать если и не «вором в законе», то хотя бы «бродягой». Я был порядочным. И стал стремиться. За двадцать отсиженных лет я «отвечал» за «смерть-крыло» Владивостокского централа, «отвечал» за транзитное крыло в Иркутском централе, «отвечал» за два лагеря в Приморском управлении, «отвечал» за ЕПКТ. Плюс к этому прошел «крытую» и «спецбуры», знаком с «ворами». Богатая биография. Ее, правда, могло бы и не быть, но само государство в лице судьи дало мне путевку в такую жизнь.

Возможно, позиция моя предвзята, но я уверен, что детскую преступность создают сами взрослые, которые к тому же еще и не умеют учиться на собственных ошибках. Судьи, которые дают детям сроки, изучали только психологию преступника, вот они и видят в пацанах на скамье подсудимых именно преступников, а не подростков. Так что начинать надо со взрослых.

Восточный мудрец Шри Чинной сказал: «Вчера я был умным, поэтому старался изменить мир. Сегодня я стал мудрее, поэтому меняю себя...»

Дмитрий Рыкунов

Леонид Пантелеев

Записки члена Общественной наблюдательной комиссии

...Есть вещи, наверное, реформам неподвластные. При посещении одного из следственных изоляторов я обратил внимание на то, что в карцере находится несколько человек за отказ зачитывать доклад при проверке или посещении камеры СИЗО каким-либо сотрудником администрации. Наверное, когда в ПВР СИЗО РФ¹ чиновники-ученые ФСИН РФ вписывали норму, обязывающую временно арестованных делать подобные доклады, они меньше всего думали о человеческом факторе. А зря. Ведь есть категория людей с обостренным чувством собственного достоинства, для которых зачитывание таких строчек сродни реальному и серьезному унижению. И не станут они этот доклад делать. Спрашиваю у каждого: «Вы понимаете, что администрация обязана следить за выполнением этих правил?» «Да, – отвечают, – понимаем. Но все равно доклад делать не будем. Все остальные требования готовы выполнять. А доклад зачитывать не можем». Наверное, это не самый легкий случай для одного-единственного штатного психолога СИЗО, который к тому же не очень-то и свободен в своих решениях...

Судьба преподносит порой сюрпризы более чем удивительные. Посещая СИЗО-4 (ул. Лебедева, 39), зашел в очередную камеру. И после дежурных слов: «*Нет ли у кого вопросов, жалоб по условиям содержания?*» услышал от одного из заключенных вопрос: не помню ли я его? Конечно, в лицо я его не вспомнил. Он представился. Оказался он тем самым Вячеславом Теппелем, который несколько лет назад занимал должность заместителя начальника УФСИН по Санкт-Петербургу и Ленинградской области, а впоследствии был арестован за издеватель-

¹ Правила внутреннего распорядка следственных изоляторов.

ства над осужденными². Я был крайне удивлен, узнав, что в камере Теппеля нет телевизора и холодильника. Такая неустроенность, по словам этого заключенного, создалась в связи с недостаточной четкостью законодательства. В частности, из-за формулировок уголовно-исполнительного законодательства вроде «на усмотрение администрации», «исходя из технических возможностей», каковые раньше, в бытность Теппеля во ФСИН, судя по всему, не интересовали его совершенно. Уж не знаю, что это было – какая-то хитрая игра, буквалистское соблюдение закона нынешним руководством изолятора или выверты самой уголовно-исполнительной системы, нередко готовой забывать даже бывших своих коллег. Пришлось пообещать, что помогу с передачей холодильника и телевизора от родственников арестованного.

Об эту логику гражданина начальника многие, как выяснилось, уже спотыкались. Оказалось, что есть некая инструкция то ли ФСИН, то ли прокуратуры, в соответствии с которой телевизоры администрация не может принимать от физических лиц – только от юридических. Подозреваю, что никогда не получу внятного ответа – в чем тут разница...

...Информацию по избиениям заключенных не всегда можно проверить доподлинно. Отрывок из недавнего моего отчета³, копия которого направлена начальнику УФСИН по СПб и ЛО: «...при посещении помещений ШИЗО, ПКТ, СУОН к нам обратился ос. Шорник Василий Витальевич, 1989 г. р., с жалобой на незаконные действия начальника оперативного отдела ИК-6 Зюзина. В первых числах апреля начальник оперотдела ИК-6, зайдя в распоряжение 12 отряда (отряд карантина) и услышав от Шорника просьбу перевести его поскорее в один из отрядов жилой зоны колонии (Шорник, по его уверению, находился в карантине больше положенного срока), стал избивать этого осужденного безо всякой причины ногами. Шорник после этого просил вывести его в медсанчасть колонии для снятия побоев. Однако ст. дневальный 12 отряда Поляков отказался это делать. Утверждения Полякова о том, что он никому не пытался препятствовать в выходе в медчасть колонии НЕ представляются нам заслуживающими доверия по следующей причине. Мы вновь вынуждены обратить Ваше внимание на то, что некоторые осужденные ИК-6 в нарушение ч. 4 ст. 111 УИК РФ и приказа № 79 МЮ РФ получают полномочия администрации. Нет никакого сомнения в том, что если вышеуказанное избиение имело место,

то дневальный Поляков, находясь в полнейшей зависимости от администрации колонии, правды членам ОНК не скажет.

После избиения Шорник был водворен в ШИЗО. Туда к Шорнику, по его утверждению, приходил начальник отряда и сообщил осужденному, что информация о его избиении начальником оперативного отдела ИК-6 доведена до сведения начальника колонии. Сергей Петрович Оганесьян⁴ сообщил нам, что ничего подобного от начальника отряда он не слышал... Кроме того, по утверждению Шорника, он дважды писал заявление на прием к руководству колонии, но его никто не вызывал. После беседы, проходившей приватно в одном из помещений ПКТ, ШИЗО, СУОН, ос. Шорник, выйдя из помещения где велась беседа, был строго отчитан начальником колонии за то, что сам Шорник вел себя при выходе недостаточно учтиво в отношении начальника колонии... Мы не можем утверждать со всей уверенностью, было это избиение или его не было, но, по нашему мнению, неоспоримым является следующее:

1. Презумпция невиновности в равной степени распространяется как на начальника оперотдела колонии, так и на самого осужденного. Презумпция же виновности (исходя в том числе из профессионально-этических норм служебного поведения сотрудника уголовно-исполнительной системы РФ) может в большей степени соотноситься именно с таким должностным лицом, нежели с осужденным.

2. Слова осужденного Шорника о том, что к нему были применены недозволенные методы воздействия, должны восприниматься объективно. Уже по той хотя бы причине, что ВСЕ осужденные в соответствии с 8 ст. УИК РФ равны перед законом. И если какие-то показания-свидетельства осужденных администрацией мест заключения берутся на веру, то почему бы и в данном случае не попытаться представить, что Шорник говорит правду?..

На записи передачи «Принцип действия»⁵ был показан сюжет, где осужденные 7 колонии (Санкт-Петербург, «Яблоневка») уныло маршируют под собственный речитатив «Раз, раз, раз-два-три». В эфир не попало мое утверждение о том, что некоторые тюремные чиновники уже даже не пытаются скрывать свое солдафонское самодурство, не смущаясь тем, что такая казарменная муштра заключенных совершенно незаконна и не прописана никак даже в уфсиновских циркуля-

² <http://www.ziwa.org/Cluster.aspx?uid=2011030436&id=5A>

³ Как члена ОНК Санкт-Петербурга.

⁴ Начальник ИК-6.

⁵ Из цикла программ «Курс на выживание» (<http://www.tv100.ru/video/view/48555/>).

рах. Имею в виду ту их часть, которая, по определению, должна быть открытой и гласной. То есть требование о передвижении осужденных по территории колонии строим есть, а вот о хождении в режиме маршировки нет ни полслова. Но, очевидно, по мнению правоприменителей тюремного ведомства, раз нет непосредственного запрета на маршировку, то почему бы ее и не ввести? Хотя и прямые запреты, подчас, не спасают. Например, пресловутые секции дисциплины и порядка. Они перекрасились и получили сейчас другие названия. При посещении питерских колоний, из писем сидельцев, со слов освободившихся явствует – эти секции по-прежнему действуют, несмотря на провозглашенную гуманизацию тюремной системы России и (что должно быть не менее важно для самих надзирателей) на 79-й приказ Минюста, прямо и достаточно определенно упраздняющий такие секции.

11 мая судья Усть-Куломского районного суда (Республика Коми) Наталья Минина отказала в удовлетворении представления начальника колонии-поселения № 32 (КП-32) о замене режима на более строгий заключенному Григорию Чекалину, экс-зампрокурора г. Ухта. Сторона обвинения вопреки ожиданиям дала заключение о том, что тяжесть совершенного Чекалиным нарушения не соответствует наказанию, на котором настаивало руководство КП-32. Защитник Чекалина, адвокат Виктор Козлитин, пояснил, что представители колонии не смогли в суде внятно объяснить некоторые моменты. *«Например, в характеристике на Чекалина написано, что он не участвовал в общественной жизни, находясь в карантине. Я спросил: “А какая общественная жизнь там?” Они сказали: “Да никакой”. “Так зачем пишете?” Или: “Мероприятия воспитательного характера посещал регулярно, но реагировал не всегда правильно”. Я спросил: “В чем это выразилось? Послал кого-то, может?” Смысл ответа был такой: но он же совершил нарушение впоследствии – значит, неправильно реагировал...»* Судья Наталья Минина отказалась признать Григория Чекалина злостным нарушителем установленного порядка отбывания наказания, заслуживающим перевода с поселения в колонию общего режима. Вместе с тем суд счел законным наказание заключенного за хранение валюты в размере \$1 семью сутками штрафного изолятора.

К уполномоченной по правам человека в Самарской области Ирины Скуповой обратилась мать осужденного, отбывающего наказание в одной из колоний Самарской области 3,5 года. Она обращалась в суд с заявлением об УДО в августе прошлого года, но получила отказ, сооб-

щает корреспондент агентства «Волга-Ньюс». Омбудсмен смог лишь посоветовать женщине повторно обратиться в суд. Как отметил начальник ГУ ФСИН РФ по Самарской области Валерий Яковлев, суды не всегда выносят решение об УДО. Они мотивируют свой отказ тем, что осужденный мало находился в колонии и личность его до конца не изучена или у суда нет уверенности в том, что он повторно не совершит преступление. И случаев таких в российской пенитенциарной системе много. Например, с арестованным по сфабрикованному делу челябинским правозащитником Алексеем Соколовым, которому суд отказал в УДО, основываясь, в частности, на противоречивых посылах: колония предоставила положительную характеристику на Соколова, а прокурор заявил, что Алексей характеризуется отрицательно.

Я не к тому, что суды должны всех безоглядно отпускать на свободу. Или, наоборот, никого не выпускать. Мне хотелось бы, чтобы механизм представления на УДО или отказа в нем в судах был понятным и ясным, впрочем, как и механизм вынесения поощрений в колониях.

С 2005 года правозащитники стараются отслеживать судьбу осужденного Виталия Князева. Краткая предыстория. Виталий Князев – один из трехсот осужденных учреждения ОХ-30/3 (г. Львов, Курской области), написавших заявление с требованием о привлечении к уголовной ответственности тех сотрудников этой колонии, кто издевался над осужденными и избивал их. После того как дело получило широкую огласку (на «место происшествия» выезжал В. Борщев, представитель уполномоченного по правам человека РФ), массовые избиения прекратились, против некоторых сотрудников ИК-3 было возбуждено уголовное дело. Однако к подавляющему большинству осужденных-жалобщиков была применена излюбленная некоторыми надзирателями «воспитательная новация»: их стали «кидать», переводить из колонии в колонию, оказывать на них всевозможное давление. Постепенно вся «команда» забрала свои заявления назад. Остался последний из могижан – Князев. Его жгли кипятком, натравливали на него овчарок и блатных, избивали, мурыжили по долгим этапам и пересылкам. Но свое заявление этот львовский упрямец так и не забрал. И теперь в Страсбурге есть информация о беспределе в российских тюрьмах и по львовскому эпизоду...⁶ Более того, Князев имел нахальство очаровать психолога одной из колоний, в которой он отбывал наказание, и жениться на ней,

⁶ См. более подробно в «Неволе» № 14, в статье «Продолжение следует?...» (http://index.org.ru/nevol/2007-14/09_panteleev_n14.html).

что, предположу, вызвало особую ярость у некоторых чиновников тюремных. Новобрачную немедленно уволили.

Спустя какое-то время от Виталия Князева отстали. Он имел возможность читать книги, вести обширную переписку, развиваться не только умственно, но и физически. Виталий и его супруга Лорена Князева, вступили в ряды МОБПО «Комитет за гражданские права» (МОБПО Комитет). Но недавно стало известно, что начальственный взор, судя по всему, вновь оборотился к бывшему львовскому узнику замка ОХ.

Отрывки из обращения МОБПО Комитета, адресованного начальнику ГУ ФСИН по Хабаровскому краю, прокурору и уполномоченному по правам человека этого региона: «...МОБПО Комитет крайне встревожен имеющими место нарушениями прав члена МОБПО Комитет КНЯЗЕВА ВИТАЛИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА, мужа руководителя представительства МОБПО Комитета по Хабаровскому краю, допущенными в ЕПКТ ФБУ ИК-14. При обследовании... у Князева были обнаружены затемнения».

Виталию в связи с этими затемнениями пообещали квалифицированное обследование. Однако «...по пути следования Князев неожиданно узнал о том, что его везут не в медицинское учреждение, а в СИЗО № 1 Иркутской области». Все попытки Князева выяснить причину изменения предусмотренного ранее маршрута ничего не дали. Родственники об этих изменениях по нередко встречающейся в региональных уфсинах практике также уведомят не были. По имеющейся информации, после прибытия Князева в ИК-14 у него «изъяли личные вещи, молитвенный коврик. Камера, куда он был помещен, не имеет отопления, в ней было очень холодно, тем не менее у Князева не было при себе личных вещей. В знак протеста Князев порезал себе вены и был направлен в больницу. В связи с изложенным прошу: 1). Провести проверку... принять меры, направленные на защиту прав и законных интересов Князева В. А. 2). Лично встретиться с Князевым В. А. для беседы с ним... Председатель МОБПО Комитета А. В. Бабушкин».

Хочется надеяться, что еще до того, как эти обращения дойдут до адресатов, и начальник ГУФСИН, и прокурор края, и хабаровский омбудсмен предпримут все меры для спасения этого осужденного. И Виталия не постигнет судьба, например, адвоката Магнитского...

Уполномоченный по правам человека в Челябинской области Алексей Севастьянов направил 12 апреля обращение на имя директора ФСИН Александра Реймера с просьбой изменить способ проведения так назы-

ваемых полных обысков осужденных. Как сообщил в своем письме омбудсмен, против нынешней процедуры, включающей проверку анального отверстия, и выступили заключенные копейской исправительной колонии № 1, однажды вскрывшие себе вены. По их словам, полная проверка в нынешнем виде «унижает честь и достоинство человека», противоречит законодательству РФ и Европейской конвенции по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания (Страсбург, 26 ноября 1987 года). Такие способы обыска, рассказал Севастьянов, «имеют место в учреждениях ГУФСИН Челябинской области: при водворении в ШИЗО, СУС, ПКТ, ЕПКТ постоянно заставляют полностью раздеваться, присесть, раздвинуть ягодицы... А потом еще и медицинский работник пальцем проверяет анальное отверстие осужденного, к которому в этот момент может применяться физическая сила со стороны сотрудников администрации». По его мнению, эффективность полного обыска, проводимого для обнаружения запрещенных предметов, равна «нулю»: часть осужденных содержится в ШИЗО долгое время и не может иметь каких-либо запрещенных предметов, так как их при первом водворении уже эффективно обыскивали. «Считаю, что руководство ФСИН России должно рассмотреть вопрос о возможном введении в данный процесс достижений технического прогресса... различные металлоискатели, газоанализаторы и прочее, что на корню снимает какие-либо претензии о проведении полных обысков... да и участие самих сотрудников будет исключено из этой малоприятной процедуры», — отметил Севастьянов.

В апреле 2011 года осужденный Геннадий Уминский, страдающий тяжелой формой сахарного диабета попросил разрешения на... эвтаназию в связи с отказом в освобождении, несмотря на его фактически неизлечимое заболевание. Этот дикий и беспрецедентный случай произошел в Рязанской колонии. Тюремные эскулапы признаются: Геннадий и впрямь долго не протянет. Чтобы не мучиться, сиделец написал открытое обращение во многие инстанции, однако вряд ли чиновники ему помогут – эвтаназия в России запрещена. Страшное письмо правозащитникам прислала мать Геннадия Уминского, осужденного в 2007 году на 18 лет. Она уже отправила такое же обращение по почте председателю областного суда по Рязанской области, в Комиссию по правам человека и многие другие инстанции. Но сама просьбу сына не поддерживает. Да и какая мать с подобным решением согласится? В данный момент Геннадий «мотает» срок в ИК-3 УФСИН РФ по Рязанской области, но большую часть времени находится на лечении в тюремной больнице. Врачи

больницы подтверждают, что Геннадий, мягко говоря, в плохой форме. И никак не могут понять, почему судьи упорно не хотят его освободить. Так что выход у этого человека один – медленно гнить в тюрьме.

Привожу отрывки из письма одного из осужденных к пожизненно-му лишению свободы в ФБУ ИК-18 (пос. Харп, ЯНАО), фамилию которого по понятным причинам не указываю:

«...с 3 декабря 2010 года нас всех, с поста № 4, второй этаж, перевели на пост № 7, первый этаж. Представляете, зимой решили делать ремонт? А нас, больных туберкулезом, содержат на первом этаже. И при таком климате и лютых северных морозах это просто издевательство над больными. В камере холодно, сыро, сквозняки, рамы на окнах одинарные. Пишу Вам письмо в валенках. Так как ноги сильно мерзнут... Уже более года обещают создать нормальные условия больным, проходящим курс лечения, но, оказалось, это только на словах, так как до сих пор мы все больные содержимся, как и все осужденные к ПЛС, в обычных условиях. Да, так же, только на словах, обещают выдать в камеры телевизоры, радио, но до сего дня не выдают. Ну а по поводу заболевания туберкулезом вообще такое... что не буду писать. Так как письмо просто выбросят. Как уже было неоднократно... И также жалобы, заявления и обращения. Прямо внаглую говорят – не будут отправлять. Вот даже когда... писал заявление от 07. 12. 2010 г. начальнику УФСИН России по ЯНАО Дерюгину С. Н., чтобы нас, больных туберкулезом, перевели на второй этаж. Так как там более-менее теплей. Но все тщетно. На посту 7 камеры не оборудованные, стекла были сломаны, полки под гигиену, под розетку, вешалку, даже радио в камере отсутствует. А включают на весь коридор одно радио. А это уже пытка шумом. Кому-то это нравится, а мне лично это не дает спокойно читать и писать... Написал заявление, чтобы радио установили в камере, чтобы по мере необходимости мог пользоваться своим правом, но пока говорят нет радио... Если камера не оборудована, чего в ней держать осужденных... поставили кварц-лампу, но от этого теплее не стало. Сквозняк как был, так и есть. В общем, так понимаю, нас, больных, умышленно посадили сюда, чтобы пошло обострение и размножение этой страшной болезни туберкулеза...»

Если эта информация соответствует действительности, то людей просто стараются технично умертвить.

В амурском управлении Федеральной службы исполнения наказаний уволены сразу два заместителя начальника. От должности отстранены с предупреждением об увольнении начальник благовещенского СИЗО и исправительной колонии № 8. Таков итог визита в Амурскую область директора ФСИН России Александра Реймера. По его мнению, состояние амурских колоний оставляет желать лучшего, а уголовно-исполнительная система области и вовсе плачевна. Имена уволенных – Геннадий Алябьев и Александр Симоненко. Отстранены от должности Марк Герасимов и Виктор Морозов. Некоторые явления в колониях Александр Реймер назвал каменным веком. «Когда последний раз видели в бане котел с водой, из которого два крана торчат? И это баня, в которой должны мыться 100 человек? Это не каменный век, по-вашему? Не задача Москвы контролировать каждую территорию, тем более доходить до каждой колонии. У нас их около тысячи по всей стране, у меня контролеров не хватит, чтобы каждую колонию контролировать. Это должны делать руководители территориальных органов. А вот то, что мы вчера с вами видели в колониях, и то, что, на мой взгляд, действительно каменный век, – это зависит в первую очередь не от недостатка финансирования. Как раз в Амурскую область мы деньги выделяли и на ремонт, и на строительство. Это зависит от отношения руководства и территориального органа и конкретно того учреждения, в котором мы были, – высказался директор федеральной службы. – Я противник отчетов о том, что сделано. Я предпочитаю, чтобы то, что сделано, проверялось реально». Кроме того, он отметил, что в колониях осужденные не в полной мере загружены работой. Их зарплата составляет от 150 до 300 рублей в месяц. В Красноярском крае, например, за свой труд осужденные получают по 20–30 тысяч рублей...

И.о. начальника УФСИН по Ивановской области Павел Касаткин рассказал, что 10 мая в талицкой ИК-2 строгого режима, ориентировочно в 23.20, группа из 13 заключенных взломала люк запасного выхода и поднялась на крышу одного из зданий, вновь заперев за собой люк. Забаррикадовавшиеся на крыше заключенные потребовали встречи с руководством УФСИН. Около 4 часов утра в колонию прибыл Павел Касаткин, после чего заключенные согласились спуститься вниз для беседы с ним. В ходе беседы они заявили, что регулярно подвергаются оскорблениям и унижениям со стороны других заключенных, которые к тому же отбирают у них вещи и угрожают физической расправой. При этом администрация колонии, по утверждению участников протестной акции, не только не защищает их, но и поощряет действия их обид-

чиков. В связи с этим участники вылазки потребовали оградить их от агрессивно настроенных обитателей колонии. Все участвовавшие в акции лица принадлежат к числу так называемых «осужденных с пониженным социальным статусом». Павел Касаткин заявил, что никаких агрессивных действий в отношении сотрудников УФСИН организаторы манифестации на крыше не предпринимали. Никаких колюще-режущих и других опасных предметов при них также не обнаружено. Сила к манифестантам не применялась. И.о. замначальника УФСИН Владимир Трушков отметил, что в действиях администрации колонии имеются определенные недоработки, однако делать окончательные выводы пока что рано. При этом известно, что сразу после случившегося в ИК-2 были проведены масштабные обыски, в ходе которых изъяты ряд запрещенных предметов, однако опасных предметов не обнаружено. После публикации этой информации на сайте «Общественный контроль»⁷ возник комментарий неистового флудовика (бывшего, по его словам, фсиновца), обитающего на правозащитных сайтах. Суть коммента была незатейлива и проста как полицейская дубинка – мол, почему правозащитники не заинтересовались, что это был бунт опущенных? Я почти дословно передаю. Коммент этот модератором был сразу же удален, но суть остается прежней – реформы нужно начинать не с перестройки колоний в тюрьмы, а с изменения сознания надзирателей.

Привожу цитаты из письма жены осужденного из 21-й колонии, полученного по электронной почте: «...3 февраля 2011 года, узнав из писем мужа (Алексея Князева. – Л.П.) что ему не оказывается медпомощь в должном объеме, я позвонила в ИК-21 и попросила прояснить данную ситуацию. Ракитин И.Б. (мое примечание: начальник колонии) ответил, что по медицинской части он ничего сказать не может, но пообещал разобраться. В тот же день я позвонила в санчасть данной колонии с целью получить информацию от компетентного специалиста». Таковым специалистом в ИК-21 оказался врач медчасти ИК-21 Мамосюк В.М., который ответил заявительнице, что «...на данный момент жалоб на здоровье от моего мужа не было и в карте они не зафиксированы, уточнив, что последняя запись сделана 30.10.09 по поводу острого бронхита. Пообещал принять меры – осмотреть в ближайшее время моего мужа и взять согласие на обследование и лечение в больнице. При последующих звонках мне было сказано и Ракитиным, и Мамосюком, что гипотензивная терапия мужу

назначена и проводится ежедневный контроль давления. Из ответов на мои обращения в Архангельскую прокуратуру и УФСИ, я узнала, что 21.02.11 администрацией ИК-21 направлен запрос об этапировании его (мужа заявительницы. – Л.П.) в ФБУ Областная больница УФСИН России по Архангельской области.

Вскоре администрацией ИК-21 был получен наряд УФСИН России по Архангельской области № 16/2505 от 21.03.11 г. на этапирование осужденного Князева А.В. в терапевтическое отделение областной больницы в апреле 2011 года. Как оказалось, получить наряд на этапирование в больницу вовсе не означает, что следствием будет именно это самое этапирование. «...11.04.11 я позвонила в ИК-21, узнать отправили ли моего мужа в больницу. Начальник колонии мне ответил, что о больнице ничего не знает, и я могу поговорить по этому вопросу с доктором. Я позвонила Мамосюк В.М., он мне ответил, что о наряде из УФСИНа он впервые слышит, так как этим занимается начальник медчасти ИК-21 Москаленко. Следующий мой звонок был в Онежскую прокуратуру по надзору за соблюдением законов в ИУ. Баранов В.В. с вопросом: "Почему об информации, которая дана мне в ответе на мое обращение, ничего не знают в колонии???" Мне он ответил, что вся информация взята из личного дела моего мужа, и некомпетентность администрации он объяснить не может. 12.04.11 в очередной раз позвонила в ИК-21 и попросила объяснений, не получив их попросила Ракитина И.Б. разобраться, продиктовав № наряда и дату выдачи. На следующий день начальник колонии ответил, что наряд найден, но также сказал, что мой муж отправлен в ЕПКТ на 1 год. Понадеявшись на добросовестную работу администрации ИК-21, я была уверена, что наряд на больницу отправлен с его личным делом по этапу. 28.04.11 я позвонила в спецчасть ИК-16, куда приехал мой муж 18.04.11, и мне ответили, что наряда в личном деле мужа нет и, соответственно, в больницу он не отправлен. Попросили перезвонить в конце рабочего дня, пообещав разобраться. К концу рабочего дня выяснилось, что наряд на этапирование моего мужа в больницу по непонятным причинам остался в ИК-21 и факсом он был отправлен в ИК-16 с вопросом: «Зачем он вам, у него срок истек?» Ни начальник ИК-21, ни прокурор Баранов, осуществляющий надзор за данной колонией, объяснить мне не смогли, почему в очередной раз нарушены права моего мужа на получение медпомощи. Баранов сослался на то, что этими вопросами занимается УФСИН, а Ракитин сказал, что впервые слышит о том, что наряд остался у них в ИК, и пообещал в очередной раз разобраться. В итоге нарушена

очередность в ФБУ, требуется делать вновь запрос на лечение и обследование».

А вот еще одна печальная история. Осужденный Десятов Сергей Павлович (отбывает все в той же ИК-21) имеет кучу диагнозов: «облитерирующий атеросклероз сосудов, ампутационная культя левой голени на уровне верхней трети, отсутствие 3 пальца правой стопы, стенокардия напряжения фактор риска 2, артериальная гипертензия 3 степени риск 4, ХСН 2А фактор 2, хронический гепатит С, ДЭ 2 ст на фоне АГ, церебросклероз, цефалгический синдром, остеохондроз позвоночника, люмбалгия, болевой синдром, паховая эритризма, язвенная болезнь желудка». В связи с тем что Сергей не может самостоятельно передвигаться (он инвалид-колясочник) по территории колонии, а другим осужденным администрация не разрешает выносить из столовой для Сергея питание, Сергей уже неоднократно оставался голодным. В областной больнице Архангельского УФСИН Сергею Десятову умудрились поставить диагноз: «...находится в стадии ремиссии» (!).

13 мая родные троих погибших осужденных, от СПИДа, обратились в Тверской районный суд Москвы с коллективным иском. Они требуют взыскать 3 млн рублей с Министерства финансов РФ за незаконные действия ФСИН РФ по неоказанию надлежащей медицинской помощи, повлекшие смерть их близких. Всего, по данным УФСИН по Карелии, в 2006–2008 годах в его учреждениях скончались 38 ВИЧ-положительных осужденных, родные каждого из которых могут подать обоснованные иски.

В мае 2008 года в больнице имени Боткина (Санкт-Петербург) скончался заключенный, осужденный в конце 2005 года. Еще во время предварительного следствия в СИЗО ему поставили диагноз «ВИЧ». В марте – июне 2007 года у мужчины выявили туберкулез периферических лимфатических узлов и ВИЧ в стадии СПИДа. Антиретровирусную терапию врачи решили не назначать. После установления диагноза, в июне 2007 года, заключенного перевели в лечебно-исправительное учреждение № 4 (ЛИУ-4) УФСИН по Карелии. В течение недели его состояние резко ухудшилось. Пациента направили в больницу Медвежьегорска. Несмотря на прогрессирование ВИЧ, жизненно необходимых лекарств ему не назначили. Вместо этого его снова перевели в ЛИУ-4. В конце апреля 2008 года районный суд Карелии освободил больного от отбывания наказания по болезни. К этому времени заключенный был парализован, не мог есть и говорить. По возвращении в Петербург его срочно госпитализировали в больницу имени Ботки-

на, где он скончался спустя две недели, не приходя в сознание. Также в Тверской суд Москвы обратились родные К.П., который в открытом интервью перед смертью рассказал, что три года не получал антиретровирусную терапию в учреждениях УФСИН Карелии. Из ЛИУ-4 мужчина был освобожден решением суда по состоянию здоровья 31 октября 2008 года. 9 июня 2009 года он скончался. 4 августа 2007 года в стационарном отделении ЛИУ-4 скончался ВИЧ-положительный Г.Н., у которого в СИЗО обнаружили туберкулез. За неделю до смерти он сообщил родственникам, что «не получает никакого лечения». К этому времени он уже с трудом передвигался. С двухсторонним прогрессирующим туберкулезом легких, ВИЧ в стадии СПИДа, гепатитами В и С на фоне кахексии (истощения организма) мужчина в момент смерти весил 34 килограмма... По словам юриста организации «Агора» И. Шарапова, представляющего в суде интересы заявителей, ВИЧ-положительных убивает нехватка инфекционистов, тест-систем, лекарств и «недолжное» отношение к больным.

Пожалуй, «недолжное» отношение к больным я бы поставил на первое место. К тому же медицинские посылки полностью или частично не доходят до больных. Как, например, было с осужденным Троховым Сергеем из ИК-21 Архангельской области. А осужденному В. все в той же Архангельской области, имеющему ВИЧ-инфекцию и постоянно незаживающий свищ, отказывали не только в ношении теплого белья, пользовании тростью, но и в квалифицированном лечении (отправке в больницу им. Газа), ссылаясь на какие-то бюрократические проволочки. А потом, после того как этот осужденный начал справедливо жаловаться, против него начинают предпринимать более чем странные действия. Например, В. вдруг оказывается склонным к суицидальному поведению...

И до сих пор к правозащитникам продолжает поступать информация о том, что в страшной колонии пос. Онда (Карелия) существует такая новация – тем, кто попадает в СИЗО, в камеру СИЗО, подливают периодически пару-другую ведер хлорки. И у людей медленно, но неотвратимо сгорают легкие. Об этом знают все. И освобождающиеся никогда не забудут. Но они не верят в нашу судебную систему и в суды не идут, чтобы наказать карельских подонков в погонах.

А в одной из колоний Ленинградской области осужденному Стывору, у которого уже давно гниет культя ноги, до сих пор не могут выписать нормальный протез, ссылаясь на недостаточность финансирования. И эта «дырка» в законе действительно существует. Странная у

нас какая-то реформа и гуманизация ФСИН РФ. На переоборудование колоний в тюрьмы государство готово выделить многие сотни миллиардов, а на протезы для инвалидов денег в бюджете ФСИН не предусмотрено...

На заседании Комитета по законодательству питерского парламента один из депутатов Законодательного собрания в стилистике предвыборной риторики горько посетовал на то, что, мол, Россия ежегодно перечисляет в Страсбург сотню тысяч долларов, а толку от этого органа для России нет никакого. Непонятно, что именно питерский парламентарий подразумевал под отсутствием пользы. Уж не многие ли десятки, а может быть и сотни, исков в связи с нарушением прав российских граждан, которые Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) за последние несколько лет удовлетворил? Например, недавнее решение ЕСПЧ о выплате российскому ученому Игорю Сутягину 20 000 евро в качестве возмещения нематериального вреда, констатировавшее, что Сутягин, находясь в заключении, ожидал суда в течение более 4 лет и пяти месяцев. Расследование по его делу началось в октябре 1999 года. *«Суды в России мотивировали решение оставить его под стражей до суда лишь тем, что он – фигурант очень серьезного дела. Они не принимали во внимание тот факт, что виза Сутягина, позволявшая ему уехать за границу, истекла в ноябре 1999 года»,* – отмечается в коммюнике. *«Суды не рассматривали другие варианты, позволяющие обеспечить присутствие Сутягина в суде, кроме как содержание его под стражей»,* – говорится в документе. Если такой результат депутат Законодательного собрания Санкт-Петербурга считает отсутствием пользы для имиджа России, тогда он, безусловно, прав.

Именно поэтому, когда я слышу о реформе уголовно-исполнительной системы и ее якобы гуманизации, я все время помню вышеозначенные и многие другие фамилии и факты...

ФОНД “В ЗАЩИТУ ПРАВ ЗАКЛЮЧЕННЫХ”

Контакты:

тел./факс: +7 (495) 974-75-46

www.zashita-zk.org

e-mail: info@zashita-zk.org

Положение в местах заключения, акции протеста, хроника нарушений прав человека в местах заключения (апрель – июнь 2011 года)

Брянская область

25 апреля 2011 года

Прокуратурой по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях Брянской области установлено, что во всех исправительных учреждениях УФСИН России по Брянской области, кроме Брянской воспитательной колонии, **допускаются нарушения** ст. 89 УИК РФ и п. 81 ПВР **при взимании платы с осужденных и их родственников при предоставлении длительных свиданий**. Правила разрешают администрации учреждения оказывать дополнительные платные услуги при длительных свиданиях, однако с перечнем этих услуг и их стоимостью осужденных и лиц, прибывающих на свидания, не знакомят. При проведении данных проверок утвержденный перечень платных услуг в комнатах приема передач и проведения свиданий с осужденными отсутствует. В помещениях для длительных свиданий предметы быта, указанные в перечне платных услуг, в основном отсутствуют и в пользование не предоставляются. Таким образом, с осужденных, пользующихся правом на длительное свидание, и лиц, прибывших к ним в колонию, без предоставления дополнительных услуг взимаются денежные средства. По результатам проведенных про-

верок прокуратурой руководителям вышеуказанных исправительных учреждений внесены представления с требованиями о незамедлительном устранении выявленных нарушений законности и привлечении к дисциплинарной ответственности виновных должностных лиц.

ХМАО – Югра

28 апреля 2011 года

В одной из колоний Югры **заклученные устроили бунт против жестокого обращения**, массово изрезав себе руки. 80 осужденных заступились за избитого дежурным заключенного. Инцидент, ставший поводом к акции протеста в колонии, произошел 23 апреля, официальная информация о нем поступила лишь в среду, 27-го.

Дежурный части отдела безопасности ФКУ ИК-15 УФСИН России по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре избил одного из заключенных, к которому испытывал личную неприязнь. После этого осужденный в знак протеста публично нанес себе резаные раны предплечий. В его поддержку на плац колонии перед дежурной частью вышли еще 80 заключенных, причем 39 из них последовали его примеру и изрезали себе руки, требуя наказать обидчика.

По данному факту следственными органами СК РФ по Ханты-Мансийскому автономному округу проводится доследственная проверка. По результатам проверки будет принято процессуальное решение.

Ивановская область

12 мая 2011 года

В мужской исправительной колонии № 2 строгого режима, расположенной в селе Талицы Южского района Ивановской области, ночью произошли волнения осужденных.

По информации газеты, 10 мая вечером группа агрессивно настроенных осужденных, вооружившись заточками, залезла на крышу одного из зданий колонии. Предварительно о планируемой акции заключенные сообщили своим родственникам по телефону. Силовой личный состав УФСИН был поднят по тревоге и отправлен в Талицы. Бунт подавлен.

Причины и подробности произошедшего пока неизвестны.

Бурятия

19 мая 2011 года

В Бурятии **бывшие заключенные Краснокаменской колонии снова устроили бунт**. 15 заключенных ИК № 4 потребовали выпустить их из карантинной зоны. Они разбили стекла и забросали камнями двух сотрудников колонии.

«Чтобы усмирить бунтарей, на территорию колонии ввели спецназ. На месте работают сотрудники прокуратуры», – сообщила пресс-секретарь УФСИН по Бурятии Лариса Мякишева. Заключенные вскрыли себе вены на руках, чтобы привлечь внимание к своим проблемам.

По имеющейся информации, зачинщиком бунта стал житель Бурятии, а поддержавшие его зэки были недавно переведены из сгоревшей Краснокаменской тюрьмы, где отбывал наказание бывший глава Ходорковский. Причиной восстания в колонии, расположенной в селе Выдрино, стал обыск среди заключенных в карантинной зоне.

Краснодарский край

23 мая 2011 года

Проводится доследственная **проверка по факту обнаружения в одной из камер следственного изолятора № 1 города Краснодара тела 32-летнего мужчины с признаками утопления**. «На момент начала проверки установлено, что мужчина был осужден к лишению свободы за совершение грабежа и содержался в общей камере. В связи с тем, что осужденный вел себя неадекватно, 18 мая 2011 года он был переведен в одиночную камеру. В ночь на 22 мая мужчина проявлял агрессию и кричал, но потом затих. Со слов работников СИЗО, в ходе очередного обхода камер было выявлено, что мужчина лежал на полу головой к унитазу и был полностью раздет. Прибывший работник медицинской службы констатировал его смерть. В ходе судебно-медицинского исследования тела установлено, что смерть мужчины наступила в результате утопления», – написано в сообщении пресс-службы Следственного комитета России.

Тюмень

26 мая 2011 года

Перед судом предстанут три сотрудника УФСИН, обвиняемые в избиении осужденного, отказавшегося подметать пол.

Следственным отделом по Ленинскому округу г. Тюмени завершено расследование уголовного дела в отношении оперуполномоченного оперативного отдела и двух младших инспекторов группы надзора отдела безопасности Федерального бюджетного учреждения Исправительная колония № 2 УФСИН России по Тюменской области, обвиняемых в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий, совершенное с применением насилия, с применением специальных средств).

Следствием установлено, что 16 мая 2010 года в исправительное учреждение для отбытия наказания был этапирован молодой человек, осужденный за совершение разбойного нападения. После досмотра он был помещен в карантинное помещение, где ему предложили подмести пол, на что осужденный ответил отказом. В связи с этим три сотрудника колонии, желая заставить молодого человека выполнить указанную работу, нанесли ему руками, ногами и резиновыми палками по несколько ударов по голове и телу. После этого злоумышленники перевели потерпевшего в другое помещение, где, пристегнув наручниками к решетке, вновь избили его. В результате потерпевшему был причинен легкий вред здоровью (ушиб почек и множество кровоподтеков). В ближайшее время материалы уголовного дела будут направлены для утверждения обвинительного заключения и передачи в суд для рассмотрения по существу.

Псковская область

27 мая 2011 года

В исправительной колонии строгого режима № 4 в поселке Середка Псковской области **был совершен захват женщин – сотрудниц медико-санитарной части**. Двое захватчиков грозились убить заложниц, если спецназ предпримет попытку силовых действий. Заключенные требовали 40 тысяч рублей и спиртное. В результате операции по освобождению заложниц преступники были захвачены. Один из них находился без сознания – во время штурма его оглушило взрывом. Второй доставлен в Псковскую областную больницу с ранением. Кроме того, ножевые ранения получила одна из заложниц. Она госпитализирована. Ее жизни ничего не угрожает.

Тюменская область

30 мая 2011 года

Подозреваемый скончался в одном из УВД Тобольского района

Тюменской области. Следственные органы проводят проверку. «Сотрудниками полиции был задержан 38-летний житель города Тобольска, подозреваемый в совершении преступления, связанного с незаконным оборотом наркотиков, и доставлен в УВД по Тобольскому району. Через некоторое время доставленный почувствовал себя плохо, и его отвезли в больницу, где в течение двух часов обследовали, придя к выводу, что мужчина нуждается в амбулаторном лечении и наблюдении терапевта в связи с заболеванием печени и гипертонией. В этой связи подозреваемый снова был доставлен в кабинет следователя, а спустя три часа скончался», – говорится в сообщении СУ СК Тюменской области. По предварительным данным, причиной смерти мужчины явилась правосторонняя нижнедолевая пневмония. В настоящее время следственными органами проводится тщательная проверка обстоятельств случившегося, в том числе действий работников лечебного учреждения. По результатам проверки будет принято процессуальное решение.

Пермский край

30 мая 2011 года

Кизеловской прокуратурой Пермского края по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях проведены проверки соблюдения законов при предоставлении длительных свиданий осужденным, содержащимся в восьми исправительных учреждениях и следственном изоляторе № 3 г. Кизела. В результате было установлено, что в отдельных исправительных учреждениях в стоимость услуг за предоставление комнат для проведения длительных свиданий, в нарушение требований уголовно-исполнительного закона, запрещающего брать плату за предоставление осужденным длительных свиданий с их родственниками, за исключением предоставления дополнительных услуг, были включены затраты на заработную плату персонала, на текущий и капитальный ремонт комнат, затраты на постельное белье и коммунально-бытовые услуги. Данный факт свидетельствует, что администрацией исправительных учреждений необоснованно (незаконно) взимались денежные средства с осужденных. Кизеловским прокурором по надзору за соблюдением законов в исправительных учреждениях, расположенных в Губахинском и Чусовском районах, были вне-

сены представления об устранении выявленных нарушений закона, а также направлено в Губахинский городской суд исковое заявление об обязанности исполнения требований уголовно-исполнительного закона.

Астрахань

3 июня 2011 года

В Астрахани **возбуждено уголовное дело в отношении начальника областного УФСИН** Анатолия Александрина, заподозренного в злоупотреблении должностными полномочиями. Вместе с ним уголовные дела возбуждены в отношении троих его подчиненных. К таким результатам привела проверка обстоятельств смерти осужденного вне территории места отбывания наказания.

В январе этого года младший инспектор отдела безопасности колонии-поселения Радмир Доскалиев незаконно отпустил одного из осужденных за пределы исправительного учреждения. Через два дня мужчину нашли мертвым в одном из жилых домов Икрянинского района области. По данным следствия, узнав об этом, Анатолий Александрин указал начальнику колонии организовать фальсификацию материалов личного дела погибшего для сокрытия факта незаконного оставления места исправления. Глава учреждения ФСИН Сергей Троицков дал соответствующее поручение своему заместителю Сергею Селивоненко. В итоге из материалов личного дела осужденного пропали несколько страниц и был приобщен приказ о предоставлении тому права выезда за пределы колонии, подписанный задним числом, сообщают следователи. В отношении Доскалиева было возбуждено уголовное дело по признакам превышения полномочий, а в отношении Александрина, Троицкова и Селивоненко – по подозрению в злоупотреблении должностными полномочиями.

Иваново

7 июня 2011 года

Иваново: сотрудница ИК-5 попала на взятке.

Как сообщили в УФСИН по Ивановской области, 2 июня в 13.45 около торгового центра «9 квадратов» была задержана начальник отдела исправительной колонии № 5 в момент получения взятки в размере 20 000 рублей. По версии следствия, за эти деньги она должна была изъять некоторые документы из личного дела одного из осужденных ИК-5.

Следственное управление СКР по Ивановской области возбудило уголовное дело по ст. 290 ч. 3 УК РФ. В качестве меры пресечения избрана подписка о невыезде.

Нижегородская область

15 июня 2011 года

13 июня 2011 года около 01 часа в СИЗО-3 ГУ ФСИН России по Нижегородской области, расположенного в Вадском районе, было **обнаружено тело 26-летнего мужчины с признаками удушья**. По данному факту Арзамасским межрайонным следственным отделом проводится доследственная проверка.

Установлено, что тело погибшего было обнаружено сотрудником учреждения в одиночной камере подвешенным с помощью петли, сплетенной из ниток и привязанной к оконной решетке. При этом на кровати находился муляж из одеял, имитирующий спящего. С целью установления причины смерти назначено судебно-медицинское исследование. В настоящее время выясняются все обстоятельства произошедшего.

По материалам зарубежных СМИ

Мир и тюрьма¹

Франция: «В шкуре надзирателя»

Артур Фрейе, молодой французский журналист, под вымышленным именем и фамилией – Жан-Марк Гурдон – сдал экзамены и поступил в Национальную школу пенитенциарной администрации. В течение восьми месяцев он обучался и проходил практику в различных французских тюрьмах, потому что, как пишет Артур Фрейе, «лучшим способом попасть в это сообщество, не будучи заключенным, было стать тюремным надзирателем».

Результатом этого журналистского эксперимента стала книга «В шкуре надзирателя», получившая высокую оценку критиков в различных французских средствах массовой информации. В этой книге журналист подробно рассказывает о тяжелой службе пенитенциарных сотрудников, о буднях тюрьмы, о заключенных и их нравах...

Популярный французский журнал «Rue89» опубликовал отдельные отрывки из этой книги. Полагая, что нашим читателям будет небезынтересно узнать, как же работают их коллеги во Франции, мы публикуем перевод этих отрывков.

Ситуация, описываемая сразу же после этого предисловия, произошла в самом начале обучения А. Фрейе. После трехнедельных теоретических занятий он вместе со своими сокурсниками был послан на стажировку в крупнейшую западноевропейскую тюрьму Флери-Мерожи. Это было его первое посещение тюрьмы.

Шеф приветствовал нас следующим образом: «Здравствуйте, меня зовут Ришар, и я буду вашим наставником в течение ближайших двух недель». И он сразу же ввел нас в курс дела:

– Я предпочитаю предупредить вас сразу: вы увидите и испытаете много неприятного. Чем быстрее вы привыкнете, тем будет лучше. И лучше об этом знать заранее, потому что вы даже придумать не можете, что вы увидите.

Убийцы сидят вместе с мелкими воришками

Ришар объясняет: Флери-Мерожи – необычная тюрьма, это «готовая взорваться скороварка», в которой «шесть часов работы соответствуют двенадцати или даже восемнадцати часам в каком-нибудь другом учреждении». В свое время – в 60-х годах прошлого века – это была модельная тюрьма, но она очень быстро «постарела», разъедаемая камерной перенаселенностью. Бывало, что здесь содержалось более 4000 заключенных, тогда как ее вместимость составляет менее 3000 мест. Надзиратели, в большинстве своем – молодые люди в возрасте до 30 лет, начинают здесь свою службу и увольняются, как только они заработают необходимый стаж. Что касается заключенных, «подавляющее большинство здесь не старше 21 года».

Затем он рассказывает о различных видах тюрем. Их три. Прежде всего это центры заключения и центральные тюрьмы, в которых содержатся осужденные к длительным срокам лишения свободы. В этих учреждениях перенаселенности никогда не бывает. «Чтобы не рвануло». Затем арестные дома, «как Флери». В них «теоретически» должны содержаться только подследственные (а также осужденные, ожидающие, когда приговор вступит в законную силу) и осужденные, если назначенный им срок наказания не превышает одного года.

– Заметьте, я сказал «теоретически», – уточняет он. – На самом деле если в центрах заключения и центральных тюрьмах нет мест, то «большесрочники» отбывают наказание здесь. Это означает, что убийцы сидят вместе с теми, кто попался за кражу курицы.

Молча мы киваем, понимая, что все это не сулит нам ничего хорошего.

«Маленький комиссариат» коррумпированных полицейских

В углу зала находится макет тюрьмы, как будто на нее смотришь с неба. Тюрьма представляет собой совершенную геометрическую фигуру в сталинском стиле. Ее пять крыльев образуют собой звезду. В крыле D-1 содержатся транссексуалы, представители мира искусств, а также осужденные из Сен-Сэн-Дени и Валь-де-Марн. Это здание также называют «маленький комиссариат», потому что в нем содержатся и коррумпированные полицейские. Здание D-2, недавно отремонти-

рованное, в котором мне придется проходить стажировку, принимает заключенных из Эссона и Ивелина. D-3 сейчас закрыто, потому что в нем идет переоборудование. В D-4 поступают вновь прибывшие, и здесь же находится медицинская служба. Что касается самых опасных преступников, как, например, Антонио Феррара, прозванный «потрошитель сейфов», то они собраны в D-5.

Пятеро сотрудников, ответственных за наше обучение, ведут нас в тюрьму. Направление: комнаты свиданий. Стекланные коробки комнатух располжались одна возле другой. Откидной столик и два стула. Никакого разделительного стекла. Нам объясняют, что Робер Бадинтер² приказал убрать «переговорные устройства» в 1980-х годах. Теперь разделительные стекла с переговорными устройствами используются только в двух случаях: либо если заключенный наказан, либо по требованию судьи.

– Мы разрешаем им поцеловать своих жен, – рассказывает охранник, – но не более того. В противном случае их призывают к порядку, стуча в окно. Некоторые вообще ничего не стесняются, дай им волю, они бы делали всякие гадости, несмотря на то что в соседней кабинке находится шестилетняя девочка!

Секс запрещен, но презервативы разрешены

Другой сотрудник рассказывает нам, что иногда заключенные под видом жен приглашают на свидания проституток. Один из нас, стажер, удивляется: как им удастся не попасться?

– Необходимо их взять с поличным, а это сложно. Когда надзиратель проходит мимо, они просто обнимаются, ласкают друг друга, но как только он исчезает, они начинают... Ну и проститутки умеют это делать, это же их работа!

Таким образом, заключенные не имеют права на секс. Ладно еще, если у тебя всего несколько месяцев заключения. А как быть тем, у кого двадцать лет срока? На самом деле закон запрещает сексуальные отношения, но не конкретизирует их:

«Если заключенный принуждает кого-либо или совершает непристойные действия, которые могут оскорбить общественную мораль, то такие действия представляют собой дисциплинарное правонарушение 2-й степени».

За такое правонарушение заключенный может быть направлен в карцер на несколько суток. Несмотря на это, распространение в тюрьме презервативов не возбраняется... Мы всего час внутри тюрьмы, а голова уже полна парадоксов.

Затем мы идем осматривать камеру. У меня ощущение, что я тайком вломился в комнату незнакомого человека. К этому надо привыкнуть.

«Когда они устраивают поджог, это вовсе не означает, что они хотят покончить с собой!»

Затем мы приходим в дисциплинарное отделение, в «тюремный карцер». Это тюрьма в тюрьме, где находятся наказанные заключенные. Полтора месяца полной изоляции, никаких контактов с другими лицами; 22 часа – в камере, 2 часа – на прогулке. Участие в любых мероприятиях, а также работа запрещены. Телевизора нет, но можно читать и писать. Сомнительная компенсация, если учесть, что четверть тюремного населения не умеет ни читать, ни писать. Правда, с недавних пор заключенным, содержащимся в карцере, разрешено иметь свидания и видаться со священником.

Дисциплинарное отделение находится в здании D-2, которое недавно полностью отремонтировали, и оно вновь начало выполнять свои функции в январе 2011 года. Несмотря на недавний ремонт, 18 из 78 камер уже выведены из эксплуатации.

– Это из-за того, что их поджигали заключенные, – поясняет нам наш наставник. – Всегда говорят, что в тюрьмах все поломано, ничего не работает. СМИ это обожают. Забывают только сказать, что все это сделали заключенные!

Я чувствую, что мне еще не раз придется услышать критику в адрес СМИ. Один из коллег нашего наставника продолжает:

– Часто, когда они что-то поджигают, это вовсе не означает, что они хотят покончить с собой. Чаще всего они хотят этим досадить нам. Например, когда отказываешься их вывести из камеры, они говорят так: «Ты не хочешь меня вывести? Отлично, ты обязан будешь это сделать!»

Старший по этажу надзиратель открывает нам дверь одной из камер, предупреждая:

– Внимание! Не прислоняйтесь к стенам!

Я оборачиваюсь. Сверху донизу все стены вымазаны уже высохшими экскрементами. Пятна свернувшейся крови видны на потолке, прямо над туалетом...

² Робер Бадинтер – известный французский правозащитник, экс-министр юстиции Франции.

«Встретить банкой мочи»

Ришар, главный наставник, заставляет нас посетить еще одну камеру, которая была подожжена. Стены в саже. Туалет также весь черный от копоти. Сложив руки и оглядывая стены, он объясняет нам, что многие заключенные теряют над собой психологический контроль, когда они попадают в карцер.

– Мне прямо в лицо, когда я открывал дверь, даже бросали банками с мочой и шариками из сухого дерьма. Другие раздеваются догола и полностью вымазываются дерьмом. Бывает, что теряют дар речи.

Молодая практикантка, стоящая рядом со мной, кривится от отвращения.

Еще один охранник рассказывает историю об одной заключенной женщине, которая ела свой матрас.

– Нам пришлось его у нее отнять. Сразу же после этого социальные работники упрекнули нас в «посягательстве на человеческое достоинство». Как быть: отнять или пусть она умрет от этого? Что бы вы сделали на моем месте? Я оставил ей матрас. Меня тут же обвинили в неспособности помочь человеку, находящемуся в опасности. Я отнял матрас. Меня опять обвинили в посягательстве на человеческое достоинство! Что ни сделай, всегда останешься в дураках.

Теннисная ракетка, превращающаяся в выкидной нож

Наше утреннее посещение тюрьмы заканчивается быстрым осмотром обыскowego помещения. Процедура официально именуется «личный досмотр», но надзиратели обычно называют это действие «досмотр задницы». За проведением личного досмотра следят очень строго и во время него никакой физический контакт недопустим.

Упитанный надзиратель, лет так около пятидесяти, рассказывает нам о своей работе, причем очень поэтично. «Здесь все очень просто. Приходится разглядывать километры пенисов. А когда появляются транссексуалы, то их осматривать я доверяю новенькому сотруднику», – хочет он, указывая на сидящего напротив него на стуле практиканта.

Время обеда. Мы идем мимо какого-то старого здания. Из трещин в асфальте растут сорняки, здесь же валяются ржавые консервные банки и грязные ватные палочки для чистки ушей. Стены здания выкрашены в непонятный цвет, что-то вроде серо-коричневой пыли. Когда мы приближаемся к окнам, на нас неожиданно обрушивается целый град ругательств: «Трахнутые! Сволочи! Пидары! Новички, мы вас сделаем!..»

После обеда мы возвращаемся в актовый зал, где наши наставники показывают нам различные запрещенные вещи, изъятые во время обы-

сков: ботинок, в каблуке которого сделано отверстие для переноски мобильного телефона («нам удалось его обнаружить, потому что охранники заметили, что заключенный выходит из комнаты свиданий в новой обуви»); шариковая ручка, стержень в которой был заменен на очень тонкие ножовки по металлу («их нашли только потому, что один заключенный угрожал другому отомстить при помощи этой штуки»); ракетка от настольного тенниса, превращенная в выкидной нож; еще один выкидной нож, сделанный из металлической пряжки для ремня.

«Вы здесь не для того, чтобы судить их во второй раз!»

После того как мы осмотрели все эти запрещенные предметы, один из надзирателей призывает нас к тишине, обводит взглядом помещение и выдает нам еще одно предупреждение:

– Чтобы корректно исполнять эту профессию, я не советую вам знать детали того, за что были осуждены эти заключенные. Теоретически мы не имеем доступа к их личным делам, но всегда найдется способ узнать, что там написано. Это может привести к тому, что вы будете необъективны. Достаточно знать, что тот или иной заключенный сидит за убийство; не старайтесь узнать детали, потому что, если вы их будете знать, вы, как я уже сказал, станете на них на всех смотреть очень необъективно. А ведь здесь многие сидят просто потому, что они не платили алименты. Но как вы сможете относиться к заключенному с тем же уважением, если вы будете знать, что он педофил и изнасиловал свою трехлетнюю дочь? Вы здесь не для того, чтобы судить их во второй раз. В противном случае вам надо было участвовать в конкурсе на замещение должностей в прокуратуре или в суде или стать депутатом, чтобы изменить закон.

«Даже лучшему из них грош цена»

Несколько минут мы молчим, взволнованные и сконфуженные. Я не ожидал, что надзиратель может сказать нечто подобное. Его гуманистическая речь звучит в наших головах еще несколько мгновений. Но наставник удивил нас еще раз заключительной фразой:

– Однако не забывайте, что даже лучшему из них грош цена!

Время около пяти часов вечера. Мой первый день в качестве «почти надзирателя» подходит к концу. Все послеобеденное время мы просидели на жестких стульях, и ноги немного затекли. Другие стажеры все время посматривают на часы. Прежде чем нас отпустить, один из наставников говорит:

– Как-то раз один заключенный мне сказал: «Знаете, надзиратель, я выйду отсюда раньше, чем вы! А вам здесь еще сидеть тридцать лет!»

Франция: тюремный суицид

План по предупреждению суицида в тюрьмах является «приоритетной задачей» Министерства юстиции, заявил 4 марта агентству *Франс Пресс* директор Пенитенциарной администрации (ПА) Жан-Амеде Лату, подтвердив, что в 2010 году во французских тюрьмах произошло 109 суицидов.

Национальный информационный центр по изучению преступности и уголовных наказаний 3 марта опубликовал статистический отчет, демонстрирующий небольшое снижение количества суицидов по отношению к 2009 году (115 случаев). По сообщению ПА, из 109 случаев суицида 5 совершили несовершеннолетние.

– Эта статистика демонстрирует человеческие и персональные драмы, это были отчаявшиеся мужчины и женщины. Это драма и для сотрудников ПА, – заявил Жан-Амеде Лату. Он также отметил, что министр юстиции Мишель Мерсье «очень внимательно» следит за ситуацией.

Тревожные цифры

Около 80% суицидов произошли в арестных домах (аналог российских следственных изоляторов. – *Сост.*), в которых содержатся подследственные (в ожидании приговора) и осужденные к коротким срокам тюремного заключения.

Из числа совершивших суициды 64% содержались в обычных условиях, 12% – в камере, 10% являлись «вновь прибывшими», 3,7% содержались в помещениях, предназначенных для особо опасных преступников.

Как уточнил Жан-Амеде Лату, 61% суицидов был совершен в камере, в которой заключенный находился в одиночестве, 39% – в камерах, предназначенных для двоих человек.

Среди 109 покончивших с собой заключенных 50% являлись подследственными и 50% осужденными. Кроме того, 22% были осуждены за преступления сексуального характера.

Больше всего попыток суицида было предпринято в Парижском регионе, а также в северной и западной частях Франции.

В 2009 году сотрудники ПА зарегистрировали 2599 попыток суицида; в 2010 году – 2246.

– Была проделана огромная работа в плане профилактики, – об этом в свою бытность министром юстиции заявляла в 2009 году Мишель Аллио-Мари, а сейчас повторил Жан-Амеде Лату.

С марта 2010 года проходит эксперимент «поддержка сокамерника»

В результате специальной подготовки, осуществляемой в Национальной школе пенитенциарной администрации, и постоянных занятий, проводимых с персоналом, «половина надзорного состава прошла специальное обучение, и все они теперь знают, какие необходимо предпринимать действия», подчеркнул директор ПА, который настаивает на «прагматизме» по отношению к отдельным мерам и их апробированию.

Например, дисциплинарные отделения (каrcеры) на 86% оборудованы радиоточками; на 83% – интерфонами, чтобы иметь возможность вызвать надзирателя; из запланированных 69 телефонных кабин установлены 34 (осужденные имеют право на один звонок в неделю своим близким или в службу «Красный Крест слушает заключенных»).

С марта 2010 года в четырех пенитенциарных учреждениях проходит эксперимент по обкатке системы «поддержка сокамерника», подобной тем, что имеют место в Испании и Великобритании; в эксперименте принимают участие двадцать добровольцев. «В 2011 году этому эксперименту будет дана оценка и принято решение о возможности его внедрения», – уточнил Жан-Амеде Лату.

Кроме того, в 2010 году в 11 тюрьмах были образованы дискуссионные группы для заключенных. Они активизируются в том случае, если в течение 6 недель регистрируется 2 суицида, с целью предотвратить «риск заражения».

Франция: 3/4 приговоров исполняются вне стен тюрьмы

Во Франции в настоящее время почти 220 000 человек отбывают назначенное им судом наказание, но три четверти от этого числа не находятся в тюрьмах – такова реальность, о которой мало кто знает. Также почти неизвестна обществу и работа персонала «службы ресоциализации и пробации», который контролирует всех этих лиц.

И доля таких лиц в связи с реализацией пенитенциарного закона от 2009 года, который имеет своей целью расширение применения альтернативных видов наказания, постоянно увеличивается.

Выполняют эту работу социальные работники, которые являются составной частью пенитенциарной администрации. Они работают в тесном контакте с магистратами³ и, в частности, с судьями по применению наказаний.

³ Во Франции под магистратами понимается совокупность судебных чинов и прокуроров, а также и высших административных чиновников.

Как только судья по применению наказаний собирается вынести решение по просьбе об условном освобождении, именно советнику службы ресоциализации и пробации предстоит дать оценку того, заслуживает ли такая просьба удовлетворения или нет. Как только судья выносит решение о направлении кого-либо на общественные работы или помещение под электронный мониторинг (применение электронного браслета), то именно служба ресоциализации и пробации организует исполнение такого наказания и отслеживает применение назначенных мер.

В кабинете Ива Коллио, советника пенитенциарной службы ресоциализации и пробации в городе Анжер департамента Мен-и-Луара, на полке шкафа – сотня папок: это все личные дела осужденных, приговоренных к альтернативным лишению свободы видам наказания (общественные работы, условное осуждение с испытательным сроком и т.д.), или тех, кому лишение свободы заменено на иные меры наказания. Каждый из этих лиц находится на попечении этого ветерана-воспитателя, получившего специальную подготовку по работе с несовершеннолетними правонарушителями и всю жизнь работающего в пенитенциарной службе.

На его плечи ложится бремя решения часто очень сложных проблем своих подопечных: и социальных, и профессиональных, и семейных.

Потому что кроме проверки того, как осужденный исполняет наложенные на него судом обязанности (прохождение курса лечения, работа, компенсация пострадавшим и т. д.), советник обязан также «способствовать интеграции или реинтеграции лиц, которые ему доверены» согласно требованиям закона.

– Наша миссия находится на стыке социальной работы, психологии, психиатрии, криминологии, – говорит Ив Коллио. Он обязан приложить максимум усилий, чтобы мобилизовать всех возможных местных партнеров (предприятия или организации, занимающиеся ресоциализацией, образованием, обеспечением жильем, медицинским обслуживанием), чтобы с учетом ситуации, в которой находится осужденный, помочь ему.

Необходимый элемент успешного сопровождения осужденного: заставить его стать активным участником исполнения своего наказания.

– Я не могу делать за него его работу. Я могу лишь протянуть ему зеркало, в котором он увидит свой образ, свое поведение, свою готовность порвать с прошлым. Но мы можем наткнуться и на нежелание человека меняться, – делает вывод г-н Коллио.

– Это длительная работа, и ее динамика редко бывает линейной. Случаются взлеты, падения, иногда рецидив. Не нужно ждать немедленных результатов, но необходимо сказать самому себе, что однажды эта работа принесет-таки свои плоды, – добавляет Жан-Кристоф Жюсто, коллега г-на Коллио.

Бывают случаи, когда возмущенной общественности сложно объяснить те или иные поступки, совершаемые осужденными, приговоренными к альтернативным видам наказания.

Советники службы ресоциализации и пробации испытывают усиливающееся давление в том, что касается их роли в борьбе с рецидивной преступностью.

Брошюра Министерства юстиции, представляющая службу ресоциализации и пробации Анжера, прямо на цветной обложке все функции службы сводит к одной – «цель: предупредить рецидив».

Служба ресоциализации и пробации Анжера несет на себе памятные следы жуткого дела, связанного с педофилией, когда в 2005 году перед судом предстали сразу 65 обвиняемых. Некоторые из этих обвиняемых на момент совершения преступлений состояли на учете в службе ресоциализации и пробации.

Сегодня, личные дела из числа его «самых сложных» подопечных, особенно осужденных за сексуальные преступления, «они для меня вроде как маяки», – говорит г-н Жюсто.

Иран: 150 убитых и раненых в тюрьме города Караджа

По меньшей мере 150 заключенных были убиты или ранены в результате кровавых столкновений, которые в ночь на 15 марта произошли в иранской тюрьме Гезель Хезар, расположенной в городе Карадж (примерно в 40 км от Тегерана. – *Ред.*). Несколько тысяч заключенных, содержащихся в блоках № 2 и 3, начали акцию протеста после того, как услышали о предстоящей смертной казни двенадцати заключенных этой тюрьмы.

Во время акции протеста около 3000 заключенных попытались взломать двери своих камер, скандируя: «Остановите казнь!» Силы безопасности попытались пресечь назревающие массовые беспорядки. Тем не менее жесткие действия администрации тюрьмы и спровоцировали последовавшие кровавые столкновения и поджоги.

Имеющиеся свидетельства указывают на то, что охрана тюрьмы начала стрельбу из огнестрельного оружия, чтобы усмирить заключенных. Вследствие этих действий около 80 человек были убиты или тя-

жело ранены. Но, как указывает оппозиционный иранский сайт *Révolution en Iran*, ранено и убито не менее 150 заключенных.

Получили ранения и несколько охранников тюрьмы, среди них и заместитель директора. Показателен факт, указывает сайт *Révolution en Iran*, что среди взбунтовавшихся заключенных не было лиц, лишенных свободы за тяжкие преступления и приговоренных к смертной казни. Несмотря на это, агентство *Франс Пресс* сообщило, что среди бунтовавших было немало тех, кто был приговорен к смертной казни за преступления, связанные с наркоторговлей, а также лиц, совершивших убийства и иные тяжкие деяния.

Комитет по защите политических заключенных, в свою очередь, сообщил, что имело место нападение на тюрьму извне с целью освободить некоторых осужденных. По сведениям комитета, не подтвержденным другими источниками, нескольким заключенным все же удалось бежать.

После прибытия подкрепления тюрьма Гезель Хезар была блокирована силами отряда специального назначения. Заключенным временно, впредь до особого распоряжения, было запрещено звонить родственникам.

Позже государственное информационное агентство Ирана *Fars News* сообщило, что мятежники, разрушив средства коммуникации и выломав решетки на окнах, пытались бежать. В сообщении агентства не указывается о применении огнестрельного оружия, но подтверждается смерть нескольких заключенных, последовавшая в результате «ранений и отравления угарным газом».

Позже правительственная газета *Khorasan* сообщила, что мятеж был подавлен «благодаря умелым и решительным действиям персонала, а также помощи ряда заключенных, которые выступили против мятежа».

Газета уточнила также, что ни одному заключенному сбежать не удалось и что зачинщики массовых беспорядков уже выявлены.

Пакистан: кровопролитие в тюрьме

15 марта в одной из крупнейших пакистанских тюрем, расположенной в городе Хайдарабад, в результате полицейской операции по подавлению массовых беспорядков было убито семь заключенных и более сорока человек ранено. Пострадали также девять представителей тюремной администрации и полицейских.

Что же послужило причиной столь масштабного применения огнестрельного оружия против заключенных?

Как заявил Абдул Кадир Тебо, генеральный инспектор тюрем провинции Синд, «заключенные пенитенциарного центра Хайдарабата во

время проведения обысковых мероприятий отказались сдать обнаруженное у них оружие, а также мобильные телефоны и другие запрещенные предметы». По словам г-на Тебо, во время проведения обыска заключенные в категорической форме отказались покинуть камеры и спальные помещения и даже пытались поджечь представителей тюремной администрации, что и вынудило власти штата применить столь жесткие меры.

В то же время газета *The Express Tribune* уточняет, что причиной резкого противостояния заключенных и сотрудников тюрьмы послужило отсутствие воды в результате перебоев с электричеством в тюрьме и заключенные были лишены возможности даже вскипятить чай. По мнению заключенных, отсутствие воды явилось настоящей пыткой. В знак протеста они собрались на крышах зданий.

Восставшие заключенные потребовали, чтобы на переговоры с ними прибыли известные местные политики, что и было им обещано. Прибывший представитель Пакистанской народной партии Шахид Бхутто вошел в тюрьму и начал вести переговоры.

Одновременно началась «зачистка», которую проводила полиция.

В тюрьме развернулось настоящее сражение. Заключенным удалось взять в заложники шестерых должностных лиц, у которых они отняли автоматы Калашникова, после чего открыли огонь по полицейским.

Силам правопорядка пришлось ввести в тюрьму бронированную технику. Через четыре часа полицейским и сотрудникам тюрьмы удалось заставить заключенных разойтись по казармам и освободить заложников.

В результате проведенного затем общего обыска было изъято более шестисот мобильных телефонов.

Хайдарабадская тюрьма была построена более ста лет назад. На момент массовых беспорядков в ней содержалось 1709 заключенных, которые размещались в 28 казармах и трехстах камерах.

Справка составителя

Пенитенциарная система Пакистана

В 86 пенитенциарных учреждениях Пакистана по состоянию на 2009 год содержалось **81 409** заключенных, в том числе: подследственных – **70,7%**, женщин – **1,4%**, несовершеннолетних – **2,1%**, иностранцев – **1,2%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **45** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, составляет **196,2%**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь. **Условия содержания** в тюрьмах очень тяжелые.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **центральная тюрьма города Карачи**. Открыта в 1858 году. Рассчитана на 1600 заключенных, но в настоящий момент вмещает более 5700 человек, подавляющее большинство из них ожидает суда. Действуют тюремные правила времен британской колонизации: разрешено применение ножных кандалов и наручников, а также порка плетьюми. **Самые известные заключенные**, попадавшие сюда в разное время, – представители одного из богатейших семейств страны: премьер-министр (1973–1977) Зульфикар Али Бхутто, его дочь, дважды занимавшая пост премьера, Беназир Бхутто и ее муж Асиф Али Зардари.

Из доклада **Международной амнистии-2010** «Права человека в современном мире»: «Десятки задержанных скончались в результате пыток либо были убиты; поступали сообщения и о других внесудебных казнях при повсеместной безнаказанности этих преступлений.

15 сентября в тюрьме города Сиялкот был найден мертвым представитель христианского меньшинства, 19-летний Фаниш Масих. Он содержался в одиночной камере. Как заявила тюремная администрация, молодой человек покончил с собой, однако, по имеющимся данным, родственники заметили у него на лбу, руках и ногах кровоподтеки, свидетельствующие о пытках. Трех сотрудников тюрьмы временно отстранили от исполнения обязанностей за халатность, однако уголовного дела в отношении их не возбуждалось.

По данным Комиссии Пакистана по правам человека, к смертной казни приговорили 276 человек, а приведения смертного приговора в исполнение ожидали 7700 человек. Казни не проводились. Обещания, данные в 2008 году, о замене всех смертных приговоров пожизненным заключением так и остались невыполненными. В сентябре президент Зардари призвал власти провинций представить рекомендации о замене смертных приговоров лишением свободы на сроки от 24 до 30 лет. Тридцать первого августа Верховный суд приостановил действие апрельского распоряжения Высшего суда Лахора, согласно которому смертные приговоры не должны выноситься женщинам и несовершеннолетним, проходящим по делам о наркотиках».

Франция: пенсионеров просят вернуться в строй

23 марта профсоюз пенитенциарных работников и Министерство юстиции Франции объявили о том, что Минюст обратился за помощью к пенсионерам пенитенциарной службы. Речь идет об отдельных службах в составе пенитенциарной администрации, в которых ощущается нехватка персонала.

Эти пенсионеры-добровольцы будут объединены в «гражданский пенитенциарный резерв», предусмотренный пенитенциарным законом от 24 ноября 2009 года. В составе резерва отставные сотрудники смогут состоять в течение 5 и более лет, но только в том случае, если их возраст не превышает 65 лет.

Соответствующее письмо было подготовлено в Министерстве юстиции и направлено бывшим пенитенциарным сотрудникам, соответствующим указанным критериям и желающим стать кандидатами в резерв.

В этом письме, датированном 17 марта, копией которого располагает агентство *Франс Пресс*, министр юстиции Мишель Мерсье определяет задачи, которые ставятся перед этим резервом: «укрепление безопасности, обучение персонала, изучение международного опыта и международное сотрудничество, оказание помощи сотрудникам службы ресоциализации и пробации» (СРП).

Особенно, говорится в письме министра, помощь отставников нужна именно в СРП.

Именно в этой службе, занимающейся надзором за осужденными к альтернативным тюремному заключению мерам наказания, особенно заметен недостаток средств. Недостаток средств особенно заметен именно в службе ресоциализации и пробации, что выявили конкретные дела последнего времени.

Министр объявил об «утроении» финансирования юридического и пенитенциарного резерва в 2011 году, который составит 5 млн евро.

Что касается юридического резерва, то он будет состоять из магистратов и судебных работников, вышедших на пенсию, возраст которых не превышает 75 лет. Юридический резерв образован в соответствии с законом о бюджетном финансировании на 2011 год.

Как сообщили агентству *Франс Пресс* в Министерстве юстиции, задача состоит в том, чтобы первые добровольцы этих двух резервов смогли приступить к работе уже этой осенью.

В заявлении, обнародованном профсоюзом пенитенциарных работников, инициатива Министерства юстиции была раскритикована: «Гражданский резерв – это всего лишь жалкая уловка, имеющая своей целью набрать персонал + мало заплатить + на те должности, которые должны быть замещены аттестованными сотрудниками».

Ожидается, что в ближайшее время профессионалы системы правосудия, по призыву профсоюзов, проведут забастовку с целью потребовать принятия «срочного плана» для всей юридической системы страны и полного укомплектования штатов.

ЮАР: с помощью птенцов заключенных делают добрее

Щебетание птиц оживляет южноафриканскую тюрьму Поллсмур, расположенную недалеко от Кейптауна. Осужденный Бернард Митчелл, весь в татуировках, улыбаясь всеми своими золотыми зубами, нежно смотрит на недавно вылупившегося попугайчика, а затем осторожно его целует.

– Они думают, что я их мама. Это ведь еще совсем малыши, – доверительно говорит этот 41-летний мужчина, осужденный к пожизненному заключению за убийство в момент, когда его собственному сыну не исполнилось еще и одного года.

– Раньше я не был таким приветливым, я был очень агрессивным, – продолжает Бернард, наливая теплой кипяченой воды своему попугаю. – Птицы научили меня терпению. Я должен их любить, заниматься ими, кормить – все для них делать.

Бывший гангстер, впервые севший за решетку в возрасте 14 лет, вовлечен в оригинальный проект ресоциализации, который направлен на то, чтобы научить преступников прислушиваться к чужому мнению, уметь его разделять, а также нести ответственность за свои поступки. И все это – посредством предоставления им возможности выращивать птенцов.

Программа стартовала в этой южноафриканской тюрьме, расположенной на юго-западе страны, в 1977 году. Здесь шесть лет находился герой борьбы против апартеида Нельсон Мандела.

Идея программы возникла после просмотра фильма «Узник Аляскатраса», в котором некий заключенный, сыгранный Бертом Ланкастером, стремится искупить свою вину, став известным орнитологом. А предложил эту программу Викус Грессе, один из ответственных сотрудников пенитенциарной службы, который считает, что «птицы очень могут помочь» в процессе реабилитации.

С тех пор приток кандидатов для участия в программе не иссякает. Каковы же критерии отбора? «Пусть даже этот человек – убийца или совершил другое опасное преступление, – говорит он. – Но необходимо, чтобы он продемонстрировал во время заключения способность держать себя в руках и желание улучшить свою жизнь».

Количество мест в программе лимитировано: в ней могут одновременно участвовать лишь двенадцать заключенных, которые должны не только отказаться от участия в деятельности тюремных банд, но и от курения и наркотиков. Взамен они имеют право на индивидуальную камеру размером 6,25 кв. метров.

Клетки с птицами находятся в одном из мужских отделений тюрьмы, стены которого выкрашены разноцветными красками. Птенцов здесь регулярно взвешивают, кормят, одним словом, ухаживают. Когда птенцы становятся взрослыми попугаями, их продают.

На доходы от продаж покупаются новые птенцы. Каждый такой птенец серого африканского попугая стоит до 1500 рандов (217 долларов). Часть полученных от продажи средств выделяется на карманные расходы заключенных.

«Сердце кровью обливается, когда приходится отдавать своих питомцев, – признается 31-летний Ленто Киндо, отбывающий пятилетний срок лишения свободы за кражу. – Ну, вроде как отдать кому-то своего собственного ребенка».

ЮАР, в которой ежедневно происходит 46 убийств, занимает в мире седьмое место по численности тюремного населения. В стране за решеткой находится более 160 000 человек, и тюрьмы зачастую переполнены. В этот жестокий и полный агрессии мир птицы приносят ощущение некой радости.

– Мне наплевать на срок, который мне дали, на срок, который мне еще остается здесь сидеть. Мне некогда об этом думать, потому что мне надо заниматься моими птенцами, – уверяет 37-летний Лесли Якобс, на руках у которого сидят две голубки. – Я люблю вот этих двух птичек и никогда их не забуду.

Охранники тюрьмы уверяют, что агрессивность заключенных снизилась и нападений на персонал тюрьмы стало гораздо меньше. «Программа позволяет заключенным по-другому взглянуть на жизнь», – объясняет начальник отдела Ольга Деймани.

– Когда они освобождаются, программа продолжает оказывать на них позитивное влияние, – уверяет она.

Как заявляет Викус Грессе, эта программа даже помогает некоторым в плане профессионального трудоустройства. Так, выйдя на свободу, один из ее участников нашел себе место в ветеринарной больнице. Еще один – в питомнике, третий – в зоомагазине...

Справка составителя

Пенитенциарная система ЮАР

В 239 пенитенциарных учреждениях ЮАР по состоянию на декабрь 2010 года содержалось **160 909** заключенных, в том числе: подследственных – **29%**, женщин – **2,2%**, несовершеннолетних – **0,6%**, иностранцев – **5,3%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **319** человек. Наполняемость тюрем, по официальным данным, состав-

ляет **135,4%**. 129 197 заключенных являются представителями негроидной расы. **Высшая мера наказания** – пожизненное заключение. Смертная казнь отменена в 1997 году. ЮАР входит в число мировых лидеров по количеству заключенных на душу населения. **Условия содержания** тяжелые, но спасти положение заключенного могут деньги – в пенитенциарной системе процветает коррупция. Смертность среди заключенных достигает нескольких человек в день. Высок процент больных СПИДом.

Общий бюджет исправительной системы на 2010–2011 годы составляет 913 529 000 рандов (3,9 млрд руб.). По состоянию на декабрь 2010 года в тюрьмах, включая женщин, содержалось: с максимальной степенью безопасности – 29,2 тыс. человек; со средней степенью безопасности – 64,8 тыс. человек; с минимальной степенью безопасности – 12,9 тыс. человек. Больше всего заключенных отбывают срок наказания за совершение различного рода агрессивных действий – 84,6 тыс. человек, за экономические преступления – 39,7 тыс., за преступления сексуальной направленности – 25,1 тыс., за наркотики – 4,0 тыс.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **тюрьма особого режима Поллсмур**. Расположена в пригороде Кейптауна. Открыта в 1964 году. Рассчитана на 4336 арестантов, но вмещает в настоящее время более 7000 человек. Состоит из пяти корпусов с различным контингентом заключенных (женщины, несовершеннолетние, готовящиеся к освобождению). **Самый известный заключенный** тюрьмы – Нельсон Мандела, содержащийся здесь с 1982 по 1988 год и заболевший в тюремных стенах туберкулезом. О жизни в Поллсмуре можно прочесть в его мемуарах «Долгая дорога к свободе».

Из доклада **Международной амнистии-2010** «Права человека в современном мире»: «Поступали сообщения о пытках и жестоком обращении в полиции с задержанными, которые подозревались в совершении уголовных преступлений. В ряде доказанных случаев применялись удушение и электрошок. По данным Независимого управления по рассмотрению жалоб (НУРЖ) – органа по надзору за работой полиции, – пытки стали происходить чаще. С апреля 2008-го по март 2009 года управление расследовало 828 случаев физического насилия с намерением причинить тяжкие телесные повреждения, что в ряде случаев было равносильно пыткам. В некоторых случаях, когда подозреваемых допрашивали с применением физического воздействия, протокол задержания отсутствовал. Несмотря на все усилия Южно-Африканской комиссии по правам человека и общественных организаций, ЮАР так и не ратифицировала факультативный протокол к Конвенции против пыток.

С апреля 2008-го по март 2009 года в судебную инспекцию по делам тюрем пришло более 2000 жалоб на физическое насилие над заключенными со стороны тюремной охраны. С октября начало применяться положение нового Закона «О внесении изменений в работу исправительных учреждений», согласно которому персонал тюрем обязан немедленно сообщать обо всех случаях применения силы судье-инспектору. Переполненность камер оставалась серьезной проблемой, причем в 19 тюрьмах переполенность достигла «критического уровня».

В июне НУРЖ сообщило, что за два предыдущих отчетных года количество смертей, наступивших под стражей или «в результате действий полиции», возросло на 15%. Наиболее резкий рост – 47% – наблюдался в провинции Квазулу-Натал (со 175 до 258 смертельных случаев)».

Ливан: массовые беспорядки в тюрьме

Ливанские силы правопорядка 5 апреля взяли штурмом самую главную тюрьму страны, освободив трех заложников, которые были захвачены взбунтовавшимися заключенными во время массовых беспорядков, разразившихся в этой тюрьме. Заключенные требовали улучшения условий содержания. Во время этих событий они подожгли здание, в котором находится кухня.

Бунт заключенных тюрьмы Румие длился несколько дней, они поджигали матрасы и били окна. Несмотря на непрерывный дождь, густой столб черного дыма поднимался над тюрьмой, находящейся на востоке Бейрута.

Собравшиеся снаружи родственники заключенных забрасывали камнями и бутылками прибывших на помощь администрации тюрьмы полицейских. Официальный представитель МВД объяснил прессе, что штурм был проведен 5 апреля вечером с целью восстановления порядка в тюрьме. Заложники были освобождены, двое заключенных погибли (у одного из них в руках взорвалась граната, а у другого произошел сердечный приступ), а по меньшей мере три человека ранены и пострадали от дыма.

Массовые беспорядки нередки в ливанских тюрьмах. Заключенные часто выступают с требованиями улучшения условий заключения и уменьшения сроков лишения свободы.

Ливанский министр внутренних дел Зияд Баруд признал, что в тюрьме Румие содержится 3700 заключенных вместо положенных 1050 человек. Из числа содержащихся в тюрьме лиц лишь 721 человек осуждены, остальные являются подследственными или ожидают начала судебного процесса.

В тот же день родственники заключенных организовали собственную манифестацию с целью продемонстрировать солидарность с заключенными. Они поджигали шины и периодически блокировали основную дорогу, ведущую к тюрьме. Несколько демонстраций поддержки прошли и в других регионах страны.

Ливанский премьер-министр Саад Харири обсудил сложившуюся ситуацию с рядом ответственных лиц. Он согласился с тем, что необходимо улучшить условия содержания заключенных и усилить меры безопасности.

Справка составителя

Пенитенциарная система Ливана

В 30 пенитенциарных учреждениях по состоянию на май 2009 года, по официальным данным, содержалось **5122** заключенных, в том числе: подследственных – **62,5%**, женщин – **3,8%**, несовершеннолетних – **2,8%**, иностранцев – **38%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **121** человек. Наполняемость тюрем составляет **120,9%**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь. **Условия содержания** в тюрьмах страны плохие, особенно тяжелое положение заключенных иностранцев и женщин.

Самое известное пенитенциарное учреждение – крупнейшая **тюрьма Румие**. В здании, рассчитанном на 1050 заключенных, содержится 3700 человек. **Самые известные арестанты** – находившиеся в тюрьме с сентября 2005 года по март 2010 года по подозрению в причастности к убийству премьер-министра Рафика Харири бывший командующий президентской гвардией Мустафа Хамдан, бывший глава службы национальной безопасности Джамиль Сайед, бывший глава военной разведки Раймон Азар и бывший глава службы внутренней безопасности Али Хадж.

Из доклада **Международной амнистии-2010** «Права человека в современном мире»: «К концу года не менее 40 мужчин и одна женщина ожидали исполнения приговора к высшей мере наказания. Последняя казнь в Ливане состоялась в 2004 году.

По состоянию на конец 2009 года проект закона об отмене смертной казни, предложенный министром юстиции Ибрагимом Наджаром и представленный в Совет министров в 2008 году, так и не получил одобрения. Министр добивался отмены статей Уголовного кодекса, позволяющих судам выносить смертные приговоры».

Марокко: монарх посетил тюрьму

Недавно король Марокко Мохаммед VI и принц Мулэй Рашид посетили тюрьму города Марракеш. Целью визита было ознакомиться с условиями отбывания наказания заключенными в этой тюрьме, в частности женщинами. Их здесь – 27 человек.

Мохаммед VI особое внимание уделил изучению условий, созданных для подготовки женщин к жизни на свободе. С этой целью в тюрьме создан центр профессиональной подготовки, в котором женщины обучаются по специальностям повара, кондитера, портнихи, а также изучают грамоту.

Почему короля заинтересовал в первую очередь этот центр? Ответ прост: он был построен и оборудован на его собственные деньги, которые он вложил в им же образованный Фонд ресоциализации заключенных.

Этот фонд король образовал в 2002 году, и за прошедшее время удалось добиться немало. В частности, на средства фонда было открыто несколько центров ресоциализации для бывших заключенных в ряде крупнейших городов Марокко.

Последний из таких центров был открыт совсем недавно и тоже в Марракеше – одном из крупнейших городов страны. Размещается он на площади в 500 кв. метров, в нем есть зал свиданий, зал мультимедиа, в котором располагается стойка Национального агентства по трудоустройству, библиотека, конференц-зал, а также 7 кабинетов, предназначенных для психологов, социальных работников, административного персонала и т.д.

Этот фонд, в частности, занимается и тем, что выдает бывшим заключенным микрокредиты, с тем чтобы они могли начать свое собственное дело. Вот и во время посещения тюрьмы королем были выданы чеки семи бывшим заключенным на общую сумму в 430 000 дирхам (примерно 1 700 000 рублей).

Большое внимание Фонд Мохаммеда VI уделяет детям, чьи родители оказались в местах лишения свободы. Фонд патронирует 32 таких ребенка, и им была оказана помощь на общую сумму в 530 000 дирхам (примерно 2,2 млн рублей). Эти деньги пошли на оплату обучения детей и на оказание им финансовой поддержки.

Справка составителя

Пенитенциарная система Марокко

В 59 пенитенциарных учреждениях по состоянию на 31 декабря 2008 года содержалось **59 212** заключенных, в том числе: подслед-

ственных – **46,5%**, женщин – **2,7%**, несовершеннолетних – **7,6%**, иностранцев – **2,2%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **186** человек. Наполняемость тюрем составляет **197,6%**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь (на практике не применяется; последний приговор был приведен в исполнение в 1993 году). **Условия содержания** в тюрьмах очень тяжелые.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **тюрьма Сиди Мусса** (Эль-Джадида), открыта в 1994 году. Количество заключенных значительно превышает количество мест. Тюрьма печально прославилась в 2002 году, когда в ходе сильнейшего пожара в огне погибли 49 заключенных, 89 получили ожоги и отравление угарным газом.

Из доклада **Международной амнистии-2010** «Права человека в современном мире»: «Перечень дел о насильственных исчезновениях, расследованных Комиссией по справедливости и урегулированию, так и не был опубликован. Комиссия, учрежденная с целью расследования грубых нарушений прав человека, совершенных в период с 1956 по 1999 год, завершила свою работу в ноябре 2005 года. Перечень дел предстояло опубликовать Консультативному совету по правам человека, созданному для продолжения деятельности Комиссии. В сентябре Консультативный совет заявил, что по решению Комиссии 17 012 пострадавших и их родных получили денежные компенсации, еще 2886 человек – направления на лечение. Несмотря на это, пострадавшим по-прежнему не обеспечивался эффективный доступ к правосудию, а виновные не были привлечены к уголовной ответственности. В июне Марокко посетила Рабочая группа ООН по насильственным или недобровольным исчезновениям. Двадцатого августа король потребовал проведения реформы судебной системы в соответствии с рекомендациями Комиссии, однако никакие меры в этом направлении не принимались».

США: мобильный бум

Незаконный пронос мобильных телефонов в тюрьмы США принял такой размах, что президент Барак Обама в прошлом году был вынужден подписать специальный закон, запрещающий использование мобильных телефонов в федеральных пенитенциарных учреждениях.

Правда, это ограничение не распространяется на тюрьмы штатов. Но, следуя федеральному закону, законодательные собрания уже 43 штатов также приняли решения, объявляющие мобильные телефоны «вне закона» на территориях своих тюремных учреждений.

Согласно исследованиям, нелегальный пронос мобильных устройств в основном осуществляется сотрудниками тюрем. Соблазн велик: за один «мобильник» пронесший его сотрудник получает от заключенных 1000 долларов. Например, в 2009 году один офицер тюремной службы за год умудрился заработать 150 000 долларов на проносе контрабанды. И хотя он был уволен, но уголовное дело в отношении него возбуждено не было, так как в уголовном законодательстве на тот момент отсутствовала соответствующая статья. У другого офицера в автомобиле при досмотре было обнаружено сразу 50 телефонов, помеченных именами заключенных, которым они предназначались. Даже у считающегося самым жестоким и опасным преступником США Чарлза Мэнсона, надзор за которым осуществляется 24 часа в сутки, дважды изымались мобильные устройства.

Как отмечают сами сотрудники тюрем, рост контрабанды мобильных телефонов превышает все мыслимые уровни: если в 2006 году во всех тюрьмах штата Калифорния был изъят лишь 261 телефонный аппарат, то в прошлом году – свыше 10 000!

Власти США особенно беспокоит тот факт, что с помощью мобильных телефонов заключенные имеют возможность координировать преступную деятельность своих поделщиков, находящихся на свободе. Отмечается, что уровень подобных преступлений многократно вырос.

В законодательном собрании Калифорнии в настоящий момент рассматривается законопроект, который обязывает обеспечить в обязательном порядке все тюрьмы не только металлодетекторами, но и системами безопасности, подобными тем, что используются в аэропортах.

Противники этого законопроекта говорят о том, что на штат лягут дополнительные гигантские расходы, связанные не только с тем, что придется приобретать необходимое дорогое оборудование, стоящее миллионы долларов, но и с тем, что придется принять на работу дополнительных сотрудников (из расчета четыре человека на одну смену), которые будут обслуживать это оборудование.

Рассматривается также и предложение, согласно которому заключенному, у которого будет обнаружено и изъято мобильное устройство, автоматически будет продлен срок лишения свободы (до 6 месяцев), и он обязан будет уплатить штраф в размере до 5000 долларов.

Предполагалось, что «добавка» к сроку за изъятый «мобильник» будет составлять от 2 до 6 лет лишения свободы, но это предложение не прошло, так как в этом случае тюрьмы Калифорнии, которые и без того являются самыми переполненными в США, попросту не смогли бы содержать такое количество заключенных.

Бельгия: правила внутреннего распорядка станут более четкими

Как сообщил официальный представитель Министерства юстиции Бельгии, с 1 сентября 2011 года вступают в силу новые положения, уточняющие права и обязанности заключенных, содержащихся во всех тюрьмах королевства.

Таким образом, Бельгия надеется учесть целый ряд критических замечаний, высказанных в заключениях внутригосударственных инстанций, а также национальных и международных организаций, касающихся условий содержания в заключении.

В каждой тюрьме будут действовать правила внутреннего распорядка, описывающие процедуры повседневной жизни в пенитенциарном учреждении. Будет уточнен распорядок дня, а также перечень вещей, разрешенных к использованию в камерах. Будут также более четко урегулированы питание, расходование личных «финансовых» накоплений заключенных, работа столовой, гигиенические процедуры, порядок посещения заключенных, отправление и получение корреспонденции, телефонные переговоры, контакты с адвокатами, прессой и т.д.

Новый закон определяет также перечень правонарушений и уточняет санкции, которые могут быть за них применены, равно как и порядок расследования правонарушений и процедуру применения санкций.

21 апреля были изданы и опубликованы в правительственном издании *Moniteur belge* два королевских указа, содержащие вышеперечисленные положения. Они составят вторую часть «закона Дюпона»⁴ от 12 января 2005 года, первая часть этого закона была введена в действие в 2006 году.

Как заявил официальный представитель Генеральной дирекции пенитенциарных учреждений, 80% положений этого закона, введения в действие которого требовали Лига прав человека и Международный наблюдательный тюремный комитет, уже практически реализованы.

«Все, как заключенные, так и персонал, а также и иные лица, должны знать, что разрешено, а что – нет. Это позволит повысить правовую обеспеченность и заключенных, и персонала, и всех иных лиц», – заявили в Министерстве юстиции.

США: самый жесткий шериф

Шериф Джо Арпайо любит называть себя «самым жестким шерифом Америки». Он хорошо известен не только в Аризоне, но и по всем

Соединенным Штатам, своими шокирующими заявлениями и радикальными мерами по отношению к заключенным. И вот его новая «находка»: он приглашает интернет-пользователей проголосовать за «фото преступника дня». Джо Арпайо выставил на сайте округа Марикопы фотографии арестованных и приглашает сограждан проголосовать за тех, которые им больше всего понравились. Под самим приглашением располагается галерея фотографий, получивших наибольшее количество голосов.

Правда, на сайте имеется вопрос к интернет-пользователям, считают ли они нормальным голосовать за «фото преступника дня»? Имеется на сайте и предупреждение, что представленные на сайте лица являются «невиновными до тех пор, пока не будет доказано обратное». Но под каждой фотографией указываются имена задержанных и дата их ареста.

«Я хочу, чтобы люди могли узнать, арестован ли кто-либо из их соседей», – уточнил шериф, который мечтает, чтобы сайт помог в расследовании нераскрытых преступлений. Но рассматривая галерею фотографий – за каждую из которых отдано от 100 до 1000 голосов, – можно сделать вывод, что голосующие в большей степени обращают внимание на физический облик представленных лиц, чем на совершенные ими преступления.

Вообще-то эта затея носит унижительный характер, но вряд ли это смущает шерифа Джо Арпайо. Он уже заставил носить заключенных в своих тюрьмах полосатые робы и розовое нижнее белье, запретил физические упражнения, ограничил просмотр телепередач и гордится тем, что достиг значительной экономии на питании заключенных.

В 1990-х годах шериф, посчитав, что это будет стоить очень дорого, даже отказался строить новую тюрьму. В пустыне он установил брезентовые тенты, окружил их колючей проволокой и заставил заключенных проживать в этих условиях. Несмотря на такие радикальные меры, а вернее, благодаря им, он начиная с 1992 года постоянно переизбирается на свой пост.

Венесуэла: сотрудники тюрьмы взяты в заложники

По сообщению властей, 28 апреля заключенные одной из венесуэльских тюрем взяли в заложники 22 сотрудника тюрьмы, требуя соблюдения своих прав и улучшения условий содержания.

Бунт в тюрьме *El Rodeo* начался 27 апреля, когда заключенные пожаловались на вспышку туберкулеза в этом учреждении, расположенном примерно в 45 километрах от Каракаса, столицы Венесуэлы.

⁴ Закон о принципах содержания в тюрьмах и юридическом статусе заключенных (разработан профессором Дюпоном).

Заместитель министра юстиции Эдвин Рохас заявил, что правительство старается найти выход из тупика, вступив в переговоры с заключенными. Но добавил, что все требования, выдвинутые заключенными, в нынешних условиях выполнить невозможно.

По словам господина Рохаса, среди заложников находятся директор тюрьмы и активисты движения за права человека. Кроме того, заключенные удерживают социальных работников тюрьмы, среди которых имеются и женщины.

Акты насилия в переполненных венесуэльских тюрьмах – нередкое явление. Впрочем, подобные случаи часто происходят и в других странах Латинской Америки.

Сан-Марино: самая маленькая и гуманная тюрьма в мире

Эта тюрьма карликового государства Сан-Марино является самым комфортабельным пенитенциарным заведением в мире. Здесь шесть камер размещаются на двух этажах, а обеды доставляются из соседнего ресторана.

Расположенное в центре Италии государство Сан-Марино занимает площадь 61 кв. километр, а его население составляет почти 30 000 человек. Эта маленькая страна обладает и самой маленькой в мире тюрьмой, которая называется *Капуцины*.

Тюрьма почти все время пустует, хотя бывают периоды, когда здесь наблюдается наплыв «жильцов». Больше всего их было в 2008 году. Действительно, двенадцать мужчин и одна женщина прошли в тот год через тюрьму, а их общий срок отсидки составил 939 дней заключения.

В настоящее время здесь содержится лишь один заключенный, который отбывает назначенный ему судом один год лишения свободы за жестокое обращение и насилие в семье. Тяжелее всего он переносит одиночество, потому что видит только своего адвоката и пенитенциарного персонала. Но он может разнообразить свой досуг, поскольку в его распоряжении имеются библиотека, спортивный зал, прогулочный двор, телевизионная комната, небольшая кухонька и столовая. Обеды заключенному доставляются из соседнего ресторана. Условия содержания здесь таковы, что заключенные из соседней Италии называют тюрьму *Капуцины* «Сейшельскими островами».

Несмотря на публикации об этой тюрьме, появившиеся в газете *La Repubblica* и перепечатанные затем журналом *Le Courier International*, Европейский комитет по предупреждению пыток никак не мог поверить, что здесь созданы такие комфортные условия. Стефано Пальмуцци, сотрудник Государственного секретариата юстиции Сан-Мари-

но, объясняет: «Представители Совета Европы приезжали сюда два или три раза, но на тот момент здесь не было ни одного заключенного. Они не знали, что делать, так как им необходимо было опрашивать заключенных об условиях содержания. В последнее посещение они все-таки нашли здесь одного заключенного, и после их доклада наша тюрьма была признана самой гуманной в мире».

Франция: трудоустройство заключенных

Министр юстиции Франции Мишель Мерсье предложил на днях «подумать над идеей создания национального агентства по использованию труда заключенных». Это предложение было высказано им во время парламентских слушаний, во время которых отмечались трудности с «привлечением работ» в места заключения.

Чтобы дать возможность тюрьмам «проводить работу по предупреждению рецидива», нужно действительно «развивать различные виды деятельности и в особенности трудовую деятельность, которая способствует ресоциализации и позволяет осужденному лучше подготовиться к выходу на свободу», заявил министр.

Однако «ситуация является неудовлетворительной», признал г-н Мерсье, поскольку лишь треть от общего числа заключенных обеспечена оплачиваемой работой.

Приглашенный на «6-е парламентские слушания о тюрьмах», проводимые в Доме химии в Париже, он вновь заявил о своем желании создать «учреждения активной реабилитации» (ERA), в которых многим осужденным предлагался бы «более высокий уровень занятости», устанавливаемый из расчета «пять рабочих часов в день на одного человека».

Министр также напомнил об «отделениях с новой концепцией отбывания наказания». 18 таких отделений должны открыться в период с 2013 по 2027 год. «Речь идет об учреждениях на 90 мест каждое, с очень открытым режимом, в которые будут поступать осужденные, срок заключения которых подходит к концу и которые будут там готовиться к выходу на свободу», – объяснил министр.

В этих новых учреждениях «площадь, предназначенная для различных видов деятельности, будет увеличена в 4 раза», продолжил г-н Мерсье. На этой неделе министр объявил также о новой программе строительства пенитенциарных учреждений, по которой предусматривается открытие 25 новых тюрем.

Развитие партнерских отношений, делегированное управление, «новые формы работы», такие, например, как центры обработки вызовов, также были упомянуты в выступлении Мишеля Мерсье, который

высказал сожаление, что заключенное в 2008 году соглашение с организацией Medef (Движение предприятий Франции – с 1998 новое название Союза предпринимателей Франции. – *Сост.*) до сих пор не дало никаких результатов.

«Уже двадцать лет изучаются способы, как организовать работу в тюрьме. Это трудно», – заявил Жак-Андре Жоли, генеральный директор компании *Sodexo justice services*, являющейся филиалом группы компаний *Sodexo*.

По его мнению, имеются «ограничения, связанные с обеспечением безопасности», которые для ряда предприятий являются «тормозом», впрочем, как и некоторые «местные ограничения», не отличающиеся «гибкостью». «Не стоит говорить о полной занятости, если отсутствуют рабочие площади», – констатировал г-н Жоли, сказав, что он «сильно рассчитывает» на учреждения активной реабилитации.

Г-н Жоли также призвал «прекратить демонизировать работу в тюрьме», которая может быть «и хорошо исполнена, и хорошо оплачена». Он же призвал «быть изобретательными», чтобы развивать различные приемлемые виды трудовой активности, которые мотивировали бы заключенных и помогли бы им найти занятие по выходе из тюрьмы. Потому что, как утверждала выступившая ранее доктор криминологии Эвелина Ши, составившая перечень работ, которые имеются в европейских тюрьмах, «взвешивание ящиков с гвоздями или складывание рекламных проспектов не пробудит желания заниматься тем же самым на воле».

В целом, заявила она, картина «удручающая», хотя отдельные эксперименты тем не менее доказывают, что в тюрьме можно работать «так же хорошо, как и на воле, и с гораздо меньшими затратами».

Северная Корея: растет число лагерей

За последние десять лет в Северной Корее увеличилось количество исправительно-трудовых лагерей (ИТЛ). В настоящее время в них находится более 200 000 заключенных. Как утверждает Международная амнистия, условия заключения в лагерях являются «ужасными».

Как указывается в докладе этой правозащитной организации, который основан на снимках, сделанных со спутника, и на рассказах бывших заключенных, которым удалось бежать из Северной Кореи, осужденные вынуждены присутствовать при исполнении смертных приговоров своих товарищей по несчастью и есть крыс, чтобы выжить.

Эти бывшие заключенные свидетельствуют, что «осужденных заставляют работать в условиях, близких к рабским, часто подвергают

пыткам и иному жестокому, бесчеловечному и унижающему обращению», сказано в докладе.

Все бывшие заключенные из исправительно-трудовых лагерей Йодока (южная провинция Хам-Кионг) были свидетелями публичных казней.

В докладе утверждается, что сравнение снимков со спутника, сделанных недавно, со снимками 2001 года демонстрирует значительное увеличение как количества ИТЛ, так и занимаемой ими площади.

«По всей видимости, в Северной Корее идет подготовка к назначению нового руководителя государства Ким Чон Уна (сын нынешнего руководителя). Отмечается также период нестабильности. Большое беспокойство вызывает и тот факт, что площадь, занимаемая ИТЛ, кажется, действительно сильно увеличилась», – заявил директор Международной амнистии по Азиатско-Тихоокеанскому региону Сэм Зарифи.

Ким Чон Ун, которому нет еще и 30 лет, рассматривается в качестве предполагаемого преемника своего отца – Ким Чен Ира, чье состояние здоровья вызывает опасения.

В исправительно-трудовом лагере Кванлисо-15 содержатся тысячи лиц, признанные «виновными по ассоциации», то есть лишь потому, что кто-то из их близких находится в тюрьме. Многие вообще не знают причин, по которым они отправлены в заключение.

Йонг Кхун Гил, заключенный лагеря Йодока с 2000 по 2003 год, рассказал, что рабочий день в ИТЛ начинается в 4 часа утра и заканчивается в 8 часов вечера с двухчасовым перерывом, во время которого проходит «идеологическое перевоспитание».

«Если в течение занятий не запомнишь десять этических принципов, то тебе не позволят спать, пока ты их не выучишь», – заявил этот бывший заключенный.

Он добавил также, что только те, кто выполнил норму выработки, имеют право на миску с 200 граммами маисовой каши, поэтому заключенные умирают ежедневно.

Заключенные, чтобы выжить, вынуждены есть крыс и выбирать непереваренные зерна из экскрементов животных, говорится далее в докладе. Бывшие заключенные из ИТЛ Йодока утверждают, что в период с 1999 по 2001 год 40% узников лагеря умерли от голода.

Власти также используют «камеры пыток» – очень маленькие помещения, в которых заключенные не могут ни лечь, ни встать в полный рост. В таких условиях их оставляют как минимум на неделю. Но зафиксирован случай, указывает в своем докладе Международная амнистия, когда несовершеннолетний мальчик провел в такой камере восемь месяцев.

В докладе приводятся и другие свидетельства бывших узников северо-корейских лагерей об условиях заключения.

В свою очередь, в докладе за 2010 год Госдепартамент США предположительную численность заключенных ИТЛ в Северной Корее определил в 150 000 – 200 000 человек.

Канада: психическое здоровье заключенных

Тюрьмы Квебека не приспособлены к содержанию заключенных, у которых имеются проблемы со здоровьем. Обо всем этом заявила в своем, опубликованном 11 мая, докладе омбудсмен Раймонда Сен-Жермен.

«Все эти факты вызывают удивление и сожаление, потому что они оказывают значительное влияние на качество жизни и здоровье заключенных лиц», – заявила омбудсмен Раймонда Сен-Жермен.

Секретариат омбудсмана опубликовал этот доклад после получения многочисленных жалоб. Расстройства психического характера широко распространены в тюрьмах. Согласно результатам проведенного исследования, более 60% заключенных страдают подобными расстройствами, тогда как для населения в целом эта цифра не превышает 20%.

Г-жа Сен-Жермен указывает на «значительные проблемы» в пенитенциарных учреждениях. По прибытии в тюрьмы заключенные, помимо оценки риска суицида, не проходят систематического обследования на предмет наличия проблем с состоянием психического здоровья. В первые 48 часов своего пребывания за решеткой заключенные, как правило, вообще не имеют доступа к лечению. «Это может иметь серьезные последствия, особенно для тех, кто ранее принимал наркотики», – утверждает омбудсмен.

Медицинские данные часто теряются при переводе заключенных из одной тюрьмы в другую. Доступ к психиатру оценивается в докладе как «недостаточный». Более того, лишь в каждой четвертой тюрьме имеется медицинский персонал, работающий круглосуточно. В кризисных ситуациях охранники ограничиваются применением мер сдерживания или попросту изолируют заключенных. «Но в подобных ситуациях изоляция является худшим из возможных средств», – объясняет г-жа Сен-Жермен.

По выходе на свободу бывшие заключенные часто «предоставлены сами себе», а их «истории болезни» бывают недоступны, жалеет омбудсмен. Но г-жа Сен-Жермен утверждает, что ее доклад не преследует целью «очернить» работу пенитенциарных учреждений. «Граждане, попавшие в орбиту судопроизводства в провинции Квебек и

имеющие проблемы с психикой, не охватываются службой охраны психического здоровья», – говорит она. Г-жа Сен-Жермен определяет свой доклад как «речь в защиту заключенных провинции Квебек, которые должны иметь доступ к психиатрической помощи».

В своем докладе омбудсмен предлагает ряд рекомендаций. Например, Министерству здравоохранения и соцзащиты до апреля 2012 года необходимо принять участие в обеспечении профилактических, лечебных и реабилитационных услуг в 19 центрах заключения провинции Квебек. Для этого необходимо дополнительно принять на работу всего лишь 16 человек. «Это не потребует чрезмерных расходов», – утверждает она.

Г-жа Сен-Жермен просит правительство оценить все затраты и выгоды от ее рекомендаций. «После выхода заключенного на свободу мы очень редко просчитываем издержки от рецидивной преступности, от преступности в целом, от отсутствия медицинского обеспечения в заключении, относится ли это к психиатрии или нет», – утверждает она. Омбудсмен предлагает также поставить проверку состояния психического здоровья всех вновь прибывающих заключенных на постоянную основу и улучшить подготовку полицейских и тюремного персонала.

Мали: атака на тюрьму

В ночь с 6 на 7 мая 2011 года тюрьма города Ансонго была атакована шестью вооруженными лицами. В результате двое нападавших убиты. Подозрения падают на бывших участников восстания туарегов. Но существует и другая версия, поскольку между регулярными войсками и надзирателями возник конфликт, который якобы и привел к этому инциденту. Таким образом, обсуждаются две версии этого ночного нападения.

Первая версия. Шесть вооруженных человек, атаковавших тюрьму, попытались освободить двоих своих товарищей по оружию, содержащихся в тюрьме за торговлю наркотиками.

Эти шесть представителей Национальной гвардии, участвовавшие в провалившемся восстании туарегов, попытались атаковать тюрьму. Сначала они проникли в пенитенциарное учреждение и смешались с охранниками. Охрана тюрьмы не высказала никаких подозрений, поскольку представители Национальной гвардии часто посещают тюрьму и чаевничают вместе с местной охраной. Но в ночь с пятницы на субботу шестеро гвардейцев объявили, что пришли, чтобы освободить двоих заключенных.

После того как двое охранников тюрьмы отказались выполнить это требование, эти шестеро решили использовать силу. Охранник тюрьмы был избит нападавшими. Унтер-офицер Мамаду Самаке, начальник караула, принял решение открыть огонь и произвел два смертельных выстрела. С 23.00 и вплоть до прибытия подкрепления из Гао (столица одноименной провинции в Республике Мали. – *Сост.*) между нападавшими и охраной тюрьмы шла перестрелка.

В Бамако (столица государства. – *Сост.*) национальный директор Пенитенциарной администрации и его заместитель отслеживали развитие ситуации. Все силы безопасности города Гао и столицы страны были приведены в состояние повышенной боевой готовности. Той же ночью группа сил безопасности выдвинулась из Бамако в Ансонго и прибыла в тюрьму около четырех часов утра. В субботу днем еще один отряд сил безопасности прибыл из столицы в Ансонго, чтобы обеспечить безопасность вокруг города.

Вторая версия. Между вооруженными силами и охраной тюрьмы существуют неприязненные отношения. И действительно, в ряде тюрем, расположенных на севере страны, как, впрочем, и в других местах, тюремные охранники практикуют некоторые действия, которые приносят им прибыль. Эти действия состоят в том, что они заставляют работать заключенных за пределами тюрем. Как правило, заключенные покидают свои камеры на весь день и отправляются в город Ансонго искать работу. В конце дня часть заработанного они вынуждены отдавать охранникам тюрьмы. Эти «деловые отношения» между тюремными охранниками и заключенными осуществляются на глазах вооруженных сил, которые от этого ничего не имеют. Вся выручка проходит мимо них. Из-за этого отношения между войсками и тюремной охраной в Ансонго сильно осложнились. Именно это, как сообщил один из представителей сил безопасности в Бамако, и объясняет ночное нападение на тюрьму.

Справка составителя

Пенитенциарная система Мали

В 58 пенитенциарных учреждениях по состоянию на середину 2009 года содержалось **6700** заключенных, в том числе: подследственных – **88,7%**, женщин – **2,0%**, несовершеннолетних – **1,2%**. Количество заключенных на 100 тысяч населения – **52** человека. Наполняемость тюрем составляет **223,3%**. **Высшая мера наказания** – смертная казнь (на практике не применяется; последний приговор был приведен в исполнение в 1980 году). **Условия содержания**, по отчетам

правозащитников, крайне тяжелые. Большая часть обитателей тюрем – подследственные, так как сроки рассмотрения дел в судах крайне затянуты. Но по сравнению с другими странами региона в тюрьмах крайне низок процент ВИЧ-инфицированных заключенных.

Самое известное пенитенциарное учреждение – **Центральная тюрьма Бамако**. В тюрьме содержатся только взрослые мужчины – около 3300 человек, по 20 человек в камере. Все заключенные работают в металлообрабатывающих мастерских, чтобы покрыть издержки по своему содержанию. **Самый знаменитый заключенный** тюрьмы – бывший премьер-министр Руанды Жан Камбанда, осужденный международным трибуналом за геноцид 1994 года. Отбывает наказание в одиночной камере.

Из доклада **Международной амнистии-2011** «Права человека в современном мире»: «"Аль-Каида в Исламском Магрибе" (АКИМ) удерживала нескольких заложников на севере Мали. Группировка убила нескольких заложников, а других освободила. Так и не были приняты законы о равноправии женщин и об отмене смертной казни. Национальное собрание вновь отложило рассмотрение законопроекта об отмене смертной казни, предложенного правительством в 2007 году. За год к смерти приговорили 13 человек, но о приведении смертных приговоров в исполнение не сообщалось».

США: тюрьма Рикерс-Айленд

В последнее время название тюрьмы Рикерс-Айленд часто мелькает в средствах массовой информации. Сначала в связи с делом россиянина Виктора Бута, обвиняемого в торговле оружием и этапированного из Таиланда прямо в Рикерс-Айленд. Затем глава Международного валютного фонда (теперь уже бывший) Доминик Стросс-Кан, обвиняемый в изнасиловании горничной, провел здесь несколько дней, пока не был «обраслечен» и выпущен под залог в 1 миллион долларов. Что же это за тюрьма?

Рикерс-Айленд является окружной тюрьмой штата Нью-Йорк и расположена на одноименном острове. Тюрьма построена в 30-х годах прошлого века, располагается на территории равной 1,672 кв. км и представляет собой гигантский комплекс зданий. Рикерс-Айленд относится к тюрьмам, имеющим самый высокий уровень безопасности. В 10 тюремных блоках содержится более 14 000 человек. Для сравнения: в самой большой европейской тюрьме Флери-Мерожи (Франция) содержится лишь 3800 заключенных. Тоже немало, но до Рикерс-Ай-

ленд далеко. Окруженный водами Ист-Ривер остров еще называют тюрьмой нью-йоркского дна.

Охрану и иные функции в этом огромном пенитенциарном учреждении осуществляют 7000 охранников и 1500 гражданских лиц.

Эта окружная тюрьма выполняет функции как следственного изолятора, так и места отбывания наказания и пользуется дурной репутацией из-за огромного количества случаев насилия, которые происходят между заключенными. Например, в 1996 году один из арестантов ранил из пистолета четверых своих сокамерников. В 2009 году 18-летний юноша покончил жизнь самоубийством, не вынеся издевательств.

Самое опасное крыло тюрьмы называется Robert N. Davoren Center. В нем собраны молодые люди в возрасте от 16 до 18 лет, характеризующиеся администрацией тюрьмы как «наиболее жестокие». Неофициальное название этой части тюрьмы – «Дом боли». Здесь «правят бал» представители различных гангстерских группировок. Например, чтобы иметь право сесть на стул или посмотреть телевизор, необходимо заплатить. Те же, кто отказывается подчиняться, подвергаются регулярным избиениям.

В Рикерс-Айленд находится огромное число членов различных гангстерских группировок Нью-Йорка: Trinitarios, Latin Kings, Bloods, Crips и т. д. Численность отдельных группировок превышает 100 человек. Понятное дело, что соперничество между этими бандами не привносит спокойствия в жизнь остальных заключенных. В среднем в Рикерс-Айленд фиксируется около 70 бунтов в году.

В тюрьме имеется специальное отделение, называющееся West Facility, где в камерах на одного человека (размером 3 на 4 метра) содержатся мужчины и женщины, которые представляют опасность с точки зрения распространения различных заразных заболеваний. Именно в такую камеру, но в целях безопасности, был помещен директор Международного валютного фонда.

Но отдельная камера – это привилегия. Большинство арестантов не может внести за себя залог, то есть это нищие преступники. Их содержат обычно по 10 человек в одной камере.

Питание в тюрьме характеризуется как плохое. Прогулки заключенных ограничиваются одним часом и часто прерываются досрочно из-за различных инцидентов между арестантами.

Все обитатели тюрьмы Рикерс-Айленд носят синюю или оранжевую робу без рукавов, которая шита таким образом, чтобы не позволить заключенному совершить самоубийство. Нейлоновая ткань этой униформы очень прочная, и ее невозможно порвать для петли. Боль-

шинство заключенных, которые кончают с собой в тюрьме (а суициды здесь случаются часто), делают это через повешение при помощи постельных принадлежностей или одежды. Кроме того, нейлоновая ткань, из которой изготавливают роботы для заключенных, не горит. Кстати, из такой же ткани носят одежду и заключенные не менее известной военной тюрьмы Гуантанамо.

Тюрьма Рикерс-Айленд пользуется большой популярностью у киношников: она фигурирует во многих художественных и телефильмах, сериалах. Часто эта тюрьма изображается в комиксах.

Сирия: пытки в тюрьме

Журналистка телекомпании «Аль-Джазира» Дороти Парвез рассказала, что она стала свидетельницей пыток, применяемых к заключенным в сирийской тюрьме, в которой она провела три дня, прежде чем ее экстрадировали в Иран. (Там ее тоже заключили в тюрьму.)

«Я провела в центре заключения в Сирии три дня и две ночи, и я слышала, как люди подвергались диким пыткам», – свидетельствует американско-канадско-иранская журналистка, работающая в английской службе телеканала «Аль-Джазира». Интервью с ней было показано по телевидению вечером 21 мая.

«Звуки выстрелов, крики, вопли...»

«И днем и ночью в тюрьме были слышны звуки выстрелов, крики, вопли... Все это казалось нескончаемым, хотелось заткнуть уши и ничего не слышать», – рассказала молодая журналистка.

«Никто не носит униформу, ни у кого нет нагрудного знака с фамилией и именем, никто ни за что не несет никакой ответственности... многие из этих людей, работающих там, ведут себя как подонки», – добавила г-жа Парвез.

«Я находилась в одной камере с несовершеннолетней девушкой, арестованной десять дней назад, которая истерически рыдала, так как ей не давали встретиться со своими родителями. А арестовали ее прямо на улице». Камера, рассказала далее журналистка, была «крохотная и очень грязная».

В среду телекомпания «Аль-Джазира» объявила, что Дороти Парвез «была освобождена и прибыла в город Доху, следуя в Иран».

Г-жа Парвез исчезла в Сирии, куда она «прибыла нелегально» 29 апреля с просроченным, как заявили официальные сирийские власти, иранским паспортом.

В посольстве Сирии в Вашингтоне 11 мая заявили, что журналистка 1 мая была переправлена в Иран: «экстрадирована, в соответствии с международным законодательством, в страну, которая ей выдала паспорт».

Задержана для «проверки паспорта»

Отец журналистки Фред Парвез, проживающий в Ванкувере (Канада), которому она звонила по телефону, рассказал по канадскому телевидению СВС, что, с ее слов, в иранской тюрьме с ней обращались хорошо.

В Тегеране генеральный прокурор Аббас Джафари Долатабади подтвердил, что г-жа Парвез действительно находилась в заключении по причине «проверки» ее паспорта.

Представитель Сирии заявил, что «вызывает большое сожаление, что журналистка, работающая на международное агентство новостей, тем более такое известное, как «Аль-Джазира», попыталась въехать в страну, используя два нелегальных способа: имея просроченный паспорт и указав ложную причину въезда в страну».

Официальные сирийские средства массовой информации регулярно обвиняют спутниковые телеканалы, такие как «Аль-Джазира», в том, что они используют без указания источника сфабрикованные видеосъемки протестного движения против существующего в стране режима. По данным ООН и ряда неправительственных организаций, в Сирии убито более 800 человек и не менее 8000 арестовано.

Нодари Хананашвили

Преимущества и эффективность системы ювенальной юстиции

Рассматривая вопрос об эффективности системы ювенальной юстиции, необходимо иметь в виду, что это – именно система, существующая как совокупность институтов (государственных и негосударственных), действующих на основе действующих правовых норм и реализации положительно результативных социальных технологий, применимых для работы с несовершеннолетними, – **ювенальных технологий**.

Трехлетний проект «Усовершенствование работы с молодежью группы риска в РФ» (МГР) был реализован Ассоциацией университетов и колледжей Канады в партнерстве с Российским благотворительным фондом «Нет алкоголизму и наркомании» (НАН) в шести регионах России (Москва, Брянская, Московская и Ростовская области, Чувашская Республика, Ставропольский край) и профинансирован Канадским агентством международного развития (CIDA).

Следует заметить, что ювенальная юстиция представляет собою не только специализированный суд, но и окружающее его пространство, насыщенное необходимыми для ребенка, находящегося в социально опасном положении или вступившего в конфликт с законом, и его семьи социальными услугами. Поэтому рассмотрим несколько стадий проблем, в которых проявляется и может быть измерена или иным способом зафиксирована эффективность отдельных элементов системы ювенальной юстиции при их подключении к работе с ребенком и его семьей и системы в целом.

Ребенок в ситуации опасности (проблемы в семье, школе, с друзьями, на улице). Явное проявление неблагополучия ребенка – его уход на улицу. Именно там должен находиться один из первых редутов защиты ребенка от опасности. Проекты, реализованные ранее Фондом «НАН», продемонстрировали измеримую эффективность такой работы (было зафиксировано снижение «молодежных» крими-

нальных показателей). Уже здесь может начинаться использование подхода работы со случаем (кейс-менеджмент) и комплекса документальных инструментов, разработанных в ходе проекта МГР:

- форма оценки рисков и потребностей ребенка (и, возможно, его семьи) – ОРП;
- индивидуальная программа реабилитации (ИПР), разрабатываемая на основе ОРП;
- карта социального сопровождения (КСС), обеспечивающая единство деятельности всех структур, обязанных оказывать помощь ребенку в трудной жизненной ситуации или оказавшемуся в конфликте с законом.

Использование трех перечисленных инструментов позволяет не только правильно разобраться в проблеме ребенка и его семьи, но и помочь ему индивидуально и обеспечить плотное наблюдение и сопровождение его в течение всего периода реабилитации, ресоциализации. Критерием эффективности деятельности всех структур по отношению к центральному субъекту системы – ребенку и его семье – становится совокупность в значительной мере объективизированных показателей возвращения ребенка и его семьи к положению устойчивого благополучия.

Насилие над ребенком. Возможны варианты – появление в школе, у врача с явными, внешними признаками насилия, подавленное состояние. Здесь в большей мере необходима деятельность психологических, медицинских служб, вмешательство педагога, школьного омбудсмана (в случае внутришкольного конфликта – вмешательство школьной службы примирения). Критерием эффективности является динамика негативных проявлений, возникающих в качестве последствий (правонарушения, открытая агрессия, попытки суицида и др.). В качестве крайней меры могут использоваться внесудебные (например, обращение в КДН или службы медиации), досудебные или судебные процедуры. Важным институтом, способствующим обеспечению защиты прав ребенка при заметных признаках неблагополучия становится институт уполномоченного по правам ребенка.

Сочетанными критериями эффективности системы ювенальной юстиции в случаях данного порядка являются критерии частоты зафиксированных проявлений насилия над детьми и индикаторы, отражающие количество пропавших и погибших от насилия детей. Однако во избежание начетничества, сокрытия информации и иных искажений в статистике данные отдельные критерии и показатели не должны становиться критериями и показателями эффективности деятельности той или иной государственной службы.

Совершение правонарушения или преступления. Центральным субъектом, действующим в интересах ребенка, должен становиться специализированный, ювенальный суд. Эффективность его деятельности будет определяться как повышением профессионализма судей, так и способностью глубже проникнуть в суть проблем ребенка и его семьи и сформулировать совокупность воспитательных мер ответственности для ребенка-правонарушителя и социализирующих действий для потерпевших. В то же время через частные определения и постановления ювенальный суд может и должен определять меру ответственности чиновников, в том числе представляющих органы опеки и попечительства, за судьбу конкретного ребенка и его семьи и направления для дальнейшей работы с ними той или иной государственной (муниципальной) или неправительственной социальной службы.

Ключевая роль ювенального судьи может быть продемонстрирована, исходя из статистических данных о деятельности первого в современной России специализированного, ювенального, состава (ювенального суда) в г. Таганроге Ростовской области. За пять лет его работы уровень рецидива (повторных преступлений) в результате применения ювенальных процедур снизился с 19,5 до 4,5%. А это означает, что более чем в 4 раза снизилась вероятность возвращения оступившегося ребенка в криминальную орбиту (криминальный оборот).

Одновременно высокоэффективными структурами, осуществляющими работу с ребенком и его семьей, становятся не только социальные и психологические службы, но и служба пробации, осуществляющая контроль и надзор за выполнением ребенком (и, при необходимости, его семьей) назначений, предписанных КДН или, в отдельных, наиболее сложных, случаях, ювенальным судьей.

Использование документарной триады (ОРП, ИПР и КСС) и банка реабилитационных программ (БРП), в котором собирается и накапливается весь комплекс применяемых подходов и социально ориентированных решений, становится для кардинального исправления ситуации практически неизбежным. Здесь также возникает потребность в использовании потенциала социальных служб, обеспечивающих процесс исправления последствий совершенного правонарушения и заглаживания причиненного вреда. Поскольку преступление является более тяжелой формой правонарушения, то, с одной стороны, для работы по преступлениям несовершеннолетних требуются аналогичные институты, процедуры и ювенальные технологии, с другой – деятельность следственных, правоохранительных, судебных и иных государственных органов и взаимодействующих с ними социальных служб

должна быть более скрупулезной, «глубоко эшелонированной», с использованием более серьезных мер, способствующих исправлению ситуации, возмещению вреда или ущерба.

В качестве основных критериев эффективности данного этапа, как и на всех последующих этапах работы, становятся снижение уровня рецидивности, повторности правонарушений и преступлений – при одновременном повышении количества дел, разрешаемых к удовлетворению всех сторон конфликта во внесудебном, досудебном и судебном порядке, и снижении количества судебных приговоров, содержащих в качестве меры наказания лишение свободы, а также при сокращении таких сроков.

Ограничение (лишение) свободы. Лишение свободы, при расширении практики альтернативных форм ответственности за совершаемые правонарушения и преступления, остается распространенной формой наказания. При этом резко актуализируется не просто гуманизация мест лишения свободы, но и насыщение данного сегмента действия системы ювенальной юстиции социальными службами, отвечающими за содействие исправлению несовершеннолетних, сохранению ими связей со своими родными и близкими и приобретению новых профессий и социальных навыков, которые наверняка пригодятся в дальнейшей жизни при возвращении в общество.

Поэтому в основе действий государственных и негосударственных служб пробации (которые также должны иметь широкий, хотя и регламентируемый допуск к работе в местах ограничения или лишения свободы) необходимы усилия, направленные не только на осознание несовершеннолетними тяжести совершенного ими деяния, но и на их всемерную социализацию. Для сохранения связей ребенка с семьей должный уровень внимания необходимо уделять и работе с родными и близкими отбывающего наказание подростка.

Следовательно, и в этом случае ключевым критерием эффективности системы становится уровень возврата (точнее «невозврата») воспитанников в места ограничения (лишения) свободы. При этом для обеспечения более точных статистических сведений, желательно расширение периода учета явлений рецидивизма и допуск неправительственных некоммерческих организаций к осуществлению в данной сфере независимого контроля.

Освобождение из мест ограничения (лишения) свободы. Успешность интеграции молодых людей после возвращения из мест ограничения (лишения) свободы во многом определяется как качеством работы в названных местах, так и эффективностью непрерывного сопро-

вождения и помощью в трудоустройстве или устройстве на обучение. Ювенальные технологии, используемые в этот ответственный и важный период работы с несовершеннолетними и их семьями, обеспечивающая социализирующее кураторство, по мере нормализации ситуации могут постепенно переходить в режим отдаляющегося контроля. Основными критериями и свидетельством нормализации жизнеустройства вышедшего из мест ограничения (лишения) свободы молодого человека являются соответствующие позиции Карты социального сопровождения, которая также является ключевым и наиболее информативным документарным инструментом работы служб ювенальной пробации.

И здесь, так же как и во всей линейке стадий действия системы ювенальной юстиции, для обеспечения качества и эффективности ее функционирования, высокозначимой является возможность осуществления внешнего (прежде всего – гражданского) контроля за деятельностью в интересах ребенка и его семьи. Такой контроль возможен при максимальной прозрачности и регламентированной открытости системы для контроля и участия в выработке персонально для ребенка и его семьи (и в широком смысле – социально) значимых решений.

Хорошим инструментарием для определения эффективности действия системы ювенальной юстиции, прежде всего для детей, вступивших в конфликт с законом, можно назвать комплекс из пятнадцати «индикаторов для ювенальной юстиции», разработанных Организацией Объединенных Наций в 2006 году и рекомендуемых для применения государствами для оценки качества осуществляемой в интересах детей политики.

И только в случае, когда все органы и системы, как общественные, так и государственные, будут действовать на основе единой ценностной системы, общих ценностных приоритетов и в единой правовой логике, мы сможем эффективно решать наиболее острые проблемы наших детей, а система ювенальной юстиции станет эффективной правовой основой социальной политики в интересах детей.

Крестовый поход против детей

Что творится в куриных мозгах державных орлов?

Риторический вопрос про демографию

9 октября 2010 года Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации подавляющим большинством голосов («за» – 410 голосов) отклонила во втором чтении проект федерального конституционного закона «О внесении дополнений в Федеральный конституционный закон “О судебной системе Российской Федерации”» (в части создания ювенальных судов)¹.

Таким образом, поставлена точка с запятой в истории целого пакета законов, первый из которых пролежал после успешного прохождения первого чтения в высшем законодательном органе страны почти 8,5 года. Напомню, 15 февраля 2002 года Государственная дума ФС РФ большинством в 366 голосов приняла этот же законопроект в первом чтении, то есть, как принято сегодня говорить, «поддержала его концепцию». Учитывая, что в то время большинство (хоть и не конституционное) было у фракции «ЕР», можно сказать, что в значительной мере те же ребята, которые браво поддержали законопроект, «сегодня» столь же лихо его и отклонили.

Накануне его рассмотрения во втором чтении Комитет Госдумы по конституционному законодательству и государственному строительству пояснил, почему не рекомендует принимать документ. Отмечено,

Н. Хананашвили – вице-президент Национальной ассоциации благотворительных организаций.

¹ <http://www.duma.gov.ru/>. Сайт Госдумы организован так, что требуемая страница с датировкой соответствующего заседания не может открыться по названной ссылке. Поиск материала интересующимся необходимо произвести самостоятельно. Для должной организации информации высшему законодательному органу, видимо, не хватает средств.

что предлагаемая авторами законопроекта система специализированных судов «не имеет четкой структуры ювенальных судов, а их компетенция определена крайне расширительно. Также законопроект не содержит достаточно четкого определения круга дел, подсудных ювенальным судам». По мнению членов комитета, «отнесение к подсудности ювенальных судов всех дел, хотя бы одним из участников в которых является несовершеннолетний, представляется неоправданным расширением их подсудности». Эти замечания были внесены по результатам рассмотрения документа в первом чтении, однако «не были учтены по сей день»².

Во избежание недоразумений и обвинений в отсутствии контраргументов вынужден прокомментировать все три изложенных соображения. **Во-первых**, четкая структура ювенальных судов в этом законопроекте и не должна была быть изложена. Этот закон – политический, дающий «зеленый свет» самому процессу постепенного формирования специализации судей и судопроизводства для нужд обеспечения прав детей – так, как это требуется Конвенцией о правах ребенка (КоПР), а именно статьей 40.2 (b iii), где сказано:

«b) каждый ребенок, который, как считается, нарушил уголовное законодательство или обвиняется в его нарушении, имел по меньшей мере следующие гарантии:

...iii) безотлагательное принятие решения по рассматриваемому вопросу **компетентным**, независимым и беспристрастным органом или **судебным органом** в ходе справедливого слушания в соответствии с законом в присутствии адвоката или другого соответствующего лица и, если это не считается противоречащим наилучшим интересам ребенка, в частности, с учетом его возраста или положения его родителей или законных опекунов...» (выделено мною. – Н.Х).

Очевидно, что компетентным может быть только специализированный судебный орган (подобно тому, как специалистом по детским заболеваниям является специализированный врач – педиатр).

Структура ювенальных судов – это задача следующего законопроекта из пакета законопроектов 1999–2003 годов (в общей сложности в том пакете было около 10 законопроектов). Председатель профильного комитета В. Плигин об этом **точно** знает. Собственно, в обоснование сказанного можно и поименовать два из трех ключевых законов:

2) Федеральный конституционный закон «О ювенальных судах в Российской Федерации». Вот как раз этот закон и посвящен детально-

му описанию структуры. Но без прямого указания в самой судебной системе этот законопроект приниматься не может.

3) Федеральный закон «Об основах системы ювенальной юстиции». А этот, третий, закон был посвящен детальному описанию всей системы защиты прав ребенка (все элементы, описанные ФЗ-120 «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних», а также – суды, институт уполномоченного по правам ребенка и обязательно профильные институты гражданского общества), в которой специализированный суд занимал стержневое – системообразующее – положение.

Во-вторых, «расширительные пределы компетенции» законодатель (если он вообще может так называться!) может и сузить, точно при этом определяя «круг дел, подсудных ювенальным судам».

В-третьих, предлагалось рассматривать специализированным составом не все дела, в которых ребенок является одной из сторон, а лишь в той части, которая затрагивает интересы ребенка. И об этом «законодатели» также прекрасно осведомлены.

Поскольку все названные аргументы уже озвучивались ранее и получали свою контраргументацию, вполне обоснованным может быть вывод о том, что проблема не в возможных аргументах или контраргументах, а в таком образом сформулированной политической воле и в неизбежном выводе: *в системе «нижних хордовых» российской политики срабатывают только простейшие условные рефлексы.*

Итак, тем самым ярые противники более современной и актуальной для страны модели российской ювенальной юстиции из числа «православных» ортодоксов временно могут считать себя победителями. Боюсь только, что дети России этой победы не почувствуют на себе, разве что через ужесточение системы наказаний за преступления, виновными в которых по существу являются... взрослые.

Нет, конечно, те «взрослые», которые сегодня истерично кричат о «разрушении российской семьи с помощью ювенальной юстиции», завтра продолжат клеймить сегодняшнее всевластие государственных структур (тех же органов опеки и попечительства, отбирающих детей безо всякого судебного решения) и лицемерно причитать: «А представьте, что будет, если в России возникнет ювенальная юстиция по западному образцу?!» При этом ни к селу ни к городу приплетая беззаконно вырванные из общего смысла кадры кинофильма А. Паркера, сделанного на основе музыки альбома группы Pink Floyd “The Wall”. И пусть повсеместно и хорошо известно, что никакого *западного образца* в ювенальной юстиции не существует; в каждой стране (будь то США или

Франция, Канада или Германия, Новая Зеландия или Япония) создается та система защиты прав ребенка, которая необходима этой стране. При этом базовым и самым главным принципом системы любой страны остается принцип приоритета интересов ребенка. Пытаясь указать на «страшный характер» «системы во Франции», противники ювенальной юстиции забывают главный же критерий ее эффективности – сохранение биологической, родной, семьи. Так вот, во Франции ежегодно лишается родительских прав примерно от 100 до 200 родителей. В России сей показатель в 2009 году составил... 63 500 семей. Даже несмотря на разницу в количестве населения, в России это трагическое событие происходит примерно в 100 раз чаще, чем во Франции. Из числа российских детоненавистников это никого не беспокоит. Их «аргументацией» является истерика, основанная на вырванных из контекста примерах. Никаких научно сформулированных и обоснованных аргументов они привести не могут, да и исследований, необходимых для каких-либо выводов, в нашей стране (в отличие от огромного массива исследовательских данных в странах с устойчивой системой защиты прав ребенка) не проводилось, не проводится и проводиться не планируется.

Кстати, можно сказать, что и в России некая уродливая система существует. И, хотя того или нет «противники ювенальной юстиции», в глазах стран, имеющих специализацию правосудия, наша система тоже называется системой ювенальной юстиции. Правда, ребенка она у нас в стране не защищает, а всячески стремится отобрать его у семьи.

Итак, соединив свои усилия с отчаянной истерией, устроенной наиболее мракобесной частью «носителей идей православия», Госдума наконец-то таким неразумным способом проявила «государственную волю», которая выразилась в «честном», но, утверждаю, *противоправном решении*. «Честном», поскольку, хотя чести это решение депутатам не добавило, но стало формальным проявлением собственного мнения. «Почему в противоправном?» – наверное, спросит почти каждый, прочитавший первую фразу этого абзаца. Отвечаю: противоправным является решение, противоречащее российскому законодательству. Понимаю, этого объяснения мало: казалось бы, то, что приняла Госдума, – это и есть «право». Вот здесь – заблуждение. Потому и продолжу пояснение. В основе нашего родного законодательства пока еще, хотя бы формально, – Конституция Российской Федерации. А в ней (часть 4 статьи 15) сказано, что в случае противоречия между нормами российского законодательства и нормами международного права действуют последние. Согласно буквальному и более точному пере-

воду с английского, **Минимальные стандартные правила ООН отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила)** должны звучать как **Минимальные стандартные правила управления ювенальной юстицией**³. Следовательно, посмею заметить, что своим решением российские законодатели пытаются отказаться от выполнения и выше процитированного положения Конвенции о правах ребенка. Следовательно, можно отметить, что нынешние законодатели намерены отказаться от исполнения указанной выше нормы Конвенции о правах ребенка, а заодно и нормы части 4 статьи 15 Конституции РФ и создания такого компетентного органа. О чем, кстати, уже дважды Международный комитет по правам ребенка делал Российской Федерации замечания во время периодических докладов, которые Россия представляла в указанный комитет в последний раз в 2005 году. Замечание 86 гласит:

«86) Комитет рекомендует государству-участнику:

Гарантировать полную реализацию стандартов правосудия в отношении несовершеннолетних, в частности статей 37, 40 и 39 Конвенции, а также других стандартов Организации Объединенных Наций в области правосудия в отношении несовершеннолетних, включая Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) и Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы), Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы, Венские руководящие принципы в отношении действий в интересах детей в системе уголовного правосудия, а также в свете обсуждения Комитетом в 1995 году проблемы учреждения правосудия в отношении несовершеннолетних. В связи с этим Комитет призывает государство-участник в качестве первоочередных мер:

...b) ускорить работу по реформированию системы правосудия в отношении несовершеннолетних с тем, чтобы уголовные дела лиц, не достигших 18 лет, рассматривались в системе правосудия в отношении несовершеннолетних, а не в системе обычного правосудия».

Сказано однозначно, и только профессионально непригодный субъект может не понять данный текст, в чем, собственно, высший законодательный орган России и расписался.

³ По-английски: United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules).

Да и ранее в заключительных замечаниях Комитета ООН по правам ребенка от 08.10.1999 года в частности сказано:

«6. Комитет рекомендует Государству-участнику предпринять все необходимые меры, для того чтобы **ускорить процесс реформирования законодательства**, особенно в деле отправления правосудия по делам несовершеннолетних и ювенального уголовного правосудия, защиты прав детей-инвалидов, защиты детей от алкоголизма, наркомании и токсикомании, защиты детей от порнографии, защиты детей от всех видов насилия и злоупотребления, включая насилие в семье, и введения стандартов и механизмов контроля в отношении детских учреждений всех типов».

Однако ужасно не только то, что противники ювенальной юстиции в самой Госдуме или вне ее могут радоваться этой пирровой победе. Поразительно, что деятели, призванные в силу своей должности способствовать развитию законодательства о правах детей, выступают с умопомрачительно безграмотными комментариями, свидетельствующими либо о своей полной некомпетентности, либо о совершенно наплевательском отношении к этому вопросу, – в угоду мнению правящей верхушки. Иначе сложно объяснить, почему нынешний Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка П. Астахов выразил ся по этому поводу следующим образом:

«Я всегда был не за специализированные суды, а за то, чтобы были судьи-специалисты. Я считаю, создание системы ювенальных судов для нас сейчас неактуально».

По его словам, в России в настоящее время остро стоит «проблема исполнения существующих законов, а не их нехватка».

«У нас достаточно механизмов, чтобы решать вопросы нахождения детей в сложной жизненной ситуации, когда им угрожает опасность, когда к ним применяют жестокость или насилие, изымают из семьи. Суды справляются и без системы ювенальных судов», – подчеркнул детский омбудсмен⁴.

Сказанное выглядит более чем странно. Во-первых, данный законопроект – как раз о росте профессионализма судей, повышении их специализации. Не понимать это может только совершенно неквалифицированный человек, в чем обвинить господина Астахова я не имею достаточных оснований. Во-вторых, говорить то, что говорит П. Астахов, это примерно то же, что говорить: «Нам не нужны хорошие больницы, нам нужны хорошие врачи». Или: «Нам не нужны хорошие шко-

лы, нам нужны хорошие учителя». Насколько мне известно, господин Астахов посещал специализированное судебное присутствие в distinguished городе Таганроге, где в свое время был создан первый в современной России ювенальный суд (в виде специализированного судебного состава), и видел там особенные условия, созданные для работы с детьми, оказавшимися в конфликте с законом. Очевидно, что они коренным образом отличаются от условий в обычных, «взрослых», судах. Не видеть этих различий невозможно.

Следовательно, видеть просто не нужно «политически»? Однако это уже не ошибка от незнания, а, выражаясь мягко, собственный политический выбор или попросту – непорядочность. Вспоминая крылатое выражение из кинофильма «Республика ШКИД», можно сказать: «Гад ты, Костя Федотов!»

Обязан сделать еще несколько существенных, на мой взгляд, замечаний, которые непосредственно касаются как только что принятого политического решения, так и его ближайших последствий.

Российской Федерации в марте 2011 года надлежит представлять в Международный комитет по правам ребенка очередной Периодический доклад Российской Федерации о выполнении Конвенции о правах ребенка. Если в этом докладе не будет информации о создании ювенальных судов, то в Замечаниях к этому докладу данная тема будет фигурировать уже в третий раз, и это означает лишь одно: Россия не желает выполнять взятые на себя международные обязательства. Положение, честно говоря, паршивое, напоминающее поведение тех самых инфантильных подростков, которые, в очередной раз попавшись на правонарушении, канючат: «Ну, простите, я больше не буду!» или, наоборот, не понимая драматических последствий своих поступков, ведут себя нагло и вызывающе.

Второе замечание, касающееся Национального плана действий в интересах детей, разрабатываемого наконец-то в России – после 10-летнего перерыва, в течение которого сама тема была, видимо, неактуальна. Данный «план действий», ответственность за подготовку которого именно в настоящее время взял на себя господин Астахов как Уполномоченный при Президенте РФ по правам ребенка, сейчас содержит раздел «Совершенствование организации административных, социально-правовых и судебных процедур защиты прав детей»⁵.

⁵ Курсивом выделено предложение автора настоящей статьи, активно участвующего в работе над Национальным планом действий, к названию данного раздела, поскольку содержание раздела не ограничено только предложениями в административной и судебной сферах.

⁴ Данный комментарий опубликован: <http://www.rfdeti.ru/news/rubric-1.1/position-2026.html>.

В указанном разделе на основе проведенного анализа при изложении стоящих перед страной задач содержатся следующие четыре пункта:

«...2.3. Обеспечение специализированного уголовного и административного судопроизводства в отношении несовершеннолетних;

2.4. Создание системы непрерывного социального сопровождения несовершеннолетних, попавших в сферу уголовного правосудия...

...3.4. Введение в судебные органы специализированных судебных составов, рассматривающих уголовные дела и дела об административных правонарушениях в отношении несовершеннолетних.

3.5. Нормативное введение должности социального работника при суде, который должен осуществлять социально-психологическое сопровождение несовершеннолетних в досудебном и судебном процессах, взаимодействовать с уголовно-исполнительными инспекциями, другими органами и службами системы профилактики по социальному сопровождению несовершеннолетних».

Судя по всему, эти пункты, в связи с их очевидной «неактуальностью» для П. Астахова, нужно будет исключать. И в самом деле, не противоречить же «самому себе» так часто. Тем более что динамичные вояжи по стране и за рубеж с бравыми спасительными миссиями российскому детскому омбудс-бэтману удаются куда как лучше...

Правда, тогда от задач Нацплана останутся только мелкие поправки и усовершенствования – в целом в «хорошей системе». Какова она сейчас, хорошо известно и нам, и – более или менее – «противникам ювенальной юстиции», и даже Президенту РФ, который в 2008 году как раз и сказал о том, что такой целостной системы у нас в стране нет.

А нам с тем бóльшим интересом и заинтересованностью можно будет заняться участием в написании Альтернативного (государственному) доклада.

И наконец, еще одно. Когда высшие должностные лица страны провозглашают очередной мегапроект или «новацию», мне вспоминаются глаза детей, находящихся в воспитательных колониях для несовершеннолетних. Те, кто там бывал, знают. Глаза различаются, но в подавляющем большинстве выражают два чувства: **замершую беззащитность** и **отложенную месть**. Беззащитность – перед решением «взрослого суда» о лишении свободы. А отложенную месть – за то же. Наше будущее мстит настоящему – как за ошибки, так и за осмысленно допущенное зло. За второе – жестче, но в обоих случаях – практически неизбежно.

Эдуард Михайлов

Чуйская долина, или Прощание с детством

Автобиографическая повесть

Глава 20

После обеда следующего дня под окнами Марсика настойчиво про- сигналил клаксон автомобиля. Выглянув из окна четвертого этажа, мы увидели, как из приоткрытой дверцы такси нам машет рукой Андрюха, приглашая спуститься вниз. Пулей вылетев из подъезда, мы оказались у машины, в салоне которой рядом с водителем сидел Андрей, а на заднем диване расположился непонятной национальности черный тип с огромным шрамом от виска до подбородка. Рядом с ним о чем-то щебетали между собой две размалеванные шлюхи. Поздоровавшись с Андреем и приветственно кивнув типу со шрамом, я склонился к опущенному стеклу, и, чтобы не было слышно таксисту, Андрей тихо ска- зал мне на ухо:

– У тебя не осталось той шмали, братишка?

Я в свою очередь сказал Марсику пару слов, и, пока он бегал до- мой, Андрей повернулся к своему спутнику и сказал:

– Познакомься. Это наши пацаны!

В его голосе слышались нотки гордости за нас. Черный опустил стек- ло и, протянув мне руку, сказал:

– Игам...

Я пожал руку, в ответ назвав себя. Ну и рожа была у этого Игама! Один раз увидишь – на всю жизнь запомнишь.

– Матушка тебя потеряла. Переживает, – тихо сказал я Андрею.

– Все нормально. Я завтра дома уже буду. А пока ты меня не видел, – ответил он. – Бабу хочешь? – неожиданно и с улыбкой спросил он, кивнув в сторону задней части салона. Это было сказано так, что шлю- хи на заднем сиденье захихикали.

– Неее... ну их... – смутился я, и появившийся вовремя Марсик спас положение.

Принесенная им трава перекочевала к Андрею, и такси уехало. Меня терзало любопытство: что было бы, если бы я согласился? Наверное, Андрей просто пошутил, потому что даже представить, как я трахаю таких больших девок, было несерьезно.

– Баб видел в машине? Мне Андрюха одну предложил, – сказал я чуть погодя Марсику.

– А ты че?! – Заинтригованный татарин вылупил на меня шары.

– Да ну их... отказался... вдруг трипперные какие...

Скосив глаза, я наблюдал, как друг пытается переварить эту инфор- мацию.

– Может, курнем? – сублимировался в итоге Марсик.

– Давай, – не имел возражений я.

Делать было совершенно нечего, и уже понятно, что Андрюха но- чью опять не появится в беседке. Гуляет парень где-то вдали от род- ных мест. Со следующего дня он действительно начал появляться во дворе, хотя и не с той регулярностью, как остальные пацаны, и мало- помалу все стали привыкать к его присутствию. За эмоционально на- сыщенной атмосферой встречи из тюрьмы быстро последовала обы- денность. Нагулявшись вдоволь, Андрей, не имеющий склонности к ка- кой-либо работе, маялся от безделья, отчего вид его стал стабильно угрюмым. Однако для меня он по-прежнему оставался интересной личностью, как человек, хранящий в себе много тайн, которые могли сделать меня таким же сильным. Если ночью его не оказывалось в бе- седке, то и я там долго не задерживался, а при встрече не отходил буквально ни на шаг, словно прицепившийся к штанине репей. Дни проходили за днями, и Кабулова трава уже давно закончилась. Все, что выкуривалось по ночам, приносили пацаны, и, следуя внутренней потребности оставаться при деле, мы с Марсиком взяли за добычу папирос. Потом появился дед-ветеран, к которому я перебрался, ког- да приехали из Крыма родители Марсика. Сам дед, а также его прихо- дящая родственница быстро увидели в этом определенную выгоду. Дед, который к тому времени совсем слег и почти не вставал с постели, мог не переживать, приду ли я завтра, чтобы купить ему любимое пиво, поскольку я всегда находился рядом. Родственница же приезжала толь- ко, чтобы привезти продукты и забрать грязное белье для стирки. Го- товил еду я сам, следуя советам поваренной книги, которую привезла мне из дома предусмотрительная тетенька. Первым делом я раскрыл настежь все окна в квартире, напрочь игнорируя возмущения деда.

Потом Марсик помог мне вымыть с порошком все движимые и недвижимые предметы, после чего тяжелый старческий дух исчез. Остался лишь запах табачища, но тут уже никуда не денешься – им были насквозь пропитаны обои стен и потолок. Самым радостным было то, что меня никто не разыскивал здесь. Весь двор уже знал о моем присутствии, но желающих донести пока не находилось.

Как-то раз, сидя у берега речки с Андреем, я набрался решительности и сказал ему:

– Андрюх, если ты когда-нибудь надумаешь поехать в Чуйскую долину, возьми меня с собой. Какое-то время он молча бросал в воду камешки, а потом ответил, как бы размышляя вслух:

–Туда осенью желательно ехать. В ноябре где-нибудь. Жары нет, да и шмаль после первых морозов лучше становится.

– А сейчас нельзя? – Довольный продолжением разговора, я не унимал свое любопытство.

– Можно и сейчас, только потери будут. Свежая трава горит... – сказал он не вполне понятную для меня фразу.

– Как это – горит? –Я жадно ловил каждое слово неразговорчивого Андрея.

– Вот так, элементарно. Зеленку долго нельзя плотной массой держать, там своя температура образуется, как у пшеницы. Желательно сразу сушить, иначе середина краснеет и умирает. Пока до Ташкента доберешься, половину рюкзака выкидывать надо. Да и сухостой везти безопаснее в вагоне. Не так вонюч.

Андрей говорил медленно, и по его печальному тону было件件, как близка ему эта тема. Какое-то время мы сидели молча, а потом Андрей посмотрел на меня и сказал:

– Такие дела лучше делать в одиночку, малой.

Успев обработать услышанное ранее, я готов был поспорить с этим:

– Но если вдвоем мы сможем привезти в два раза больше, значит, и потери будут меньше? Моя настойчивость вызвала редкую улыбку на лице Андрея.

– Че понту сейчас говорить об этом... денег на поездку все равно пока нет. Появятся бабки, там и будет видно...

Это был ОЧЕНЬ обнадеживающий ответ! Мысленно я уже вообразил у себя за спиной рюкзак, плотно набитый чуйской коноплей. Ах, как мне этого хотелось тогда!

Глава 21

Несколько дней и ночей были скучными. Травы не было. Дверь у деда не запиралась, и, когда вошел Андрей, я находился на кухне и готовил какой-то харчо из пакетов.

– Доктор звонил с работы, просил приехать. По ходу шмаль появилась. Поедем? – спросил он.

Быстро свернув поварские дела, я отправился с Андреем в военный госпиталь, расположенный на другом конце города. Часа через полтора мы уже стояли возле зеленых ворот с большими красными звездами, отгораживающими больничный корпус от внешнего мира. Проникнуть внутрь можно было только через КПП с вооруженным часовым, так что еще добрых полчаса мы слонялись в округе, пока наконец не появился Доктор. В белом халате и очках он выглядел несколько смешно.

Спустившись к берегу быстрой и мутной речки Кара-Су, мы выкурили принесенную Доктором мастырку и долгое время с интересом слушали его рассказы про Афганистан. Он говорил о каком-то новом наркотике под странным названием «героин», который с первого же употребления привязывал человека навсегда. Со слов солдат, местное население афганских кишлаков специально присаживало на него наиболее слабых советских бойцов, и таким образом последний попадал к ним в зависимость. Страшные вещи рассказывал Доктор. Прощаясь с ним у КПП, мы расступились, пропуская внутрь госпиталя вереницу «КамАЗов».

– Вот, еще пополнение.

Доктор с тоской провожал взглядом прибывшие из аэропорта машины. В кабинах сидели молодые ребята в песочного цвета панاماх, и на их лицах лежала печать серьезности, которую не встретить в обычной жизни. Кабины и борта некоторых «КамАЗов» были исполосованы очередями пуль, и, глядя на эту картину, я думал о том, как мало мы знаем о войне, которая идет ЗДЕСЬ И СЕЙЧАС. Афганистан кажется очень далеким, а раненые машины привозят раненых солдат именно СЮДА. Только здесь, на маленьком пятачке мирного Ташкента, огороженного зеленым забором, в своей страшной полноте живет ВОЙНА.

Улица Рисовая была известным в городе обиталищем прибалтеной шпаны различного профиля, и в пивном павильоне на местном базарчике нас окружали исключительно татуированные личности с вкрадчивыми голосами и стеклянным взглядом. Здесь никто ни на кого не обращал внимания, и помимо меня за стойками виднелись головы других малолеток. Пиво было теплым и отвратительным, а вентилято-

ры под потолком отнюдь не способствовали уменьшению духоты и огромного числа мух. Едва осилив половину кружки, я оставил Андрея одного у стойки и вышел на улицу в поисках какой-нибудь легкой закуски, поскольку мы оба еще ничего не ели весь день. Продавцы горячей самсы и чебуреков стояли рядами, и я медленно двигался вдоль них, выбирая самые вкусно пахнущие. Когда я склонился над одним из тазов, чья-то рука слегка дернула меня сзади за воротник. Я напрягся и, ожидая самого худшего, медленно обернулся. Родная до боли улыбка светилась на лице, а из левой ноздри, как и прежде, струился блестящий ручеек. Алим! Мы обнялись тепло и по-братски. Вид его был привычно неопрятный, и под мышкой была зажата коробка из-под обуви. Схватив за руку, Алим потащил меня показывать место нового ночлега, который, по его выражению, «ни одна мент не найдет». Он что-то быстро говорил в радостной запальчивости, а я машинально следовал за ним, подбирая нужные слова, которыми должен был объяснить, что уходить мне отсюда нельзя. В какой-то момент Алим остановился и, резко повернувшись ко мне, спросил улыбаясь:

– А ты знаешь, кто сдал нас тогда?

– Нет. А кто?

Это не могло не вызвать моего любопытства.

– Хмир! – торжественно произнес мой старый друг.

– Как узнали? – не очень удивился я поступку Хмыря, который всегда был чужим в нашей стае.

– Сам признал. Иво тож детприемника привели. Плакал, прощения просил. Иму менты пиздил, и не выдержал. Все сказал. Сичас опять с нами живет. Падохнит один. Жалко...

– Алим, – начал я, чувствуя как слова застревают у меня в горле. – Брат, я не могу пойти с тобой сейчас... – с огромным трудом выдавил я, наблюдая, как улыбка Алима плавно переходила из удивления в грусть.

– Пачиму не можешь? Когда можешь? – Его одновременно мучили сразу два вопроса.

– Не знаю, Алимжан, меня люди ждут серьезные. Мне обязательно нужно сделать одно дело, брат. – Мой вид был жалок. Делать выбор в таком возрасте весьма непростое дело.

– Ящериса такой видел? – Алим приоткрыл крышку обувной коробки. Заглянув в щель, я увидел довольно приличных размеров тритона, который, с опаской поглядывая на меня, дергал кадыком. Алим всегда умел переключать сознание с конкретных предметов на отвлекающие, когда первые несли эмоционально отрицательную нагрузку.

Я крепко обнял его, и, обхватив меня в ответ, он выпустил коробку из рук. Какие-то секунды мы смотрели на быстро убегающую ящерицу.

– Я знаю, где они живут. Поймаю еще, – сказал он, когда я показал пальцем на удаляющегося дракона.

– Прощай брат! Мне пора. – Я развернулся и пошел к павильону, а он смотрел мне вслед, пока толпы прохожих не разделили нас окончательно.

Прости, дорогой мой друг! Я уже вырос из тех штанишек, в которых ты по-прежнему оставался.

Пришло время идти каждому своей дорогой. Базары и вокзалы оставались тебе, меня же манила и влекла к себе колдовская Долина...

Глава 22

На дворе стоял последний июльский день, когда мы с Марсиком тряслись на его ржавом велике, пересекая границу двух кварталов. Там, куда мы направлялись, во дворе чужой нам школы располагался большой бассейн с трамплином для прыжков. Иногда мы, рискуя нарваться на неприятности, гоняли туда поплавать в чистой, прозрачной и теплой воде.

– Тебе предки могли бы мопед купить, – говорил я Марсику, раздраженный неимоверным скрипом педалей.

– Так они хоть сегодня готовы, только я мотоцикл хочу. Батя говорит, восьмилетку закончишь, возьму «Яву». Выбирай, говорит, или сейчас мопед, или через пару лет моцик... Подожду уж, немного осталось, – пыхтел он, усиленно крутя педали.

– У Андрюхи завтра день рождения. Восемнадцать исполняется. Че дарить-то будем? – сменил я тему разговора.

– Даже не знаю. Гулькиного поросенка если долбануть молотком по башке, то там от силы рублей 15 наберется. Маловато, – начал он размышлять вслух.

– У деда в шкафу немецкий штык-нож висит. Красивая приبلуда. В ножнах и гравировка по лезвию. Только я даже разговаривать с ним не стану. Хотел как-то вынести в беседку, пацанам показать, так старого чуть инфаркт не стибанул, – сказал я.

– А потерять его нельзя? – оживился на мгновение татарин.

– Не... нельзя. Дорог этот трофей деду, он его с убитого им фрица снял. Я уже и так и сяк думал, но обижать его не буду, это точно, – подвел я итог своим мыслям.

Тем временем, миновав дамбу, мы спешили, поскольку асфальт закончился, а трястись на железной раме мне не доставляло никакого

удовольствия. Остановившись возле уходящих под углом в воду бетонных плит, мы смотрели, как вырывающиеся из шлюзов пороги образуют большие воронки. Вдоль плит течением прибывало большое количество пожелтевшей пенопластовой крошки. Так было всегда, сколько я помнил, и непонятно, откуда она бралась.

– Вот здесь Анжелу выловили, – сказал вдруг Марсик, показывая пальцем в воду прямо у наших ног. – Раздуло, словно корову, аж купальник лопнул. Опознали только по сережке в ухе. Второе рыбы обглодали.

При этих словах я машинально провел пальцами по левой щеке. Она была гладкой, поскольку время успело стереть следы прошлого. Настроение сразу упало. Надо же было Марсику вспомнить об этом в тот момент, когда мы собрались купаться...

Проведя пару часов среди шумной и многолюдной толпы купающихся различных возрастов, мы сидели на траве и шнуровали обувь, готовясь отправиться в обратный путь. Явно совершеннолетний, рыжеволосый тип с серыми глазами возник возле нас неожиданно. Присев рядом, он схватил Марсика за щиколотку, а я почувствовал, как что-то острое уперлось мне в бок. Скосив глаза, я увидел финку.

– Че здесь делаем? – вкрадчиво спросил гопник, даже не глядя на нас.

– Мы... купались... – запинаясь, пролепетал Марсик, который уже успел испугаться при виде финки у моего бока.

– Видите вон ту гречанку в воде? – глядя вверх нас, говорил рыжий. Мы повернули головы, и увидели черноволосую девушку лет шестнадцати, которая в одиночестве плавала недалеко от борта бассейна. – А вон там, под желтым полотенцем, лежат ее джинсы. – Следуя взгляду гопника, мы увидели на берегу стопку вещей, накрытых желтым полотенцем. – Хватаете штаны и бежите к выходу, я буду ждать вас там. Не сделаете – убую! – Рыжий поднялся, сунул нож за пояс и быстро исчез из поля зрения.

Все случилось так быстро, что неприятная волна окатила меня только теперь. Такое чувство возникает исключительно в моменты опасности, и надо отдать здесь должное моему двухлетнему образу жизни в экстремальных ситуациях, поскольку паническая волна лишь окатила меня, быстро сойдя на нет. Друг же мой буквально находился в ступоре, он был чрезвычайно бледен и смотрел на меня широко раскрытыми глазами, не издавая ни звука. Мы хорошо знали территорию этой школы. Состоящая из нескольких корпусов, она была огорожена по периметру высоким забором из толстых стальных прутьев, и единственным выходом оттуда служили центральные ворота. Рыжий гопник ви-

димо оценил, что с велосипедом мы не сможем выйти с территории школы иным способом. Затягивая шнурки на своих ботсах, я лихорадочно соображал. Бассейн находился в глубине школьного двора, и отсюда вели две асфальтированные тропинки, направо и налево. Первая вела к центральному выходу, где нас ожидал ужасный гопник, вторая же вела за корпуса в заднюю часть двора и заканчивалась тупиком, упираясь в забор.

– Ну что? Рвем налево? – спросил я Марсика, который в ответ лихорадочно закивал головой, будто ухватился за соломинку в момент потопа.

Я посмотрел на девушку с черными волосами. Она сидела по шею в воде и частенько поглядывала в сторону своих вещей. Поняв, что потихому не получится, я с неприятным чувством безысходности повернулся к Марсику:

– Ты готов?

Татарин утвердительно кивнул, будто проглотив язык.

– Заводи! – скомандовал я.

Марсик оседлал велосипед и тронулся. Одновременно с ним я направился к желтому полотенцу. По мере того как друг набирал скорость, ускорялся и я.

Я старался не смотреть в ее сторону, но, приближаясь к вещам, остро почувствовал, как девушка напряглась, наблюдая за мной. Все! Вперед! Рванувшись что было мочи, я на ходу выдернул джинсы из-под полотенца и, сунув их под завязанную узлом на животе рубаху, в несколько прыжков очутился на раме велосипеда. Марсик бешено крутил педали, и, очевидно, находясь в довольно паническом состоянии, начал сворачивать направо.

– Куда?! – заорал я ему.

Уже выскочившая из воды девушка, следуя логике нашего маневра, кинулась наперерез правой тропинке, но Марсик сделал вираж, и мы устремились в тупик. Она бежала за нами на небольшом расстоянии и, понимая, что мы никуда не денемся, зло кричала нам в след. Уткнувшись в забор, мы соскочили с велика и, бросив его тут же как ненужный хлам, словно мартышки, перелезли через забор. Преодолеть такое препятствие по силам только пацанам. Перед нами был узкий мостик через речку, на другой стороне которой раскинулся кишлак. Девушка, подбежав к забору, схватилась за прутья, будто загнанный в клетку дикий зверь, и кричала в наш адрес истеричным голосом:

– Отдайте пожалуйста! – молила она слезно. – Ну, отдайте! Меня отец убьет!

Уже перед тем, как раствориться в глубине саманных построек, я остановился и обернулся. Девушка сидела возле забора, уронив голову на колени, и, хотя шум речки заглушал все звуки вокруг, было понятно, что она рыдает. Рядом с ней лежал старый, скрипучий велосипед. Какое-то время мы шли молча, погружившись каждый в свои мысли. Не знаю, о чем думал тогда мой друг, но мои собственные переживания до сих пор живы в моей памяти во всех деталях. К тому времени мне уже приходилось обманывать и обижать взрослых и незнакомых мне людей, однако все они были преимущественно мужиками. Слезы и мольбы молодой и беспомощной девчонки действовали на меня непривычным и крайне угнетающим образом. Похожие на лабиринт закоулки кишлака отлично отражали мои мысли. Вначале я представлял грозного отца-грека, который бьет по лицу свою дочь. Затем, вспомнив, что ташкентские греки живут состоятельно, подумал о том, что отец наверняка купит этой девочке еще одни джинсы, и тут же поймал себя на мысли, как же она пойдет сейчас раздетая по городу. Ведь ей еще надо добраться до дома. Долбаный гопник! Если бы не он, я никогда бы не сделал ЭТОГО. Джинсы лежали у меня за пазухой, но как же далеки были от них мои мысли в эти минуты. Три десятка лет минуло с того дня, и в багаже скопившихся за это время грехов моих, тот случай с джинсами давно занял свое место на полке среди самых невинных. Однако для меня он остается таким же живым, как и в те далекие времена. Возможно, из-за него я принципиально не обижаю женщин.

Глава 23

Встревоженный голос Марсика отвлек меня от раздумий.

– Гляди! – он слегка толкнул меня плечом.

Только теперь я вдруг начал осознавать, что мы движемся по чужой территории. Вряд ли мы оказались бы здесь по доброй воле, однако дилемма состояла в выборе наименьшей опасности, которая теперь становилась единственной и основной. Продвигаясь по узким переулкам кишлака, мы еще оставались незамеченными, но, как только оказались на открытой местности, сразу же попали в поле зрения небольшой группы местных подростков. Человек пять узбеков примерно нашего возраста оторопело смотрели на нас, очевидно, не веря своим глазам.

– Погнали, татарин! – Не дожидаясь, когда они придут в себя, я рванул с места, как заправский спринтер, увлекая за собой Марсика.

Сначала нас обстреляли из рогаток, а затем за нами погнался на велосипеде один из той компании. Нейтральная полоса была уже не-

вдалеке, и нам оставалось лишь выскочить на большую дорогу, чтобы сохранить не только джинсы, но и собственные головы. Благо в этот час более старшие узбеки были на базарах, помогая родителям в продаже арбузов, лепешек и прочей национальной снеди, и в кишлаке тусовалась лишь мелюзга. В противном случае нам пришлось бы очень туго. Сейчас мы с Марсиком напоминали двух ковбоев, которые оказались в кишашей индейцами прерии. Лысый узбечонок, лихорадочно вращая педали выкрашенного в попугайчи цвета «Орленка», поравнялся с нами и пытался схватить меня за рубашку. Вид у него был неимоверно злой и ненавистный, и почти рефлекторно я пнул его на ходу в плечо. Бабайчонок потерял равновесие и с грохотом кувыркнулся с велика на землю. В следующее мгновение мне вслед раздалась отборная брань на местном языке, касающаяся моей матери, что заставило меня резко остановиться. Обернувшись, я быстро оценил, что у оставшихся поодаль узбеков больше нет велосипедов и, подбежав к сидящему на земле, со всего маху врезал ему ногой в лицо. Кровь хлынула у бабая из носа, и он дико заверещал. Подбежавший Марсик схватил отвалившийся от велосипеда руль и, прикусив губу, как-то неловко пытался ударить его по плечу. Узбек уворачивался и, испуганно вращая глазами, орал благим матом. По натуре Марсик был не жесток, но в тот момент я почему-то сильно разозлился на него. Сунув другу джинсы, я вырвал руль из его рук и размахнулся, как при ударе в гольфе. Короткий свист полый стальной трубы и резонирующее эхо удара по макушке поставили точку моему возбуждению. Оглушенный бабай затих, потеряв сознание, и теперь уже заверещали его друзья, метрах в ста от нас. Понимая, что сейчас из домов повыбегут взрослые, мы побежали дальше, и удачно отходящий от остановки автобус оказался для нас спасительным убежищем. Не следовало тому узбечонку кричать этих слов в такой напряженный для меня день. Настроение было паршивым. Стоя на задней площадке автобуса, я только теперь подумал об оставленном у школьного забора велосипеде друга.

– Жалко велик. Вечерком надо будет у магазинов потереться, может, откатим какой... – Говоря эти слова, я чувствовал себя несколько виноватым перед Марсиком. Его реакция обрадовала меня. Он с беспечным видом отмахнулся от этой мысли и в целом выглядел довольным. Да уж, этот день и для него был непростым. Как же не радоваться тому, что остался цел и невредим. Что в сравнении с этим какой-то велосипед? Кусок железа!

Нацепив очки с толстенькими, словно лупа филателиста, линзами, дед, лежа на спине, читал желтую от никотина книгу, когда мы, про-

бравшись на кухню, наконец могли рассмотреть диковинные штаны, расстелив их на полу.

– Сто двадцать рэ! – Оценка Марсика была рациональной. Меня же, наоборот, занимала эстетическая красота этих крепких, без единой лишней детали брюк, доставшихся нам таким трудом. MONTANA. Эти американские штаны стоили две месячные зарплаты, притом что нужно было еще найти продающего их спекулянта. Джинсы были совершенно новыми. Похоже, девушка надела их в первый раз и сразу решила покрасоваться у бассейна. Вопрос в том, что с ними теперь делать, даже не возникал.

– Подарок Андрюхе? – Мой вопрос к Марсику был скорее риторическим.

– Конечно! – отозвался он сразу, без намека на сожаление. Как же мне везло на друзей...

– Тогда надо сегодня дарить, он их все равно барыге загонит. Пока то да се, глядишь, завтра уже при бабках будет, – прикинул я вслух, и, наспех пообедав недосолённым харчо моего приготовления, мы вышли во двор.

Марсик свистел так оглушительно, что в окна выглядывала чуть ли не половина дома. Появившийся в проеме окна Андрей кивнул нам, и, когда мы поднялись на третий этаж, он уже поджидал нас в подъезде.

– Вот, от нас тебе на днюху! – Я протянул ему завернутые в газету джинсы.

– Где насадили? – улыбаясь, спросил он, с довольным видом разглядывая подарок.

– Долгая история, – махнул я рукой.

– Ну, хоть не в нашем районе? – скорее для формальности, чем из опасения, опять спросил Андрей, не отрывая глаз от красивых штанов.

– Да нет, далеко отсюда. Нормально все там, – отвечал я, вечно молчаливый в присутствии больших пацанов. Марсик лишь лукаво улыбался.

– Ну, спасибо, братцы! – Андрей тепло пожимал нам руки. – Носить-то я их не буду, сами понимаете, – улыбался он, – пойду к Ровшану и на бабки поменяю. Погуляем нормально, короче. Еще раз – от души вам, пацаны!

Завернув джинсы в газету, Андрей сразу же, как был в домашних тапочках, отправился к местному барыге.

Ровшан, толстый узбек с волосатыми, как у обезьяны, руками и бритой головой, в засаленной тубетейке, числился сторожем местного магазина и большую часть времени проводил там же, в пристройках

внутреннего двора. Азиатская овчарка, лежащая у ограды, своим чудовищным видом отбивала всякое желание проявить любопытство к владениям сторожа. Ровшан скупал и продавал все, что так или иначе подлежало денежной конвертации. В районе его знали все, и репутация его в среде крадунов была незапятнанной. Он был хитер и прижимист, но честен. Единственное, от чего он держался подальше, так это от вещей, так или иначе связанных с убийством человека.

– Менты я не боюсь, – говорил Ровшан. – Менты тож кушать хочут. Ты о них не думай, это моя дело. Ты мне любой вещь принеси, хоть аптама, я буду посмотреть, а потом скажу тебе свой цена. Толко трупа вещь не принеси! Такой вещь не надо мне... Аллах карает потом.

При этих словах он умывал руками лицо и бормотал: «Бисмилла рахмон рахим...»

Глава 24

Этой ночью в беседке находились трое: Андрей, Шухрат и Доктор. Рядом стоял ящик с бутылками жигулевского пива, и, откупорив одну, я примостился рядом. Чувствовалось, что до моего появления здесь велся оживленный разговор.

– Ровшан только девяносто дал за штаны. Размер, говорит, подростковый. Вот, пива в нагрузку взял у него... – сказал Андрей, обращаясь ко мне, и как будто отчитываясь. Мне стало немного не по себе, и я уже хотел было высказаться по этому поводу, однако Андрей опередил меня: – Мы тут с пацанами посоветовались и решили: завтра я с домашними день рождения отмечу, а послезавтра можно будет поехать в Чу, за шамалью. Ты вроде хотел со мной. Или как? – Андрей был очень серьезен. Шухрат с Доктором тоже имели какой-то озабоченный вид.

– Конечно, поеду, Андрюха! – Мой голос выдавал волнение от резко нахлынувших чувств.

Счастливая улыбка невольно рвалась наружу, растягивая лицевые мышцы, ведь это были самые лучшие слова, которые я только слышал от Андрея. Взвешивая каждое слово, Шухрат начал охлаждать мой первый порыв:

– Послушай, малой! Дело это очень рискованное и ответственное. Никакой самостоятельной инициативы от тебя исходить не должно. Если в какой-то момент тебе станет что-либо непонятным, интересуйся сразу же у Андрея и не напрягай мозг на домысливание. Все, что он тебе скажет, исполняй внимательно и ответственно. Избегай любых, даже самых невинных, разговоров с посторонними людьми и помни, что по возрасту ты неподсуден. – Шухрат говорил это так, будто отправлял меня на войну.

– Здесь никому ничего не рассказывай, – вставил Доктор.

– Да у меня и нет никого, кроме Марсика, – ответил я, обращаясь к Андрею и рассчитывая на его понимание.

– Татарину можешь сказать, – чуть поразмыслив, ответил тот, и это меня несколько успокоило.

Марсику я полностью доверял. Атмосфера вечера была какой-то натянутой, будто прощальной, и вскоре все начали разбредаться по домам, прихватив с собой оставшееся пиво. Я тоже взял бутылочку для деда, и, когда мы остановились с Андреем у его подъезда, из меня рвалось наружу огромное количество вопросов.

– По ходу все увидишь, – прервал поток моих мыслей немногословный Андрюха.

Да уж... Никогда не знаешь, что будет делать этот человек в следующую минуту.

Дед не спал, читая свою желтую от никотина книгу, и, увидев бутылку «Жигулевского» перед носом, заметно оживился. Притащив с балкона скрученный рулетом старый матрац, с дедовским драповым пальто вместо подушки, я расстелил его на полу и включил телевизор. Время было позднее, и на экране скользили по льду фигуристы, а я пытался понять, почему мама запрещала мне смотреть это.

– Дед. Я послезавтра уеду на пару дней. Марсик пока будет тебе помогать, – сказал я, обращаясь к ветерану, который за эти дни стал для меня по-своему родным.

– Татарин-то? – Дед внимательно уставился на меня из-под очков.

– Да, татарин. Он все знает, и я завтра поговорю с ним, – ответил я.

– Ну, ты ведь вернешься? – с волнением в голосе спросил он, и я был благодарен ему за то, что не задавал мне лишних вопросов.

– Конечно, вернусь, дед. Куда я денусь...

Я выключил телевизор и долго лежал в тишине, с упоением воображая предстоящую поездку. На телевизоре стоял старенький фото-портрет, на котором красовался молодой и бравый дед в гимнастерке и с пилоткой на затылке.

– Ты кем на фронте был, дед? – спросил я.

– Солдатом, – буркнул он, не отрываясь от книги.

Хм... вообще-то я имел в виду род войск, но переспрашивать не стал. Солдатом так солдатом. Сегодня у Страны появились новые герои, новой войны... Они молоды, близки и понятны всем, словно мальчишки с соседнего двора. Кому теперь нужны старики...

Глава 25

Утром следующего дня я рассказал Марсику о предстоящей поездке в Чуйскую долину и впервые заметил, как погрузился мой закадычный друг. Без сомнения, ему тоже хотелось отправиться с нами в это авантюрное путешествие, но его свобода в отличие от моей была ограничена социальными рамками.

После кратких и немудреных инструкций по уходу за дедом на период моего отсутствия мы выбрались на улицу и направились на пляж, поскольку жара к этому времени суток уже начинала плавить асфальт. Потом появился Андрей, который хорошо знал, где нас искать, и вторым мы отправились по магазинам. В «Спортоварах» купили два рюкзака средних размеров, пару складных туристических ножей, термос, фонарик и еще кое-какую мелочь. Зашли в продуктовый и купили торт, бутылку «Пшеничной» и разную закуску. Оставив рюкзаки у деда, мы отправились к Андрею домой, где тетя Наташа уже приготовила пельмени, салат и накрыла стол. Так, впятером, включая младшего брата Андрея Антоху, мы отмечали восемнадцатилетие нашего старшего товарища. Взрослые пили водку, а мы запивали кремовый торт лимонадом, и это было похоже на какой-то маленький семейный праздник. Вскоре слегка захмелевшая тетя Наташа начала интересоваться у меня, насколько мне удобно жить с дедом-инвалидом, и в итоге пришла к мысли, что я вполне мог бы перебраться жить к ним. Все эти разговоры о возможном опекунстве действовали на меня удручающе, и я очень быстро заскучал. Для матери Андрея я был еще ребенком, который должен учиться в школе и делать все, что положено детям моего возраста, но если бы она только могла понимать, каким взрослым и далеким от всего этого я воспринимал в то время себя сам...

Старенький проигрыватель «Рекорд» гонял пластинку с песнями Высоцкого, и, вспоминая об этом сейчас, я ловлю себя на мысли, что, возможно, когда-нибудь расскажу о короткой как миг встрече с этим удивительным человеком и, безусловно, Великим Поэтом своего времени. Ближе к вечеру мы с Марсиком собрались уходить, и Андрей, выйдя вслед за нами на лестничную площадку, сказал мне, что рано утром зайдет за мной. Предстояла серьезная поездка, перед которой следовало хорошенько отдохнуть. До захода солнца мы с татаринком еще послонялись по дворам и закоулкам без определенных целей и с наступлением темноты разошлись по домам. Дед смотрел какой-то военный фильм и, разместившись на своем лежаке, я тоже включился в этот унылый процесс, откуда сон не сморил меня окончательно. За время моего двухлетнего мытарства в среде беспризорников у меня

выработалась странная привычка, которая сохранилась и по сей день. Для пробуждения ото сна меня совершенно не надо будить. Стоит лишь спокойно произнести мое имя, и я открываю глаза. Так же я чутко слышу все, что происходит вокруг меня, и пробуждаюсь от малейшего шороха. Приблизиться ко мне спящему незаметно для меня просто невозможно, при этом чем тише и осторожнее крадется человек, тем острее я это чувствую во сне. Зная за собой эту особенность, я был немало удивлен, когда легкий толчок в плечо разбудил меня. Не помню, когда последний раз засыпал таким крепким сном. Андрей сидел на корточках возле меня, и рядом с ним стояли наши рюкзаки.

– Пора! Я в машине жду. Давай бегом! – сказал он шепотом и, мягко ступая, вышел из квартиры, прихватив рюкзаки.

Утреннее солнце только-только начинало запускать свои лучи-щупальца в квартиру. Я вскочил на ноги, быстро оделся и умылся в ванной холодной водой, почистив наскоро зубы. Войдя в комнату, я огляделся: ковыряться с постелью не было смысла, Марсик все приберет. Дед лежал на спине, легко посапывая во сне. Вытянувшись по струнке, он и сейчас выглядел строевым солдатом. Осторожно открыв входную дверь, я переступил порог квартиры, еще не зная, что никогда больше мне не суждено будет вернуться сюда. Прощай, дед! Прощай, старый солдат!

Такси стояло за углом дома, и я плюхнулся на задний диван «ГАЗ-21», рядом с рюкзаками.

– Там пирожки мамкины, – кивнул мне Андрей на бумажный пакет.

По утрам мне совершенно не хочется есть, и, помотав головой, я закурил сигарету.

Такси тронулось, увозя меня навсегда из этого двора, этого района, этого города, и, пожалуй, единственное значимое воспоминание о тех годах, сознательно опущенное мной, – это встреча с отцом. Он освободился и разыскал меня. Мы прожили с ним у одного из его друзей по лагерю около трех дней. Будучи родом из Рязани, отец собирался туда, желая забрать с собой и меня. Были уже куплены билеты на самолет, и подошел автобус, едущий в аэропорт, однако я не сел в него и остался стоять на остановке. Отец уехал один. Трех дней нам хватило, чтобы понять, насколько мы чужие друг другу. Биологически он мой отец, и я не вправе судить о нем.

Ташкентский вокзал, несмотря на ранний час, встретил нас огромными очередями у касс, и почти до самого обеда мы обливались потом в этой плотно стоящей толпе без пяти минут пассажиров. Хорошее было время. Никаких документов не требовалось даже для авиаперелетов. Деньги отдал – держи билет!

Пообедав в одном из многочисленных кафе, мы купили сыр, лепешки и несколько банок консервов, а литровый термос наполнили газированной водой из автомата. Поезд подходил только к вечеру, и я, оставив Андрея в зале ожидания, ушел в город, поскольку чувствовал себя на вокзале не очень уютно. Встреча с инспекторами в такой ответственный момент моей жизни была бы в высшей степени нелепой. В соседних с вокзалом дворах я поиграл с местными пацанами в кости и даже успел познакомиться с некоторыми из них. К приходу поезда я уже был на месте, и мы с Андрюхой заняли свои верхние места в плацкартной четырехместке. Соседями нашими оказались мать с дочкой, примерно одного со мной возраста. Она была очень смысленной и разговорчивой девочкой, с хорошим чувством юмора. Когда поезд тронулся, она легко и непринужденно вовлекла меня в разговор ни о чем. Помня об инструкции не разговаривать с посторонними людьми, я чувствовал себя крайне зажатым, и на вопрос моей юной соседки, куда мы едем, ответил предельно лаконичным, не предполагающим дальнейшего обсуждения тоном:

– Мы – туристы!

Наверное, наши рюкзаки навели меня на мысль о туристах. Да и что я должен был ей ответить? Андрей вообще не вступал в разговоры и молча листал газету на верхней полке. Мать девочки, типичная русская женщина с добрым лицом, предложила мне разделить с ними ужин – вареную курицу, однако я скромно отказался. Ближе к ночи наконец разместился наверху и я. Андрей уже спал, а мне думалось о том, что именно сейчас, в далеком кара-камышском дворе сидят и вспоминают о нас взрослые ребята. Дед наверняка уже допил купленное Марсиком пиво и читает свою желтую книгу.

– Спокойной ночи, дочка.

– Спокойной ночи, мама.

Голоса внизу прекратились, и под мерный перестук колес, вдыхая ни с чем не сравнимый запах вагона, я вспоминал, как однажды уже путешествовал на поезде, будучи совсем маленьким. Мы с мамой тогда ездили в Рязанскую область к родителям отца. Деревня, лес, ягоды, грибы и злющие комары – это все, что осталось в детской памяти. А сегодня я самостоятельно еду в поезде – думал я, погружаясь в царство Морфея. Я лежу на полке вагона, где абсолютно все предназначено для ВЗРОСЛЫХ людей. Со мной нет провожатых, потому что и сам я уже давно не ребенок. Я вырос. Я – ВЗРОСЛЫЙ... Спокойной ночи... мама...

Глава 26

Утром я проснулся от громкого топота шныряющих по вагону пассажиров. Состав стоял на какой-то станции. Андрея в купе не было, соседи же наши сидели за столиком, уныло разглядывая картину за окном. Спустившись вниз и вяло поздоровавшись с ними, я направился в туалет, который оказался закрытым. Выйдя в тамбур, я увидел через открытые двери вагона питьевой фонтанчик на станции и, спустившись вниз, ополоснул лицо теплой и солоноватой водой. Вокруг сновали люди в национальной одежде, по форме и орнаменту которой я понял, что находимся мы уже в Казахстане. Подошел Андрей, открывая на ходу только что купленные сигареты, и мы закурили. Несмотря на предобеденное время, чувствовалась совершенно иная температура воздуха. Если в Ташкенте была жара, то здесь стояло настоящее пекло, и воздух казался сухим, без намека на влажность. На примитивном здании вокзала красовалась вполне русская надпись: «Станция Луговое».

– Казахстан? – спросил я Андрея скорее для проформы.

– Он самый... – ответил тот. Было заметно, что настроение флегматичного Андрюхи стало приподнятым, и в огромных глазах его чувствовался азарт. Объявили отправление.

– Надо пообедать хорошенько, – сказал Андрей, и, как только поезд тронулся, мы не спеша отправились в сторону вагона-ресторана.

Мне совсем не хотелось есть, и, похлебав немного харчо, я ограничился полным стаканом сметаны с сахаром, которую очень любил. Андрей, с недовольством глядя на меня, кушал все подряд. С момента отправления от станции Луговое Андрей стал регулярно посматривать на часы. Покончив с обедом, мы двинулись в обратный путь, преодолевая узкие коридоры вагонов, пока наконец не остановились в тамбуре нашего. Здесь мы закурили. За окном простиралось безграничное пространство однообразно песочного цвета. Это была настоящая пустыня. Изредка мелькали одинокие всадники, величественные верблюды и небольшие стада баранов. Как замороженно смотрел Андрей на этот унылый пейзаж! Чувство это передалось и мне, когда обернувшись от окна, он вдруг сказал:

– По Чуйской долине едем!

Вон оно как... Уснул, проснулся, и ты уже ЗДЕСЬ. Я смотрел на проплывающий мимо бескрайний песчаный ландшафт, без единого намека на зелень, и машинально думал над тем, что же потребляют в пищу виденные мной бараны и верблюды.

– Сейчас заходишь в купе, забираешь оба рюкзака, прощаешься со своей подружкой, говоришь ей, что мы переезжаем в другой вагон, и возвращаешься сюда. Давай, вперед! – вдруг сказал мне Андрей, в очередной раз взглянув на часы.

Через несколько минут я уже стоял возле него с рюкзаками, не совсем понимая, зачем было говорить соседям о смене вагона, но от вопросов воздерживался. Так или иначе, вскоре все станет понятным, ведь Андрей знает, что делать, а от меня требуется лишь четкое исполнение его воли. Еще какое-то время мы стояли в тамбуре, и Андрей теперь уже буквально впился взглядом в бескрайний горизонт проплывающей мимо пустыни, словно пытался увидеть что-то важное и значимое. Чувствовалось в нем возросшее напряжение, он не переставая поглядывал на часы. Казалось, будто Андрей совершенно забыл обо всем вокруг. Я пытался вглядываться туда, куда был устремлен его взгляд, но зацепиться было не за что. Плоская пустыня. Наконец Андрюха встрепенулся:

– Все! Надевай рюкзак!

Я последовал его совету, и мы оба перекинули рюкзаки за спину. Вытащив из моего непонятно откуда взявшиеся плоскогубцы, Андрей быстрым и привычным движением открыл входную дверь, и тамбур тут же наполнился шумом. На какое-то мгновение я опешил. Поезд шел полным ходом... Что же намеревался делать Андрей? Пока я боролся со страхом, смешанным с любопытством, Андрей схватил рукоятку опломбированного стоп-крана, под которым было написано «НЕ СРЫВАТЬ! ШТРАФ – 100 р.», и с силой рванул ее вниз. Пломба на тонкой проволоке сорвалась с петли и отлетела к стене, и почти сразу же раздался страшный, забивающий перепонки свист выходящего под огромным давлением воздуха. Шум хоть и исходил из-под днища вагона, но был таким мощным, что меня охватила настоящая паника. Андрей застыл возле лестницы, глядя вниз, где мелькали змеями соседние рельсы. Мне казалось, что этот свист слышен всем пассажирам поезда, и я крутил головой, ожидая, что кто-нибудь сейчас войдет в тамбур либо с левой стороны, либо с правой. Поезд дергался, как припадочный, по-сле каждого рывка заметно теряя скорость. Сколько времени прошло, не могу сказать даже сейчас, но в какой-то миг поезд снизил скорость настолько, что можно было прыгать.

– Быстро за мной! – крикнул Андрей и прыгнул вниз.

Я последовал за ним, и, приземлившись, слегка ободрал ладони о гравий. Поднявшись на ноги, я по инерции обернулся. Из окна медленно проплывающего мимо меня вагона с широко раскрытыми глазами и ироничной улыбкой на губах на меня смотрела юная соседка по купе.

– Бежим! – крикнул Андрюха и устремился в глубь пустыни, увлекая меня за собой.

Нам в спину смотрели десятки пассажирских глаз, однако этот бег был для меня избавлением от панического состояния.

Рюкзаки бились о наши спины, а мы все бежали и бежали, не оглядываясь назад. Никогда раньше мне не приходилось визуально оценивать пройденное расстояние на такой открытой территории, как пустыня, и, когда мы наконец остановились, я увидел позади поезд в образе маленькой зеленой змейки, лежащий как на ладони от первого до последнего вагона. Состав стоял как вкопанный, и расстояние было таким, что разглядеть людей было невозможно, при этом сохранялось чувство, что нас из поезда по-прежнему отлично видно. Там наверняка сейчас творился ажиотаж и выяснялись причины настоящего ЧП. Неспешным шагом мы прошли еще какое-то расстояние, пока наш состав тронулся и, медленно набирая ход, скрылся из виду. С этого момента я начал ощущать бескрайнюю территорию Чуйской долины, той самой Волшебной долины, куда я так грезил попасть и по которой сейчас ступали мои обутые в футбольные бутсы ноги. Вокруг, насколько позволяло зрение, не наблюдалось никакого движения. Ни людей, ни строений и, главное, никакой зелени. Сухая, местами в белых солевых трещинах земля и огромное, не оставляющее теней, безжалостно палящее солнце над головой. Самым же удивительным было отсутствие тишины. Пустыня была наполнена каким-то неясным шумом и буквально кричала, отчего было чувство, что она – живая.

Вскоре перед нами возник глубокий, метра три на три, овраг, который пересекал долину вдоль линии железного полотна. Там, на дне, протекал ручей шириной полметра и глубиной не больше пятнадцати сантиметров. Как потом я узнал, на карте он обозначен как река Аспара, и, судя по глубине оврага, когда-то она действительно была более полноводной. Переступив одним шагом эту реку, мы взобрались по насыпи вверх и присели у кромки. Андрей сорвал какой-то сухой стебель, одиноко торчащий из земли, и принялся растирать его в ладонях.

– Щас курнем, и дальше станет веселее идти. – Он наконец впервые за последние дни улыбался. Мне не верилось.

– Это шмаль? – не скрывая удивления, спросил я.

– Конечно, малой! Здесь больше ничего не растет.

Андрюха уже забивал мастырку, и вскоре знакомый запах конопли вовлек нас в процесс и окунул в атмосферу, знакомую лишь травоядным персонажам.

– Прикинь, девчонка глазела на нас из окна с обалделым видом, когда мы выпрыгнули. Я ведь ей сказал, что мы – туристы, – прыснул я.

– Туристы-анашисты, – смеялся Андрюха в унисон.

Посидели. Закурили по сигарете.

– Ну как? – спросил Андрей.

– Нормально. Накрывает, – отвечал я удовлетворенно.

– Не Кабулова бомба, конечно, но тоже хороша.

Старший товарищ смотрел на меня, затягиваясь сигаретой и щурясь от дыма.

– Так вы все знали? – спросил я его, слегка удивившись и почему-то подумав о Марсике. – А ты думал, что стрельба среди ночи может остаться незамеченной в нашем районе? – вопросом же ответил мне Андрей.

Действительно. Как я об этом не задумался ни разу?

– Там и менты интерес проявляли, да Кабул сам же им тень на плетень навел. Рисковали вы, однако, – уже серьезным тоном закончил он, давая понять, что тема исчерпана. Надо было вставать и продолжать путь.

Глава 27

Мы шли молча, каждый погружившись в свои мысли. Алкалоиды каннабиса делали свое дело, и я ни разу не задался вопросом, куда и как долго еще нам идти. Шел на автопилоте, и рядом со мной шагал человек, не терпящий вопросов со стороны. Сейчас бы, видя перед собой бескрайнюю и абсолютно сухую почву, я бы поневоле усомнился в реальности настоящих плантаций зеленой растительности на этой мертвой земле. Но на тот момент я полностью утратил чувство критического анализа и целиком положился на Андрея. Каждое мгновение, проведенное рядом с этим человеком, могло сулить мне неожиданные сюрпризы, и еще какой-то час назад я даже не предполагал, что буду прыгать с поезда в самом центре безжизненной, мертвой пустыни. Время остановилось для меня, и лишь солнце с каждым шагом напоминало о себе как о Полновластном Хозяине момента. Пекло было таким страшным, что кожа не выделяла пот. Хотя возможно, что влага испарялась, еще не успев выступить из пор. Мы были без головных уборов, однако накуренные мозги не чувствовали тяжести жары, и первыми потяжелели наши рюкзаки. Вдалеке показались мачты высоковольтных столбов, и, добравшись до них, мы устроили передышку. На всю жизнь запомнил я этот жутковатый электрический треск в проводах над головой. Напряжение в десятки тысяч вольт поступало в Азию, проходя транзитом через сердце Чуйской долины, и мачты были здесь единственным признаком человеческой цивили-

зации. Андрей не мог знать, что я боюсь электричества больше, чем работников МВД, и потому разместился на перекур прямо под одной из мачт. Мне ничего не оставалось, как пристроиться рядом, и, должен сказать, это было для меня серьезным испытанием.

– Половину пути прошли, – сказал Андрей, и я невольно начал всматриваться в даль, следуя курсу, которым мы двигались.

Там далеко, сливаясь с горизонтом, возвышались барханы, и это было единственным объектом, за который мог зацепиться взгляд на этой предельно плоской местности. Пекло начинало чувствоваться сильнее, силы утекали, пить хотелось нестерпимо. Курить шмаль в таком месте означало сознательно обречь себя на мучительную жажду, но разве мы могли отказать себе в этом удовольствии? К тому же в моем рюкзаке лежал термос с целым литром газированной воды.

– Давай попьем, – сказал Андрей, и я полез за термосом, чья неведомость сразу же пронзила мой мозг неприятной иглой. Вчера вечером на вокзале в Ташкенте я закрутил плотно крышку наполненного доверху термоса, но каким-то чудовищно непонятным образом жидкости там было на пару глотков. Тревога в глазах безмолвного Андрея, мгновенно передалась мне. Никаких вопросов. Никаких лишних слов. Молча выпили поровну что было, поднялись и двинулись дальше. По мере приближения к барханам, стала проступать черная полоса у их подножия, и через какое-то время там же начала бликовать на солнце поверхность некоего объекта. Вскоре еще по одному такому же объекту показались слева и справа от того, на который мы держали курс. Три этих объекта располагались по одной линии на расстоянии нескольких сот метров друг от друга.

– Три Колодца, – словно угадывая мое любопытство, сказал Андрей. Поначалу я понял это буквально, но это была лишь метафора, слова из известной тогда песни ансамбля «Ялла» «Учкудук». Постепенно блики преобразовались в крыши трех одинаковых строений, то ли овинов, то ли барачков метров по десять в длину, но самым впечатляющим было то, что их окружала и соединяла между собой длинная гряда зеленой растительности.

– Вот они, плантации! – с чувством восторга провел рукой по линии горизонта Андрюха.

С замиранием духа я смотрел на этот зеленый лес, внезапно возникший среди пустыни, словно по воле какого-нибудь обкуренного волшебника. Сотни, а может и тысячи, гектаров конопли росли себе, как ни в чем не бывало, вдали от человеческих глаз, и такого зрелища ни мне, ни моим современникам уже не увидеть никогда в жизни. Это

было целое море шмали. Овин-барак имел посередине широкий вход без дверей и походил на постройку для скота. Внутри было пусто и мрачно от непривычной тени. Выложив из рюкзаков продукты и мелкие вещи, мы сразу же вошли в дебри плантации. Елки конопли скрывали нас с головой, росли очень плотно и были двух цветов: светло-зеленые и темно-зеленые.

– Какой сорт собирать? – спросил я Андрея, который шуршал где-то рядом, но не был мне виден.

– По идее она здесь вся кайфовая, но берись тогда уж за светлую, а я темную собирать буду. Дома проверим, есть разница или нет, – отозвался Андрей, и мы принялись срывать большие, душистые и липкие от пыльцы головки, отправляя их в повернутые на живот рюкзаки. Дело шло спорно, и вскоре мы уже сидели под навесом, а рядом с нами стояли набитые под завязку туристические мешки. Здесь на нас вдруг навалилась страшная усталость и мучительная жажда.

Андрей выглядел совершенно обессиленным и в какой-то момент произнес пересохшими губами:

– Нам надо дотемна выйти к железке, иначе в ночи собьемся и уйдем неизвестно куда. А ну, ладони покажи, – сказал он мне. Я показал руки, и, с грустью посмотрев на содранную кожу, Андрей продолжил:

– Ручник придется собирать мне одному, а ты тогда возвращайся к оврагу, потому что без воды нам никак не выжить. Возьми за ориентир одну из мачт ЛЭП и старайся не отклоняться от нее. Здесь каждый шаг в сторону может обойтись в лишние километры. Давай, малой, с Богом!

Андрюха страшно устал, как, собственно, и я. Мысль о походе за водой вызвала в моем воображении тяжелый путь по жаре, который отсюда, из тени овина, казался бесконечным, однако деваться некуда, надо идти. В углу я обнаружил пустую бутылку из-под вина, брошенную, скорее всего, плановыми как опустевшую от воды тару, и, взяв ее вместе с термосом, отправился в обратный путь. Ах, каким длинным кажется путь назад! Жажда, пекло, общая физическая усталость – все это разом навалилось на меня, едва я прошел каких-нибудь 100 метров. Я оказался один, и рядом не было человека, на которого мысленно я полагался. Остатки кайфа больше не доставляли удовольствия, а, наоборот, усиливали все, что причиняло дискомфорт. Очень скоро бутылка и термос стали невероятно тяжелы, и, прилагая немалые усилия, я зажал их под мышками. Очень быстрое обезвоживание депрессивно действовало на психику, и в какой-то момент я осознал, что медленно плетусь, наполненный чувством глубочайшего отчаяния, будто безвольный робот, лишенный возможно-

сти даже анализировать текущее состояние. Останавливаясь через короткие промежутки времени, я пытался ухватиться за какую-нибудь привычную и стабильную мысль, но явная невозможность этого тут же повергала меня в странную пустоту. Ни паники, ни страха я не испытывал, и мое состояние тогда можно выразить примерно как полное отупение. Оставшись один на один с пустыней, я наконец ощутил Абсолютное Одиночество. Мачты уже давно остались позади, но глаза не видели оврага, который, казалось, должен быть где-то рядом. Психологически это очень тяжелое состояние, когда не видишь цели впереди, но очень торопишься достичь ее. Неимоверным усилием воли я заставил себя сосредоточиться на мысли об Андрее, который сейчас собирает пластилин, иначе – мацанку или ручник. Это тяжелый и изнурительный труд, когда необходимо ладонями перетирать пыльцу с головок в маленькие катышки чистейшего гашиша. Он делает свое дело, а я должен делать свое. Мысль об этом сильном человеке ободрила меня, и уже до самого оврага я не выпускал ее из головы. Скатившись с кручи арыка, я припал к теплой, почти горячей воде с дикой жадностью. Вкус ее был отвратителен и отдавал болотной тиной. Несколько глотков, и организм начинал рефлекторно защищаться рвотными позывами. Попеременно поворачиваясь с боку на бок, я лежал в этом узком и мелком ручье, смачивая на себе всю одежду, и только после этого наполнил термос и бутылку. На обратном пути я вскоре ощутил ошибочность своих действий. Мокрая одежда высохла быстро, но это был мучительный до незабываемости процесс. Вода из ткани буквально выкипала на моем теле! Сравнить это можно лишь с тем, как человека на адской жаре окатили горячей водой.

Глава 28

Держа курс на выбранную мачту, имеющую несколько больший наклон, чем остальные, я наконец пересек ЛЭП, откуда уже виднелась черная полоса плантации и вскоре должны были появиться блестящие крыши овинов. Жажда вновь разгорелась со страшной силой, принеся с собой физическое утомление. Хотелось пить, однако я запретил себе думать об этом. Вот приду, напою прежде Андрюху, а потом уже сам. Наполненная водой тара была тяжела, я засунул ее за пазуху, в завязанную узлом рубашку, и от этого меня постоянно тянуло к земле. Какое-то время я брел по пустынной земле, опустив голову, и, когда посмотрел вперед, чтобы оценить оставшееся расстояние, вдруг остановился и обомлел. Впереди не было видно ни барханов, ни плантаций, ни овинов! Сплошная долина без начала и конца, куда ни глянь. Я обернулся назад. Косая мачта стояла прямо напротив меня, метрах в трех-

стах. Странно. Я шел совершенно верным курсом. Двинувшись дальше, я озирался по сторонам, пытаясь понять, что происходит, но уже через несколько шагов меня накрыла паника. В таких сложных условиях и потерять цель – это было уже сверх моих психических сил. Мысли лихорадочным потоком струились сквозь мое сознание, ни за что не цепляясь и погружая меня в состояние нереальности происходящего. Ноги машинально несли меня вперед, и мной целиком овладел какой-то странный ужас, не поддающийся осмыслению. Очень редкие и даже уникальные чувства, надо сегодня признать. Пройдя в таком состоянии метров двести, я вдруг заметил, что кромка видимого горизонта стала опускаться, открывая моему взору сначала барханы, а затем и зеленку. А вон и крыша овина! Только теперь я понял, что попал в невидимую на большой открытой местности низину. Теперь мне стало смешно от наивного представления о зеркальной глади земли. Весь пережитый ужас разом пропал, и я, удовлетворенный, устало опустился на землю.

Радость моя была недолгой, поскольку уже в следующий миг я увидел черную точку, которая отделилась от овина и двинулась сначала влево, а затем взяла курс в мою сторону. Надо сказать, пережитые только что чувства были столь сильны, что теперь я хоть и был заинтригован, однако воспринимал все происходящее довольно ровно. В конце концов, это были ЛЮДИ. Точка приближалась ко мне с завидной скоростью, и уже вскоре я понял, что это машина. Мой мозг еще не успел войти в нормальный режим после всего пережитого, и я почему-то вспомнил о лежащем в кармане брюк перочинном ноже, купленном позавчера в магазине спорттоваров. Непонятно зачем, я достал его и присыпал песком рядом с тем местом, где сидел скрестив под собой ноги. Бортовой «ГАЗ-51» подъехал и остановился в пяти метрах от меня. В кабине, кроме водителя, никого не было, а вот на открытом кузове сидели трое молодых, коротко стриженных казаха, одетых в одинаковые темно-синие х/б трико, такие же футболки и китайские кеды. Все они были удивительно похожи друг на друга. Как только машина остановилась, один из них направил на меня ствол ружья и крикнул строгим тоном:

– Сиди, как сидишь! Застрелю!

Остальные двое прыгнули на землю, и один из них сказал тому, что с ружьем:

– Да это же мальчишка! Ребенок совсем! Ты че здесь делаешь? – спросил он.

– Местный я, – вырвалось у меня. При этом вид мой был как бы безразлично серьезным. Приехавшие покатались со смеху. Действительно, какой же местный, если вокруг ни одного населенного пункта

на многие километры. Вспоминаю и улыбаюсь тому, как могла тогда в моем воспаленном мозге родиться эта нелепая фраза. Второй из подошедших нагнулся и вытащил из песка мой ножик.

– Зачем прячешь-то? – спросил больше для проформы, и только теперь я заметил, что на его груди висит большой и мощный бинокль.

– Вставай, местный. Поехали.

Они подняли меня с земли, как пушинку, и затащили в кузов.

– Воду дайте! – закричал я. Мне подали термос и бутылку, оба казаха залезли в кузов, и мы тронулись к овину. – Кто вы такие? – спросил я.

– Милиция мы, – ответил кто-то.

Понятно. Можно было и не спрашивать. Хотя это были единственные на моей памяти менты, которые вели себя совершенно беззлобно по отношению ко мне во время операции. Да и вид мой со стороны расходился с моим собственным представлением о взрослости, это теперь уже очевидно. Казахи говорили на чистом русском языке, как не умеют говорить узбеки.

– Сколько лет тебе? – спросил один из них.

– Четырнадцать скоро будет, – ответил я с умным видом.

– Смотри, совсем ребенка приволок сюда, ублюдок! – сказал кто-то, и эти слова явно прозвучали в адрес Андрюхи.

Тем временем машина подъехала к овину, и оттуда двое таких же казахов вывели Андрея со связанными за спиной руками. После того как его загрузили на борт, один вернулся и принес наши рюкзаки, бросив их рядом с нами. Андрей выглядел необычно, словно тяжело заболевший вдруг человек. От него исходила какая-то неведомая мне ранее усталость, очень похожая на безволие.

– Дай пить! – прохрипел он, и я тут же прижал горлышко бутылки к его растрескавшимся губам. Пил он жадно и долго, пока не осушил полностью.

Бросив за борт пустую бутылку, я поднес к нему термос, но Андрей уже напился и помотал головой. Теперь я сам начал пить, но больше двух глотков в меня не полезло. Переведя дух, Андрей повернулся ко мне и, виновато глядя в глаза, сказал:

– Прости, малой. Это я сказал им, что ты там. Без меня ты не сможешь выбраться отсюда и погибнешь. Тебе ничего не будет. – Он говорил это так проникновенно, что у меня невольно защемило сердце.

– Да ладно, Андрюха, нормально все, – сказал я в ответ, слегка потупившись.

Машина подъезжала к дальнему от нас овину, третьему по курсу, так как останавливались мы с Андреем в среднем. Метров за 50 до

строения с его крыши сорвалась стая каких-то больших птиц, и сидящий над кабиной крикнул водителю:

– Видал?! Пусто! Разворачивай!

«ГАЗ» на ходу развернулся, и мы поехали в обратном направлении. Вон оно как, оказывается!

– У нас на крыше птиц не было? – спросил я одного мента.

– Откуда им там быть, если он сидит внутри? – засмеялся тот, кивнув головой в сторону Андрюхи.

– Развяжите его, пожалуйста. Куда бежать-то в пустыне, – попросил я их.

Переглянувшись, они все-таки освободили руки Андрея от кожного ремня. Ехали молча. Я размышлял о словах Андрея, и только теперь задумался о том, что совершенно не знал, каким же образом мы должны были возвращаться назад. Выйти из поезда, сорвав стоп-кран, – это одно дело, и с этим все предельно ясно. А сесть в поезд посреди пустыни? Это ведь не такси, в конце концов. О способе возвращения я узнаю позднее, в Джамбуле, от понимающих людей, но думаю, что, рассказав об этом сейчас, не нарушу общего хода своего повествования.

Глава 29

Мы находились в районе Чуйской долины под названием Аспара, где железная дорога разделяется на разные направления. По обыкновению, в подобных местах установлены семафоры, которые и использовались в те годы туристы, вроде нас с Андрюхой, и выглядело это так. Затемно, с полными рюкзаками шмали, следовало подойти к семафору и дождаться проходящего мимо товарного состава. Сам семафор питался от напряжения в 12 вольт, и большую часть времени на нем горел красный сигнал. Исходящие от него провода были очищены от изоляции множеством разных рук, и надо было лишь замкнуть их любым железным предметом, чтобы красный сигнал сменился на зеленый. В лексиконе плановых этот процесс назывался «коротить семафор». Машинист, видя красный сигнал, начинал торможение, и, когда скорость состава падала до такой степени, что можно было зацепиться за вагон, семафор размыкали, загорался зеленый, и машинист вновь набирал ход. За это время «ботаники», как называли нашего брата казахские менты, успевали забросить рюкзаки в один вагон и залезть в другой, чтобы в случае чего быть в стороне от «фактов», и путь продолжался до станции Луговое. Подъезжая к ней, машинист связывался по радиосвязи с диспетчером и докладывал о срабатывании красного сигнала Аспаринского семафора. Диспетчер в свою очередь сообщал транспортным

ментам, и те встречали состав с собаками. Время для стоянок товарняков было минимальным, от силы по десять минут, и обыскать весь состав в такой короткий промежуток было нереально. Кого-то брали, кто-то проскакивал, но это была реальность такой заведомо рискованной затеи. Проехав как можно дальше от грозящего облавами места, можно было выходить на какой-нибудь маленькой станции, брать билет и садиться уже в пассажирский поезд, следующий домой.

Вот такой обратный путь предстоял нам с Андреем, но судьба распорядилась иначе, и теперь мы тряслись на борту грузовика в окружении пяти молодых ментов. Как выяснилось в процессе, это были курсанты школы милиции, то ли из Джамбула, то ли из самой Алма-Аты, командированные сюда для прохождения практики во время каникул. Этакая закалка боевым опытом. Молодые, образованные и принципиальные, они пока еще были наполнены романтизмом выбранной службы, и договориться с ними о каком-либо компромиссе было нереально. Мы с Андрюхой были для них охотничим трофеем, а какой охотник отпустит пойманную дичь... Спустя время «ГАЗ» выехал на безлюдную трассу, и вскоре мимо нас начали проплывать первые признаки цивилизации в виде жилых строений, автомобилей, людей, животных...

Пост ДПС, у которого мы остановились, являл собой типичный на трассах Союза скворечник. Нас с Андрюхой завели внутрь, где пожилой майор в засаленной на локтях и коленях форме привычно и непринужденно заговорил с нашими конвойными. Казахский язык отличается от узбекского примерно как украинский от русского, поэтому проблем с пониманием у меня не возникло.

– Только двое? – спросил майор одного из курсантов, видимо, старшего группы.

– Был еще один. Местный. Полную коляску вез на мотоцикле, – ответил ему молодой.

– Что с ним дальше было? – улыбнулся майор.

– Траву заставили вытряхнуть, облить бензином и сжечь. Что-то пытался рассказывать нам, бубнил, плевался – в итоге сжег все до последней шишки. Отпустили, – улыбался курсант, и, удовлетворенно кивнув в ответ, майор протянул ему бланки протоколов.

Мы присели на полу в уголке, а курсанты принялись записывать наши данные и оформлять какие-то бумаги. Когда после формальных процедур нас оставили в покое, я повернулся к Андрею:

– Прикинь, они местного отпустили с целой мотоколяской шмали. – Я смотрел на реакцию старшего друга и, кроме странной апатии к окружающему, ничего не наблюдал.

Андрей изменился до неузнаваемости. Позднее мне не раз приходилось наблюдать, как люди переживают неудачи, замыкаясь в себе и впадая в состояние анабиоза. Андрей совсем был плох и пассивен. Живой огонь в его глазах как-то сразу потух, а врожденная немногословность превратилась в абсолютное безмолвие. Уходя за водой, я оставил в овине одного Андрюху, а в грузовике увидел совершенно другого. Наш арест я в силу возраста переживал, лишь наблюдая за внезапной надломленностью Андрея, что весьма удручало меня.

– Сколько у нас денег есть? – спросил я его.

По-прежнему молча Андрюха вытащил из кармана смятые купюры. Две десятки и две банкноты по одному рублю. Двадцать два рубля. Не густо. Двое курсантов еще что-то писали за столом, когда майор вышел покурить в открытую настежь дверь. Я встал и вышел вместе с ним.

– Командир! У нас деньги есть. Может, договоримся? – взял я быка за рога.

– Сколько? – почти мгновенно спросил старый мент, глядя в небо и выдыхая дым сигареты.

– Полтинник! – недолго думая выпалил я.

– Не пойдет. Мало, – так же, не глядя на меня, ответил майор. Он не смеялся. Не иронизировал. Думал конкретно и говорил по-деловому кратко.

– Тогда отпусти меня одного. Трех дней мне хватит, чтобы привезти из Ташкента деньги и забрать его. – Я кивнул в сторону Андрея, сидящего на полу в неподвижной позе. – Скажи, сколько надо привезти? – говорил я с волнением.

Мне казалось, что майор сейчас задумается и назовет мне сумму, однако наивность моя тут же была разрушена его ответом.

– Нет-нет! Все! Какой Ташкент! Я не могу. Вас курсанты взяли, а с ними разговаривать бесполезно. – Мент натянул на себя маску неприступности.

– Местного же отпустили, – сказал я, вопросительно глядя в его глаза.

– Ну, ты сравнил! На то он и местный! – с непонятным для меня ударением на последнем слове сказал майор и, растерев окурочку подошвой, направился внутрь.

На ходу я шепотом пытался обратить его внимание на то, что мы залетные и никто никогда не узнает, что мы были здесь, но старый мент уже потерял ко мне интерес. Вскоре приехали другие менты, на служебной машине и в форме, сковали нас с Андрюхой одними наручниками.

ками и повезли в КПЗ, расположенное в поселке городского типа под названием Мерке, в сорока минутах езды по трассе.

Глава 30

КПЗ, куда нас привезли, располагалось в одном здании с отделением милиции. В дежурной части, перегородженной большим стеклом, нас приняли местные менты и, с восхищением глядя на полные рюкзаки, беззлобно шутили:

– Ну что ж, ботаники из дружественного Узбекистана... Добро пожаловать в Казахскую Советскую Социалистическую Республику!

Здесь нас тщательно обыскали, отобрав шнурки. Деньги оставили. Из зарешеченной двери напротив на нас глядели какие-то люди, явно арестанты, и один из них говорил в глубь камеры:

– Ребятишек привезли ташкентских, с двумя рюкзаками дури. В Долине хапнули. Эх, не повезло... Бедолаги...

После обыска нас закрыли в это же помещение, которое все называли «телевизором». Им оказалась совершенно пустая камера, три на два метра, с деревянными полами, выкрашенными в зеленую краску глухими стенами и тусклой, забранной мелкой сеткой лампочкой под потолком. Вместо двери – решетка. На полу сидели и полулежали несколько человек, разглядеть которых в этом темном помещении мне хорошенько так и не удалось. Вообще, после того как решетка закрылась за нами, я начал воспринимать действительность в черно-белом цвете и в каком-то ирреальном измерении. Время потянулось, будто фильм в замедленной съемке. Прошли вглубь, сели у стены. Поздоровались с окружающими. Никаких расспросов. Гнетущая тишина. Оказывается, этот «телевизор» – как карантин, долго здесь не держат. Дальше по коридору есть камеры, куда переводят тех, кому подписана санкция на арест, и откуда не позднее чем через десять дней этапируют в Джамбульский СИЗО. Сегодня суббота. Значит, до понедельника мы будем сидеть в этой душегубке, пока нами не займутся следователи.

Кроме уголовных преступников сюда закрывали и пьяных, доставляемых из поселка, и держали до полного вытрезвления. Наутро пьяный платил штраф – 10 рэ, и его выгоняли. Если с собой денег не было, за ним могли приехать знакомые и, заплатив червонец дежурным ментам, забрать своего алкаша, если же приехать некому и денег нет, составлялся протокол, и штраф приходил уже после, по месту работы. Из пяти человек, находившихся здесь, все тут (а было их человек пять) были в разной стадии опьянения. Кроме одного. Единственным трезвым узником был старый, лет шестидесяти пяти, бородатый бабай в

национальном халате и тюбетейке. Вид его был суров, и, прикрыв узкие глаза, он молча сидел в углу, перебирая четки. Андрей будто потерял дар речи. Время тянулось. Пьяные кричали и требовали то воды, то на оправку. В туалет выводили всех сразу, он располагался во внутреннем дворе и был летнего типа. Над головой сетка. В двух шагах рвется с цепи огромный кавказец. Умывальник тут же. Вечерело. Дышать тяжело. Андрей затих. Сквозь полудрему раздается крик:

– Старшой! Домой пойдём?

– Сиди до утра! Пьян еще, – вяло отвечают из дежурки.

– Да проспался уже, старшой! Слышь, там матушка больная дома одна, ей лекарство некому подать. Отпусти сейчас, будь человеком, – проникновенно просит человек.

Ему на вид лет двадцать пять, и язык подвешен как у бывалого. Он только проснулся, и еще не до конца трезв, однако и пьяным его назвать нельзя.

– Червонец есть? – наконец звучит вопрос из дежурки.

– С собой нету, старшой, но я живу здесь в двух шагах! Десять минут не пройдет как принесу! – убеждает человек.

– Знаем мы вас! Сиди до утра... – прекращает разговор старшой.

Человек повернулся и, оглядывая камеру, сказал:

– Братва, дайте десятку, у кого есть! Выручите по-братски. До хаты дойду, лекарства матушке дам и принесу. Заодно курить и пожрать че-нибудь захвачу сюда вам.

В его голосе было столько пронзительности, что я проникся к нему доверием. Никто не откликнулся на его просьбу. Тени людей сидели и лежали, не видя глаз друг друга, в темноте и духоте. Здесь совершенно не чувствовалось жизни. Еще на посту ДПС Андрей дал мне половину имеющихся у нас денег, и эти 11 рублей лежали сейчас у меня в кармане. Вытащив десятку, я протянул ее человеку.

– Братишка, бля буду, через полчаса от силы я буду здесь! Дай бог тебе удачи, дорогой! Старшой! Вот червонец, открывай! – человек из убитого горем вдруг стал счастливым.

Медленно подходит толстый усатый мент, выдергивает из пальцев человека купюру и убирает в карман. Ключ поворачивается в замке, дверь-решетка открывается, и человек переступает порог. В этот момент его хватает за щиколотку сидящий возле двери и молчавший до этого старый бабай.

– А ну погоди! Присядь! – говорит он глухим и безжизненным голосом. Человек без слов опустился перед ним на корточки. – Наде-

юсь, знаешь что делаешь. Люди под сроком сидят. Деньги святые! – серьезно и даже строго сказал бабай.

– Базара нет, отец! Все будет как надо, тут даже сомнений быть не может, – так же серьезно сказал человек.

– Ну вали уже, что ли, пока я не передумал! – лениво поторопил мент, и человек ушел.

Бабай затих в своем душном углу, и только легкое перекидывание четок в его пальцах нарушало эту сонную атмосферу. Андрей что-то сунул мне в карман. Достаяю. Это рубль. Теперь у меня их два. У него поднялась температура, и я начинаю просить дежурного вызвать «Скорую».

Толстый мент тоже болен этой всеобщей сонной болезнью. Он достал из аптечки несколько таблеток аспирина, налил из графина воду в стакан и протянул мне через решетку. Большого от него ждать не приходилось. Ночь проходит в состоянии забытья. Утром кого-то выпустили. Стало свободней. Оправка. Обед. Еда нормальная, из какой-то столовой, но есть совершенно не хочется. Андрей даже не смотрит на пищу. Со вчерашнего дня я не услышал от него ни одного слова. Меня это уже не пугает. Я привыкаю.

– Ешьте! Кормят только раз в сутки... – не сказал, а скорее приказал нам с Андрюхой старый бабай, принимаясь за трапезу.

Его тон и слова странным образом отбивали желание возражать, и мы не спеша, через силу поели горячего. Вечер. Привели новенького. Когда решетка закрылась за ним, он опустился на пол. Не в хлам, однако изрядно пьян. Окинув взглядом камеру и увидев меня, он подполз и заговорил торопливо и сбивчиво. Человек рассказывал мне, какие неожиданные препятствия возникли вчера на его жизненном пути, и о причинах, помешавших ему вчера вернуть мне позаимствованный червонец. Андрей дремал рядом, а я слушал этот жалкий монолог и думал о разнице между вчерашним человеком и тем, который сидел сейчас передо мной. Он все говорил и говорил. Бабай, пробубнив злобно ругательство на родном языке, со всего маху ударил человека четками по голове. Канатик лопнул, и бусинки со звоном разлетелись по камере. Человек заскулил, отполз в угол, обхватил голову руками и горько зарыдал. Я на ощупь собирал по камере янтарные бусинки и не чувствовал к рыдающему человеку никакой злости. В конце концов, я дал деньги не для него, а ради его больной, нуждающейся в уходе матери.

Утро. Напротив в дежурке движение. Взвешивают наши рюкзаки.

– Девять килограмм семьсот пятьдесят грамм. – Мент с весами-безменом говорит второму, который записывает в протокол.

Это Андрея рюкзак. Я припал к решетке.

– Семь четыреста.

Это уже мой. Тот, что пишет, одет в черный пиджак и синюю шелковую рубашку под ним. Галстук развязан и свободно болтается на жирной шее. Следак. Подходит к решетке, внимательными узкими глазами оглядывает всех обитателей «телевизора» и называет фамилию Андрея. Допрос начался. Через час следак привел Андрюху и назвал мою фамилию.

– Говори, что собирал для меня и по моей просьбе, – успел шепнуть мне старший.

Ура, Андрюха заговорил! Лестница на второй этаж. Маленький кабинет. Прибитая к полу табуретка. Я сижу на ней, а напротив меня шуршит бумагами за столом толстый следак. После формальных вопросов, я слышу то, о чем накануне шепнул мне Андрей.

– Для кого собирал коноплю? – размеренным тоном и с некой ленцой спрашивал мент.

– Для себя, – отвечал я.

Мент поднял огромную голову и уставился на меня.

– Для кого собирал? – повторил он.

– Для себя, – повторил я.

Мент медленно поднимает свою толстую задницу от кресла, огибает стол и со всей дури бьет меня кулаком в висок. Как пушинка, я слетаю с табуретки и, падая на пол, больно ударяюсь головой о стену. Искры летят из глаз, а затылок становится горячим и влажным. Поднес руку. Ладонь в крови. Мент несколько обескуражен. Сажу молча, ибо никогда не кричу в таких случаях, как Алим. Мент взял меня за шиворот и резким движением водрузил опять на табурет. Сел за стол, вынул из кармана пиджака носовой платок и бросил мне.

– Прижми к башке! – сказал он, и я прижал чистым надушенным платком ссадину на затылке.

Шиска была приличной. Следак начал нервничать. Он кричал что-то злобное и в итоге бросил передо мной несколько крупных фотографий:

– Смотри! Он тоже семафор коротил! – Последние слова еще не имели тогда для меня смысла, но фотографии уже были у меня в руках. Их было три. Черно-белые, но очень четкие. На первом снимке крупным планом проступало лицо явно лежащего молодого парня. Лицо было белым, а глаза широко раскрыты. Он будто смотрел в небо в явно обкуренном состоянии. На втором снимке этот же парень был снят с более дальнего расстояния. Он действительно лежал на спине, точнее на рюкзаке, заброшенном за спину. На месте пояса было какое-то огромное черное пятно и виднелись куски железнодорожных

шпал. На последнем фото были запечатлены ноги, отделенные от туловища, обутые точно в такие же, как у меня, ботинки.

– Видели бы вы своих матерей моими глазами, – сказал мент, чей гнев постепенно сошел на нет. – Для кого собирал? – в последний раз спросил он.

– Для себя. – Я даже не думал менять мнение.

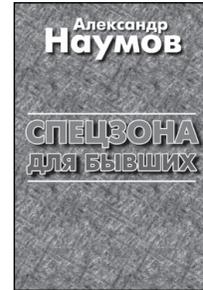
– В конце концов, разницы нет никакой. Твой старший все равно получит статью за вовлечение малолетки в преступную деятельность. Прочти и распишись!

Я прочел протокол допроса. Там было все так, как я говорил. В камере, увидев мой подбитый глаз и окровавленный платок, старый бабай зло выругался. Андрей приобнял меня за плечи, когда я присел рядом с ним, и в его глазах было целое море печали.

– Я сказал ему, что собирал для себя, – говорил я, обращаясь к Андрею.

Тот не ответил. Впервые я поступил по-своему, наперекор его мнению. Ведь я действительно собирал шмаль не исключительно для него.

Из головы не выходили увиденные в кабинете ужасные снимки, и мне очень хотелось поделиться этим с Андреем, но, учитывая его состояние, я не решился на это. Обед. Сегодня Андрюху переведут в камеру, где у него будут более сносные условия, чем в «телевизоре». Странно, но этот человек уже не вызывал у меня трепета и восхищения, как два дня назад. Сейчас это был просто друг, который сильно заболел и нуждался в снисходительном к нему отношении. Из разговоров в дежурке стало ясно, что пришла машина, которая повезет меня в Джамбул, и мы с Андреем крепко обнялись. Дверь «телевизора» открылась, и, переступив порог камеры, я обернулся. Андрей поднял руку в знак прощания, и то же самое проделал старый бабай. Прощай, Андрюха! Ты дал мне все, что только мог дать. Ты показал мне Чуйскую долину, и теперь я сам стал таким же взрослым и сильным. Ржавый «жигуль» вез меня в детприемник Джамбула, и, глядя в окно на проплывающий мимо пейзаж, я совершенно не чувствовал себя пленным. Наоборот, я был внутренне свободен и умиротворен, как человек, достигший своей цели. Меня, как оторвавшийся однажды от материнской кроны лист, еще долго будет носить по свету ветер перемен, куда в один миг настоящее не перестанет переходить в прошлое, а будущее – в настоящее. А пока впереди меня ожидают Джамбул, Алма-Ата и другие города Казахстана, где я встречу много интересных и замечательных людей, однако это уже совсем другая история...

Александр Наумов.
Спецзона для бывших.
Иркутск, 2011. 300 с.

Александр Лаптев

Спецзона для бывших

В России мыкается по тюрьмам и по лагерям около миллиона человек. Много это или мало? По-моему, это жуткая цифра. Миллион – это целый город, такой, к примеру, как Новосибирск. Но мы не удивляемся. Некоторые помнят времена, когда в подвалы НКВД мог угодить любой гражданин СССР, а с исторических мест проживания высылали целые народы. Едва ли не в каждой семье есть или были люди, угонившие под этот Молох.

О неволе писали многие. Солженицын предпринял колоссальный труд, а его «Архипелаг» теперь читают во всем мире. Однако настали иные времена. И зона теперь иная. Одно дело – «Особлаг» середины XX века с подъемом в пять утра, с тяжелым физическим трудом на тридцатиградусном морозе, со скудным питанием и, главное, со множеством людей, сидевших непонятно за какие прегрешения. И совсем другое дело – современный лагерь, где, в общем, не голодают и не гибнут от непосильного труда. Но неволя есть неволя. Подъем по звонку, хождение строем, одинаковые черные роботы и одинаковые стрижки, однообразие быта и горечь в душе – вот что такое современный лагерь.

О современных лагерях мы почти ничего не знаем.

Это тайна за семью печатями. Рядом с нами находится незнакомый мир – огромное число людей живет в условиях несвободы, по особым законам, со своим уставом и понятиями. Что это за мир?

Этот мир – частичка нашего мира, но частичка потаенная. Парадокс заключается в том, что о сталинских лагерях мы знаем в сто раз

больше, чем о лагерях современных. Сталинских лагерей уж нет давно, а современные лагеря – вот они, окружают со всех сторон.

Фильмы про них снимают и книжки пишут. Однако очень мало книг честных и правдивых, в которых действуют не супермены, не каратисты и бывшие спецназовцы, а вполне обычные люди, коих подавляющее большинство. Честно рассказанная судьба отдельно взятого заключенного интереснее любого детектива уже потому, что в этом рассказе – все правда.

Книга таких правдивых рассказов издана в Иркутске. Написал эту книгу Александр Наумов. Называется книга просто: «Спецзона для бывших». Триста страниц, монологи осужденных. Бывших работников правоохранительных органов. Быть может, кто-то не знает, что бывшие милиционеры, судьи и адвокаты (совершившие преступления) попадают не в обычные зоны, а в специально для них созданные лагеря. Таких лагерей в нашей стране всего пять. В каждом из них больше тысячи заключенных. Итого – почти пять тысяч бывших сотрудников, сидящих за решеткой. Пять тысяч работников правоохранительных органов, совершивших уголовные преступления. Среди них люди с высшим образованием, командиры подразделений, участники боевых действий. Одна из таких колоний расположена в Иркутске, прямо в черте города. Это широко известная в узких кругах «тройка».

О людях, сидящих в таких лагерях, и рассказывается в книге Александра Наумова. Точнее, заключенные сами о себе рассказывают. Автор лишь задает вопросы заключенным, поддерживает беседу. Пять десятков судеб открываются читателю.

Перескажу вкратце рассказ заключенного Р.

Р. родился в Мурманске в 1968 году. Отец его – военный, дед – Герой Советского Союза, ему поставлен памятник в Мурманске. Сам Р. пошел по стопам отца и деда – после восьмилетки поступил в Суворовское училище в Ленинграде. Но не закончил – выгнали за драку. Р. возвращается в Мурманск, где заканчивает техникум, после чего пишет заявление в военкомат и отправляется служить в Афганистан. Участвует в боевых действиях, получает два ордена Красной Звезды, благодарность от Верховного Совета СССР и личное поощрение от М.С. Горбачева.

После Афгана Р. возвращается в Мурманск, его приглашают работать в КГБ. Вдруг выясняется, что Р. знает в совершенстве три языка – фарси, английский и норвежский. А еще он закончил художественную и музыкальную школы. Такой вот удивительно разносторонний человек. В общем, его с распростертыми объятиями берут на работу в КГБ.

И все было бы отлично, если бы Р. не совершил сразу несколько преступлений, среди которых – убийство, разбой и кража. Понятное дело, Р. судят и сажают в спецзону. Не очень понятно при этом, зачем он пошел на преступления, когда перед ним открывалась отличная служебная перспектива.

Но вот что с ним было дальше. Попав в лагерь, он вел себя очень хорошо, так что ему дали отпуск домой. Он едет к жене за несколько тысяч километров. Но вдруг узнает, что его мать попала в больницу и ей срочно нужна операция, а на операцию нужны деньги. Он мчится к матери в Мурманск, находит деньги на операцию и спасает свою мать. При этом он не поспевает вернуться в свой лагерь, и его объявляют в розыск. Человек очень решительный, он решает скрыться (да и деньги за операцию нужно вернуть тем, у кого он их занял). Р. едет не куда-нибудь, а в Москву и там устраивается под чужой фамилией на работу не к кому-нибудь, а к Славе Зайцеву. Затем становится директором базы отдыха и даже работает в Ленкоме... артистом! Снимается в кино (в сериале «Адвокат»), а в Ленкоме играет в четырех спектаклях. Возвращает долг, устраивает свою жизнь, женится на хорошей женщине. Все это продолжается восемь лет, пока его случайно не опознают и не возвращают обратно в лагерь. И вот он в прежней робе, спокойно рассказывает о своих приключениях, словно речь идет о ком-то другом.

А вот пример другого рода. Обычный участковый милиционер, что-то вроде Анискина из известного фильма советских времен. Родился в 1940 году. Отслужил в армии, затем работал бетонщиком, плотником, крановщиком. Молодого старательного парня заметили и направили в систему МВД. Так он стал участковым милиционером. В звании младшего лейтенанта он приступает к работе в своем родном районе, в котором 26 населенных пунктов, пять совхозов и два колхоза – около пяти тысяч жителей. И работает на одном месте двадцать два года. Имеет за службу несколько медалей и диплом «Отличник милиции». У него – ни одного выговора, одни поощрения. Четыре срока был депутатом поселкового Совета. Одним словом – положительный уважаемый человек. В 1987 году он уходит на пенсию, тихо-мирно живет в своем поселке. А потом произошло вот что: 16 января 1997 года он получает на почте свою пенсию. Тут же рядом – односельчанин Петрович (фронтвик и забулдыга). И этому Петровичу пенсию не выдали, какая-то заминка случилась. Вечером бывший милиционер идет на автобусную остановку (намереваясь съездить к сестре в город) и там случайно встречает Петровича. Тот болеет с похмелья и клянчит у нашего героя деньги на водку. Что ж, бывший милиционер дает ему круп-

ную купюру и просит принести сдачу (заодно просит купить бутылку водки для сестры). Все нормально. Петрович уходит и вскоре возвращается. Но вот незадача, он покупает не водку, а самогон – ровно литр. Требуется сходить к нему домой и отлить половину для милиционера. Они идут к Петровичу домой. А до автобуса еще полчаса. В доме они мирно разговаривают, Петрович пьет самогон, предлагает выпить милиционеру, но тот решительно отказывается. А сам достает из сумки сало, отрезает Петровичу (у того и закуски нет никакой). Петрович быстро пьянеет и выпивает весь самогон. Милиционер собирается уйти – через пять минут автобус. Наклоняется к своей сумке и замечает краем глаза, как Петрович бросается на него с ножом, каким «свиней режут». Милиционер хватается за руки, пытается образумить, но все бесполезно. У Петровича по всем признакам приступ белой горячки. Заканчивается все трагедией. Оба они – Петрович и бывший милиционер – валятся на пол, при этом Петрович натывается шеей на свой же нож, повреждает сонную артерию и умирает от кровопотери. Милиционер бежит к соседу, вызывает «Скорую помощь» и милицию.

Все закончилось обвинительным приговором в убийстве. Статья сто пятая, часть первая. Срок – восемь лет! Это притом что на ноже нет отпечатков пальцев «убийцы». И не было никакого резона ему убивать односельчанина. Как хочешь, так понимай.

Книга «Спецзона для бывших» вся состоит из таких вот рассказов. Читать ее можно с любой страницы. Чтение захватывает, как захватывает все правдивое. Жаль только, что издана книга мизерным тиражом – всего 200 экземпляров. Ее надо бы издать миллионным тиражом, чтобы прочитали все, от мала до велика. Кого-то она уберезит от рокового шага, а кого-то заставит задуматься: все ли правильно у нас в стране? Справедливы ли законы? Объективен ли суд? Беспристрастны ли следователи?

Сделать собственные выводы нам помогает книга Александра Намумова «Спецзона для бывших».

Алексей Мокроусов

[Посмертное] Право голоса

Дмитрий Чиров.

Среди без вести пропавших.

Воспоминания советского военнопленного о штабеле XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф: 1941–1945 гг. Сост. Б. Штельцль-Маркс, П. Полян; авт. предисл. Б. Штельцль-Маркс; авт. послесл. П. Полян; авт. коммент. П. Полян и А. Апель. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 367 с. Илл.

В серии «Человек на обочине войны»¹ публикуются мемуары неизвестных солдат, тех, благодаря кому войны выигрываются. Это только генералы и фельдмаршалы думают, что они – настоящие герои сражений. Если у такого убийственного занятия, как война, и могут быть герои, их встретишь скорее среди рядовых, а не начальства.

Оказавшийся после войны в Караганде филолог Дмитрий Чиров (1921–2007) написал о своей жизни 12 томов. При жизни автора в Советском Союзе не был издан ни один из них. Впервые книга воспоминаний, посвященная его опыту военнопленного в Австрии, была опубликована в 2003 году на немецком языке.

На родине пытался много раз напечатать хотя бы одну из книг воспоминаний. Почему это было невозможно, объяснить не приходится. В советские времена судьба человека могла стать первополосным сюжетом или даже киносценарием лишь благодаря стечению обстоятельств, неумолимой логике государственной машины, которая периодически нуждается в обновлении героического ареопага. Некоторые

¹ В № 19 за 2009 год в «Неволе» опубликована рецензия на одну из книг серии – «Доходяга. Воспоминания бывшего пехотинца и военнопленного (сентябрь 1943 – февраль 1945)» Юрия Аделя (М., РОССПЭН, 2009).

отступления Чирова выглядят антисоветскими. Он пишет о работе у австрийских крестьян и вдруг замечает: «Нам было чему удивляться: в каждом крестьянском доме и дворе – электричество, которого и в городах-то наших было тогда прискорбно мало, – в домах моих уральских сестер, например, оно появилось лишь где-то в 60-х годах». Ну как такое печатать?!

Удивительно другое – даже в перестроечные годы судьбы бывших военнопленных, история их заключения мало кого интересовали в СССР, а затем и в России. Это можно списать на угар новых времен, занятых не столько разгребанием грязи прошлого, сколько лихорадочным накоплением первоначального капитала. А можно отнести и к традиционному для русской жизни неуважению к отдельно взятому человеку, в подсознательном (а иногда, как сегодня, и очевидно сознательном) желании изгнать всякий элемент анализа и самоанализа из общественной жизни.

Не прошло и семи лет, как после австрийского издания вышло и русское. У австрийцев особые отношения с нацистским прошлым. Многолетнее молчание, сопровождавшее негласный консенсус по поводу Гитлера («Мы тоже жертвы нацизма, нас завоевали»), постепенно сменялось негромким, но непрекращающимся обсуждением того, что происходило в стране после аншлюса. На многих архитектурных сооружениях, появившихся в пору нацизма, будь то в Зальцбурге или Линце, появились таблички, напоминающие о том, что их строили рабочие из лагерей принудительного труда. В музеях начали показывать фотографии, напоминающие об эшелонах возвращавшихся из СССР австрийских пленнх. На книжном рынке стали появляться исследования об австрийских «шталагах», куда свозили советских солдат. В одном из таких лагерей после пленения осенью 1941 года оказался и Чиров.

Хотя в шталаге № 318 и были бараки, на всех пленнх их не хватало. Группу, с которой в октябре 1941 года прибыл Чиров, поместили внутри огороженной колючей проволокой голой зоны, посреди которой стоял лишь один сортир. Чтобы ночью хоть как-то согреться, пленнх вырыли себе ямы и траншеи. «Чем копали? Да чем попало: у кого была каска – каской, у кого нож – ножом, у кого ложка – ложкой. Так что первые самодельные убежища под землей появились уже к вечеру 14 октября – к тому времени немцы с помощью полицаев (а полицаями были наши же, русские, но обитали они в барачных блоках) успели дважды построить нас по сотням, дважды пересчитать и дважды покормить: в обед по черпаку брюквенной баланды выдали, а в ужин – по кусочку хлеба и по кружке теплого пойла, подслащенного

сахарином». От баланды у людей начинались жуткие поносы, не все ночью успевали добежать до сортира, и наутро полицаи – Чиров особенно подчеркивает их жестокую, зверскую манеру обращения с отечественниками – приходили в бешенство.

Пленнх из других стран – поляки, французы, сербы – жили в иных условиях. Во вступительной статье Барбара Штельцль-Маркс, исследовательница, занимающаяся историей австрийских лагерей, отмечает разницу не только быта военнопленнх из Америки или Франции и их русских товарищей по несчастью: «Различия были даже в самой процедуре похорон. Американских, британских и французских военнопленнх хоронили со всеми военными почестями, их гробы даже украшались национальным флагом. В соответствии с чином умершего проводилась полагающаяся почетная процедура захоронения.

Похороны советских военнопленнх проводились без всяких церемоний. Обходились не только без гробов – людей хоронили голыми, завернув в специальную бумагу». Причем в общую могилу помещались умершие с разницей в 12 дней. Злые люди почти не пишут мемуаров. Или пишут их очень редко. Поразительно, насколько доброжелательными могут оказаться воспоминания о жизни в плену. Тем более если пленным был советский солдат, изначально поставленный в более тяжелые условия, чем пленнх союзники. Но Чиров постоянно описывает истории человеческого к нему отношения со стороны австрийцев, особенно когда он был отправлен на принудительные работы. Даже его довоенная профессия – учитель – вызывала уважение у крестьян. И все это – в условиях невиданного психологического давления. Государство отказалось от пленнх, их самоощущение трудно понять современному человеку: «перед человеческими законами мы были мертвы, никаких прав, кроме права умереть, не имели, а потому и терять перед немецкими властями нам было нечего, кроме своей неволи, а избавиться от неволи можно было только через смерть». Потому «если и боялись чего, так это слишком долгих мук перед смертью, а такую боязнь и страхом-то назвать трудно». Если бы не приказ № 270, обязавший считать всех оказавшихся в плену предателями, самосознание советских было бы другим. А так даже чтение газеты, издававшейся Русской освободительной армией (РОА), вызывало чувство боли и обиды: было «стыдно потому, что в ней было много горькой для нас правды, и все мы без исключения правду ту – и о насильно проведенной коллективизации с разорением крестьян под видом раскулачивания, и о страшном голоде 1933 года, и о жесточайших репрессиях 37-го и 38-го годов – знали, но дома у себя говорить о ней во

всеуслышание не смели, потому как права такого были лишены. Больно было потому, что правду эту, глумясь над нами, над нашим национальным, патриотическим достоинством, сообщали наши злобные и коварные враги, не испытывавшие к нам ни малейшего сочувствия, сострадания, сообщали с таким видом, будто одолжение великое нам делали, сообщали нам, которых сами же более чем наполовину истребили, а оставшихся в живых лишили всякой надежды на будущее. Обидно же было потому, что родное государство наше, открыто отказавшееся от нас, да не просто отказавшееся, но и отринувшее нас от себя, обрекло нас на такое унижительное положение».

Отношения между самими военнопленными были далеко не радужными. Среди них попадались и физически сильные идиоты, унижавшие других ради удовлетворения своего комплекса альфа-самца. Хватало конфликтов и с выходцами с Западной Украины, которых называли «мармолядниками». Чиров, не свободный от стереотипов общества, в котором он вырос, подробно описывает происхождение этого термина, восходящего к истории с ужином, когда заключенным дали по 20 граммов яблочного повидла. После этого западноукраинцы стали наперебой восхвалять немецкую жизнь: «Вы тильки подывытэсь, люды добри, мы в их у плену, а воны нас мармолядом кормлять!.. А у вас, у вашим войську, що мы бачили та йили, окромя той перловки, хай ейи бис!..»

Так примерно выражали они в тот вечер свое чувство признательности германским «добродиям».

Автор, явно не стремящийся затушевывать национальный вопрос, пишет о надеждах западных украинцев на скорое освобождение, об их желании любой ценой заручиться расположением немцев – они «подхалимничали и подличали перед охранниками с полной откровенностью и без всякого стеснения», при первой возможности выдавали кадровых командиров и политработников. Но он не формулирует при этом принципиальные отличия «мармолядников» от «коренных советских», не в силах полностью освободиться от навязанного ему мифа. Да, после войны многие из этих «мармолядников» пошли в бандеровцы – чем оно было принципиально хуже, чем советские лагеря, ожидавшие многих военнопленных? Сам Чиров в них, к счастью, не попал.

Межнациональные противоречия выступали на первый план в ситуации, когда отступало чувство голода. Его Чиров считает основным в жизни лагерника: «... почти каждый из нас был готов принять смерть, если бы его перед смертью досыта накормили. Эту мысль, не стесняясь, высказывали вслух многие, в том числе и я. Нет положения более тяжкого и унижительного, чем то, в каком оказывается человек, когда

он чувствует, как невидимая петля голода с каждым днем все туже и туже сдавливает его горло».

Голод перестал угрожать уже в лагере Гнайксендорф под австрийским Кремсом. А когда Чирова отправили помогать крестьянам, жизнь и вовсе наладилась, по крайней мере, если смотреть на нее из перспективы голода/сытости. Любопытно, что товарищи Чирова, недавние колхозники, относились к индивидуальному крестьянскому труду без особого интереса, а то и насмешливо. Правда, автор отмечает, что все они не имели опыта индивидуального хозяйствования и всю жизнь меряли голодом 1933 года, который воспринимали как общую беду и никого в нем не винули. По сравнению с ним все последующие трудности выглядели не такими серьезными. Чиров настаивает к тому же, что помимо принуждения колхозников в 30-е был и настоящий энтузиазм у тех, кто действительно поверил в коллективное хозяйство. Правда, у австрийского крестьянина Иоганнеса Циннера, в чьем хозяйстве Чиров работал и с кем они постоянно разговаривали о жизни, такого энтузиазма не было. Уже после вступления Советской армии в Австрию Циннер показал Чирову пистолет и сказал, что застрелит жену, детей, а потом и себя самого, лишь бы не вступать в колхоз. При этом Циннер многое понимал в политике и был уверен, например, что в результате мировой войны в выигрыше окажется Америка, а ее союз с СССР не будет долгим, «потому что не может быть дружбы между демократией и тиранией, а ваш Сталин после победы над Гитлером не перестанет быть тираном, а Рузвельт никогда и ни за что не откажется от демократии».

Мемуары бывают разными. Одни пишутся высоким слогом, в других автор стремится обелить или выгородить себя, снять вопрос о собственной ответственности за происходившее, приукрасить и ситуацию, и свое поведение. Книга Чирова написана *простодушно*. В этом главное ее достоинство. Здесь нет желания удивить или защититься. Автор пытается рассказать все, что помнит, и даже если что и утаивает поневоле, то не от стремления схитрить. «Как не бывает гладкой сама жизнь, так не бывают гладкими и ее автобиографические отражения», – замечает в связи с этим Штельцль-Маркс. И только из суммы множества воспоминаний может вырасти правдивая картина происходившего на войне, по обе стороны фронта.

Ждут своей републикации многочисленные мемуары, появившиеся в печати в советское время. Желание тогдашних редакторов свести их к некоему единому знаменателю, пропустить сквозь сито идеологии, часто приводило к выхолащиванию и опустошению текста. Это

должны были быть мемуары победителей. Но, как напоминают скрытые тогда от общества мемуары пленных, у войны не бывает победителей. Это, должно быть, хорошо понимал мой дедушка Ваня. Он прошел войну и отказывался о ней говорить (он был отчимом мамы; родных дедов я не знал, они оба погибли на фронте).

Книга не очень аккуратно издана – это касается и верстки, особенно вступительной статьи, и редактуры (так, американский режиссер Билли Уальдер, получивший «Оскара» за «Шталаг 17», экранизацию книги одного американского военнопленного, назван Вайльдерсом). Эти замечания кажутся мелочью по сравнению с долгом, который российское общество наконец-то отдало еще одному солдату. Его отказывались считать героем, но хотя бы смирились с тем, что у него было и остается право голоса, пусть и посмертного.

Дмитрий Чиров

Средь без вести пропавших

Воспоминания советского военнопленного о шталаге XVII «Б» Кремс-Гнайксендорф. 1941–1945 гг.

Ох, да попал солдат
В полон к ворогам...
Из старинной песни

1

Вечером 8 сентября 1941 года, когда солнце уже коснулось горизонта, я сделал первые шаги в сторону черной неизвестности. Со мной в напарниках пошел мой наводчик Иван Завгородний родом из Тамбовской области. Нашим главным желанием было пересечь примерно трехкилометровой ширины луг и войти в лес, где и укрыться на какое-то время, а уж потом, сориентировавшись как следует, искать местных партизан или же продвигаться на восток, в сторону линии фронта. Но желание это было чисто умозрительным, а поступками нашими двигал больше всего страх, главным порождением которого явилась утрата воли и здравого смысла. Да и неоднократно выручавший меня инстинкт самосохранения был в значительной степени парализован, только, может быть, не страхом, а измотавшей меня усталостью и апатией.

Что же касается здравого смысла, то он вообще куда-то исчез. Судите сами: уходя в неизвестность, я не взял с собою ни шинели, ни плащ-палатки, ни даже котелка, а вокруг уже осень начиналась. При мне была моя винтовка ВГ-3615 с трехгранным штыком¹, пехотная лопатка в бре-

¹ ВГ-3615 – вероятно, заводской номер винтовки. На вооружении Красной армии в то время состояли в основном трехлинейные винтовки Мосина образца 1891/1930 гг., которые выпускались с четырехгранным штыком. Указание на трехгранные штыки скорее всего произошло из-за аберрации памяти автора: они применялись в русской армии до второй половины XIX в. с винтовками Бердана, позднее были заменены на четырехгранные как более технологичные в изготовлении. Самозарядные винтовки Токарева и Симонова, которых во время войны было немного, комплектовались клинковыми (ножевыми) штыками.

зентовом футляре и ручная граната, все это висело у меня на солдатском ременном поясе, а на мне самом – каска, надетая на пилотку, хлопчато-бумажная гимнастерка, насквозь пропитанная потом, такие же брюки полугалифе и кирзовые сапоги 43-го размера, выданные мне вместе с брюками десять дней назад, когда мне осколком немецкой мины поцарапало голень правой ноги. Царапина еще не зажила, но и не беспокоила особенно. Остается еще добавить, что взрыватель от гранаты находился у меня в нагрудном кармане гимнастерки, в патронташе было двадцать патронов да еще пять – в винтовочном магазине и в стволе, а в голенище правого сапога – алюминиевая ложка.

Примерно так же был одет и вооружен и Иван Завгородний, только он не забыл прихватить с собой плащ-палатку.

Выйдя из прибрежного мелколесья на луг, мы увидели в лучах заходящего солнца рассыпавшиеся по нему мелкие группки наших солдат, двигавшихся в том же направлении, куда решили пробраться и мы. Дойдя до первой копны сена, я совершил поступок, свидетельствовавший о том, что со здравым смыслом я в тот злополучный час оказался и в самом деле не в ладах: я засунул в глубь копны не только все бывшие при мне документы, но и тот пластмассовый пенальчик, где хранилась свернутая в трубочку бумажка со всеми необходимыми сведениями обо мне (по-моему, Иван Завгородний сделал то же самое).

Зачем я это сделал? Да, наверное, я все-таки допускал возможность быть захваченным в плен и потому заранее решил, что своего подлинного имени немцам не назову. Почему? А опасался, что если о моем пленении станет известно нашим властям, то родичам моим будет не одобровать: приказ Сталина 270² я помнил хорошо.

Понимаю, что на мое объяснение явно бессмысленного поступка само собой напрашивается неопровержимое возражение: ведь моя ссылка на якобы имевший место разлад со здравым смыслом не поддерживает даже самой доброжелательной критики, ибо поступок этот вовсе и не бессмысленный.

Что ж, возражение это настолько серьезное, что оставить его без внимания никак нельзя. И потому я, продолжая настаивать на своем, привожу куда более убедительный довод в подтверждение не рядовой или будничной, а смертельно опасной бессмыслицы, какую я себе тогда позволил. Ведь шли-то мы с Иваном Завгородним не в плен сдавать-

² Имеется в виду приказ № 270 Ставки Верховного главного командования Красной армии, изданный 16 августа 1941 г. и подписанный лично И. В. Сталиным, запрещал солдатам Красной армии сдаваться в плен.

ся, а хотели к своим пробиться, потому и оружие с боеприпасами при себе имели, и никому из нас и в голову не пришло бросить оружие. И вот, допустим, что к своим мы пробрались. А у нас первым делом документы потребовали бы в подтверждение того, что мы именно те, за кого себя выдаем, а не шпионы, врагом подосланные. Ну а поскольку документы предъявить мы не смогли бы, с нами вполне возможно было поступить в соответствии с законами военного времени, статью для вынесения самого сурового приговора найти не затруднились бы.

Сегодня, вспоминая об этом, утешаюсь лишь тем, что не я один так поступил. Слабое, конечно, утешение: ведь я, будучи живым, отказался от самого себя. Из-за страха перед черной неизвестностью отказался. А разве это допустимо – от себя отказываться? Но если я позволил себе такое, значит, причины были не только во мне. Нет, этим утверждением я несколько себя не оправдываю и вовсе не хочу перекладывать свою вину на кого-то другого, ибо это прежде всего моя вина, и я всю жизнь думаю, как бы искупить ее – перед людьми и перед совестью своей, но сумею ли искупить ее до конца – в этом я не уверен, как не уверен и в том, что ее искупить возможно.

От той копны мы двинулись дальше в сторону леса. Но когда вошли в мелкий кустарник, с той стороны, куда мы двигались, резанули очереди немецких автоматов и вокруг нас засвистели, плюхаясь в землю, пули. Мы залегли, притаились. А вскоре со стороны луга, который мы только что миновали, послышались голоса немецких солдат. Видеть немцев в сгустившихся сумерках мы не могли, но отчетливо различали отдельные слова, которые они выкрикивали друг другу, чтобы поддерживать взаимное общение. Чувствовалось по их вскрикам, что, шагая по чужой земле, они изо всех сил стремились сбросить с себя наваждение страха за собственные жизни, вот и взбадривали себя, посекундно взывая к впереди и позади идущим.

Страхом заледенило и мою душу, когда я слушал гогот и гвалт чужих голосов, напоминающие неистовый лай спущенной с цепи своры псов. Страхом и сознанием своей беспомощности перед неведомой силой, готовой безжалостно раздавить на своем пути все живое.

Галдеж и гогот немцев, продвигавшихся по лугу в сторону Чернигова, продолжались более часа, так что трудно было представить, сколько их. А когда их гогот и гвалт заглохли, поглощенные расстоянием, впереди нас, вероятно, по кромке леса, в котором мы предполагали укрыться, поползли от села Гущино в сторону Чернигова то ли танки, то ли грузовые автомобили, и рокот их моторов заглушил все другие звуки наступившей ночи. Но вот рокот утих, и мы с Иваном двину-

лись было опять в сторону леса, но оттуда снова затрещали автоматы, и во-круг нас зашмякали пули.

– Что будем делать, Иван? – спросил я.

– Давай отроем окопчик, хорошо его замаскируем, перекроем ветками кустов, поверх них дернину уложим, оставим маленькую отдушину, влезем через нее внутрь блиндажика, а при надобности и вылезем из него... Пару дней проваляемся здесь, а потом двинем дальше...

Так ответил Иван на мой вопрос.

– Ну что ж, – согласился я, – ничего лучшего, пожалуй, в нашем положении придумать невозможно, а раз так, то приступаем к делу...

2

До самого утра трудились мы в поте лица, сооружая для себя временное убежище. Где-то полночь поднялась над горизонтом полная луна и облегчила нашу работу тем, что вполне прилично осветила близлежащие кусты, среди которых мы выискали ветки потолще и, срубая их лопатами, укладывали поперек будущего блиндажика, а ветки поменьше набрасывали охапками поверх крупных и присыпали их землей, а уж поверх земли укладывали пласты дерна, нарезанные лопатами под ближайшими кустами.

Уснули мы, устлав дно своего блиндажика мелкими ветками, уже на рассвете. Не уснули, а будто провалились куда-то в небытие. А сколько проспали, точно сказать не могу, но проснулся я оттого, что сквозь сон уловил какую-то опасность: сквозь шорох ветра в окружавших наше убежище кустах слышался еще какие-то глухие звуки – сперва вроде бы шаги, а потом и голоса. Чья-то нога наступила на наш блиндажик, и на нас посыпались струйки земли. А через секунду через наш лаз-отдушину послышался спокойный, без малейшего намека на озлобление, усталый голос: «Русс, аусштайген!..», что означало: «Русский, вылезай!..»

И с этого вот «Русс, аусштайген!..» и началась для меня черная неизвестность, продлившаяся 1338 дней и ночей.

– Сдаемся! – крикнул из нашей норы Иван Завгородний и первым вылез наружу.

Вслед за Иваном вылез и я, положил у ног немцев свою винтовку и поднял руки. Нас обыскали. Позволили справить нужду, а сами отвернулись и закурили. Немцев, взявших нас в плен, было человек пять. Один из них, самый высокий и сильный, на наших глазах поломал наши винтовки – жажнул дважды прикладами о землю, держа винтовку за край ствола, и, отделив ствол от приклада, разбросал их в разные сто-

роны. Без всякой злобы он это сделал, будто колоду дровяную надвое колуном распластал. На нас немцы не кричали и не ругались. А я тогда подумал: может быть, потому не кричат и не ругаются, что подведут сейчас к опушке леса, куда нам так хотелось вчера пробраться, да и уложат там навсегда.

Но немцы, прочесавшие весь кустарник, в котором мы скрывались, повели нас не к лесу, а в сторону Чернигова.

А в противоположную сторону, как я заметил, вернулась другая группа немцев, прочесывавшая тот же массив кустарника от села Пущино. Один из немцев, с велосипедом в руках, подозвал меня и велел взять велосипед. Я подумал, что он хочет проверить, умею ли я ездить на велосипеде, и хотел было, поставив левую ногу на педаль, разогнать его и сесть, но немец сказал «найн» и, надавив пальцами шины, дал мне понять, что ехать на нем нельзя, прокол в камерах, и знаками разъяснил, что велит вести велосипед руками. И я повел, Иван Завгородний шагал рядом, а немцы позади нас о чем-то между собой переговаривались.

– Значит, на месте захвата они нас не уложили, но где-то все-таки, наверное, уложат? – проговорил тихо Иван.

– Кто знает, что у них за порядок?... Может быть, по одному да по двое не укладывают, а сразу сотнями? – так же тихо отозвался я.

В отличие от предшествующего день 9 сентября 1941 года выдался пасмурный, но теплый: даже в одной гимнастерке я не ощущал прохлады. Чуть накапывал ленивый, мелкий дождик, впрочем, не столько дождик, сколько теплая туманная морось, – погода словно оплакивала нашу гибель.

Километра через полтора от того места, где нас захватили, немцы, выполняя поданную команду, остановились и нам велели остановиться. Расселись прямо на траве, достали из своих ранцев хлеб и маленькие жестяные коробочки с мясным паштетом и принялись за еду. Глядя на них, неторопливо, но с аппетитом жующих, я с удивлением подумал, почему это мне совсем не хочется есть, и сразу же понял почему: о еде ли думать, когда не знаешь, сколько тебе осталось жить.

– Давай все-таки спросим, когда нас кокнут, – сказал Иван.

– Хорошо, я сейчас попробую, – ответил я и тут же, собрав весь свой запас немецких слов, обратился к самому спокойному и самому интеллигентному на вид немцу.

А тот, ничуть не изменив выражения своего лица, ответил невозмутимо, что, мол, для вас война окончена и всех вас отправят в германский тыл на работу.

Когда я перевел Ивану ответ немца, тот проговорил:

– Да заливаает он, чтобы успокоить нас... Им же о таком не велено, наверное, говорить.

Я тоже не очень-то поверил немцу, потому что пребывал в таком состоянии, хуже которого, наверное, не бывает, – апатия, равнодушие, безразличие ко всему на свете парализовали мою душу, не хотелось никому и ничему верить, не возникало желания и положиться на какую-то надежду. Наиболее точно тогдашнее мое настроение можно было бы выразить тремя словами: будь, что будет...

3

А мелкая туманная морось продолжала свое тихое, незаметное дело, пропитывая влагой высушенный солнцем и ветром предыдущих дней воздух, она будто бы и впрямь оплакивала нас, павших вчера, но оставшихся в живых, чтобы нынче, и завтра, и в бесконечной череде грядущих дней влачить в себе и на себе ярмо позорной неволи. Тяжкое само по себе, оно обрушилось на наши души двойной, а может, и тройной тяжестью от сознания, что с того самого момента, как мы оказались в руках врагов, будучи поверженными и обезоруженными, государство, которое мы защищали и на верность которому присягали, от имени Родины отринуло и отвергло нас, послав вослед проклятье и заочно пометив клеймом изменников.

Зная, что мечен этим несмываемым клеймом, способен ли ты будешь, пока идет война с врагом, который взял тебя в полон и бросил, как и полагается, за колючую проволоку, – способен ли ты будешь настолько воспрянуть духом, чтобы хватило сил вытряхнуть из души своей тяжелой свинцовой пылью пропитавшее ее оцепенение и, облегчив ее таким образом, рвануть в запредельную даль, туда, где твоя Родина, без которой нет для тебя полнокровной жизни? Способен ли ты будешь совершить такой рывок, не будучи уверенным в том, что Родина не только великодушно простила тебя за твое самоотверженное возвращение и вновь, без всяких унижительных для тебя оговорок, готова вручить оружие и благословить на новые битвы с врагом, которого ты, побывав у него в плену, настолько хорошо узнал, что уж во второй раз в руки ему живьем не дашься?

Эти мысли начали беречь мне душу с того самого момента, как только я услышал от интеллигентного вида немца ответ на вопрос, когда с нами покончат. И дело не в том, поверил я немцу или не поверил, а в том, что его должный стать успокоительным ответ несколько меня не успокоил, да и не мог успокоить. По той причине не мог успокоить, что

обещанное немцем сохранение моей жизни не воспринималось мною как ее продолжение, потому что жизни как таковой, жизни привычной и приемлемой для себя, я в том положении, в каком я только что очутился, не представлял и представить не мог, как не мог тогда понять и того, что для ощущения – не жизни, нет, а хотя бы какого-то подобия ее – понадобится очень длительное время, а восприятие длительности времени стало для меня в тот день просто недоступным, ибо оно, время, для меня остановилось.

И это ощущение остановившегося времени, начавшее пробиваться из глубин моего подсознания с того момента, когда мы утопили в Десне свои минометы и когда немцы стали обстреливать нас с левого берега Десны, и полностью овладевшее моим сознанием, как только немцы, велев мне и Ивану Завгороднему вылезти из своего жалкого убежища, тут же на наших глазах сломали наши винтовки, – это ощущение остановившегося времени надолго, очень надолго парализовало мою волю к жизни и повергло душу в состояние длительной апатии.

Нет, не скажу, что мне хотелось обязательно и немедленно умереть – если бы такое желание мной овладело, исполнить его не составило бы никакого труда, стоило лишь изобразить попытку к бегству, и очередь в спину из немецкого автомата это желание исполнила бы незамедлительно. Но мне и жить не хотелось, и потому я возможность расстрела, которого мы с Иваном Завгородним ждали от немцев, воспринимал как должное, и если бы это случилось, я принял бы его, по всей вероятности, без внешнего протеста, так как считал для себя такой протест не просто бессмысленным, но и унижительным: смерть от вражеской пули, что о ней ни думай, вовсе не позорна.

Однако в тот день, когда время для меня остановилось, жизнь тем не менее продолжалась, и даже меня, переставшего на что-либо надеяться, она оградила от смерти, что поджидала многих из нас всего через каких-нибудь пять-шесть недель. И среди многих неизвестных наших солдат непременно лежать бы и мне, если бы не Человек, ставший моим спасителем, моим ангелом-хранителем. К стыду своему, я даже не узнал имени этого Человека – так я был подавлен всем случившимся с нами.

Расскажу, однако, все по порядку. Где-то во второй половине дня немцы привели нас в село и загнали в колхозную конюшню. Конюшню не закрыли, но вокруг ее ограды расставили автоматчиков. У самого входа в конюшню, когда нас с Иваном Завгородним подвели к ней, стоял молодой Человек в командирской шинели и в фуражке, по всей вероятности, старшина сверхсрочной службы, исполнявший какие-то

технические или канцелярские обязанности в высоком, рангом значительно выше полкового, штабе. Я запомнил добрые, задумчивые и печальные глаза этого Человека. Я остановился напротив него, и он стал меня расспрашивать о том о сем. Я охотно отвечал на вопросы и сам о чем-то спрашивал. Словом, разговорились, да так разговорились, что я почувствовал в нем что-то очень близкое мне, – что-то от Вани Показеева, друга моего лучшего, почудилось мне в нем. А в конце разговора он так жалостливо посмотрел на меня, будто мой завтрашний день предвидя, и говорит:

– Как же вы будете – и без шинели, и даже плащ-палатки нет у вас?.. Вот, возьмите...

И с этими словами он протянул мне свою свернутую трубкой плащ-палатку. Я взял. Поблагодарил. А имени его спросить не догадался. И он тоже не спросил моего имени. И мы разошлись: он пошел к кому-то из своих, а я откликнулся на зов Ивана, подыскивавшего нам подходящее место в дальнем углу конюшни. Мы разошлись и больше не встретились. Жизнь мне спас Человек, а я даже имени Его не знаю. Но храню Его образ в душе своей всю жизнь и сохраняю до последнего своего часа: если бы не Он, не прожить бы мне и двух месяцев в том аду, в каком пришлось оказаться.

4

В той конюшне продержали нас недолго, не более четырех часов, пока немцы не закончили прочесывать всю местность к юго-западу от Чернигова, где еще вчера шел жестокий бой. А перед вечером лающие крики немцев повыгоняли нас из конюшни и построили в колонну по пять человек.

Когда я выходил из-за конюшенной ограды, колонна уже почти выстроилась, а на ее правом фланге я увидел несколько наших старших командиров – подполковников и майоров – и среди них узнал чернявого с усиками подполковника, который был начальником корпусной артиллерии нашей 5-й армии³. Нет, на душе мне не стало легче

³ 5-я армия под командованием генерал-майора М.И. Потапова с начала войны была включена в Юго-Западный фронт и участвовала в приграничных сражениях и в Киевской оборонительной операции, в ходе которых понесла тяжелые потери. В сентябре 1941 г. армия была расформирована, а ее соединения и части переданы в другие армии фронта. Вновь 5-я армия была создана в октябре 1941 г. на базе войск Можайского боевого участка. В составе Западного, затем 3-го Белорусского фронта участвовала в Московской битве, Ржевско-Вяземской, Смоленской, Белорусской и Восточно-Прусской наступательных операциях.

оттого, что среди плененных немцами увидел я и своих высоких командиров, скорее наоборот: сердце сжалось от мысли о масштабах нанесенного нам поражения, оправиться от которого сумеет ли моя многострадальная Родина? Кто-то из неподалеку стоявших, горько вздохнув, вымолвил: «Неужели погибла Россия?..» И никто ему не ответил, потому что этот же вопрос терзал душу каждому, а ответить на него – разве ж мы сумели бы тогда?..

Колонна получилась длиннющая – чуть не полкилометра от правого до левого фланга, а конвоиров с автоматами не менее тридцати человек. Конвоиры долго и тщательно нас пересчитывали, прежде чем погнать в сторону Чернигова, а меня все не оставляла мысль о том, что выведут нас сейчас за околицу, где уж приготовлены пулеметы, и успокоят навсегда. Но вот подъехала легковая машина, из нее вышел немецкий генерал, и все немецкие охранники вытянулись в струнку, генералу доложили, по всей вероятности, о количестве взятых в плен русских, он подошел к голове колонны, задал несколько вопросов нашим старшим командирам (что это были за вопросы и что на них отвечали, я слышать не мог, потому как стоял метрах в ста от головы колонны), потом генерал прошел вдоль колонны, высокомерно и брезгливо оглядывая нас, махнул кому-то рукой, после чего раздалась лающие команды охранников и колонна медленно зашагала в сторону Чернигова.

Тот скорбный и позорный для нас марш продолжался, как мне показалось, чрезмерно долго: ведь до Чернигова было не более десяти километров, а мы преодолевали их никак не менее четырех часов – может быть, потому, что слишком часты были остановки, во время которых нас обгоняли колонны немецких солдат, спешивших туда же, куда вели и нас, в сторону Чернигова.

Привели нас около полуночи на товарный двор железнодорожной станции, командиров тут же отделили и поместили в крытый склад, закрыв его двери на замок и поставив возле них часового с автоматом, а нас оставили во дворе, и мы разбрелись по разным навесам, где еще валялись остатки невывезенного сена – оно-то и послужило нам прекрасной постелью, подобной которой мы потом долго-долго не увидим. Да, одни – долго-долго, а другие – никогда.

Вдыхая запах сена, скошенного, по всей вероятности, в июне и привезенного сюда скорей всего в августе, я вспоминал давным-давно минувшие дни своего шаповского⁴ детства и мысленно прощался с

⁴ Дмитрий Трофимович Чиров родился 1921 г. в деревне Шапово, которая находится в 30 км к югу от города Уральска.

ними навсегда: ощущение остановившегося времени продолжало держать мою душу в тисках беспросветной безнадежности. Это ощущение было настолько сильным, что подавило и вытеснило куда-то все другие, даже самые естественные и жизненно необходимые, – голода и жажды: уже более суток во рту у меня и маковой росинки не побывало, а мне не хотелось ни есть, ни пить, будто потребность в пище и воде куда-то улетучилась, но меня это нисколько не беспокоило.

Случилось что-то, по-видимому, и с моей памятью, точнее – с восприятием и запоминанием всего, что меня окружало: я не помню, с кем именно шел я рядом в той позорной колонне, не помню, когда покинул меня, примкнув к компании своих тамбовских земляков, Иван Завгородний – случилось ли это уже в Чернигове или Гомеле; не помню, когда близко сошелся с Иваном Заверткиным и Петром Кильгановым – в Чернигове, Гомеле или в Бобруйске; не помню точно, когда начало беспокоить меня ощущение голода – еще в Гомеле или уже в Бобруйске; встречался ли я в Гомеле с Каримом Гариповым лично или же мне кто-то рассказал, будто видел его в компании татар, сгуртовавшихся вокруг кухни для пленных, где они разделявали туши убитых лошадей, мясом которых немцы кормили нашего брата...

5

Но что-то же я запомнил из первых дней плена? Да, конечно. Помню, как, лежа на сене в одном из многочисленных навесов товарного двора станции Чернигов, прислушивался к поющим деревянными голосами немцам, повзводно и по ротам шагавшим куда-то, и их деревянное пение вызывало у меня такой прилив тоски, справиться с которой не было никаких сил, и мне ни на что не хотелось смотреть, ни с кем и ни о чем не разговаривалось, ни о чем не думалось, лишь единственное желание теплилось где-то в глубине еще не до конца парализованной души – сжаться в комок, превратиться в крохотную точку и – забыться, забыться, забыться.

А где-то у самых ворот товарного двора, совсем неподалеку от меня, сутились немецкие конвоиры: кого-то поднимали, сгоняя с нагретых мест, строили, считали, уводили куда-то в город, потом через некоторое время – через час, два, пять часов? – приводили назад, и приведенные с кем-то делились впечатлениями о своей удаче: что-то там они то ли грузили, то ли выгружали, и удалось им при этом перекусить, а что-то даже и с собой прихватить, и смысл их впечатлений был обнадеживающим – мол, расстреливать нас немцы не думают, значит, пока живы останемся. Доходили отголоски этих впечатлений и до моих ушей,

да только легче мне от них не становилось – душа продолжала пребывать будто в замороженном состоянии.

Так продержали нас в этом товарном дворе часов до шести вечера 10 сентября, а потом подогнали несколько больших крытых грузовиков и загнали всех в кузова. На закате солнца привезли нас в Гомель, где расположили тоже на каком-то производственном дворе. Ни в Чернигове, ни в Гомеле нас ни разу не покормили: утром 11 сентября всем накануне вечером привезенным из Чернигова велели построиться, вывели со двора и вновь загнали в крытые машины.

А перед тем как отправить дальше, немцы продемонстрировали перед нами свое сытое благополучие: у самых ворот Гомельского лагеря для военнопленных стоял грузовик с открытым верхом, а в нем немцы-охранники с аппетитом жрали свои увесистые и калорийные завтраки – хлеб с салом и колбасой запивали чем-то из фляг – и громко обменивались оскорбительными репликами в наш адрес. А мы, уже третьи сутки ни разу не евшие, проходили мимо них, невольно сглатывая голодную слюну.

К тому времени, кажется, ко мне вернулось ощущение голода, и я вспомнил нечто подобное из своей жизни в семье отца и мачехи: наказывая меня голоданием, они усаживались за стол, уписывали за обе щеки обед или ужин, а я сидел в стороне и глотал голодную слюну. И это воспоминание помогло мне тогда, никому не говоря ни слова, горько пошутить над самим собой: уж если я выдерживал голодные испытания в родной семье, то уж здесь-то, в неволе немецкой, тем более выдержу. Так впервые за часы плена на мгновение вспыхнуло во мне залетней искоркой чувство юмора. Вспыхнуло и сразу же угасло. Надолго-надолго угасло.

До Бобруйска нас везли чуть ли не целый день. Провозили через полностью разрушенные города Жлобин и Рогачев – одни прокопченные сажей печные трубы вздымались в пустынное небо, с немим укором взывая к нему о сострадании и милосердии, а обнаженные со всех сторон остовы печей всем своим видом укоряли людей за их бессилие и жестокость. И редко кто из нас, глядя на эти костыми полегшие под вражеским огнем города, не содрогнулся сердцем, приняв их бессловесный укор и в свой адрес. А уж какое чувство вызвали у нас сброшенные с постаментов бронзовые бюсты Ленина и Сталина, валявшиеся у самого въезда в Жлобин, сказать нетрудно: демонстрируя перед нами свое высокомерное презрение к нашим государственным святыням (из песни слова не выкинешь – бюсты Сталина, как и памятники Ленину, считались нами официальной святыней), немцы растаптыва-

ли и наше национальное, патриотическое и гражданское достоинство и тем самым преступали самые священные законы цивилизованной морали, даже за людей нас не считая. И в этом был главный просчет их государственной человеконенавистнической стратегии.

Да, Гитлеру удалось заморочить немцев расистским национал-социализмом, внушив им бредовую мысль о недостижимом превосходстве расы чистопородных арийцев, каковыми он посчитал тех своих германских соотечественников, в ком вплоть до пятого колена нет ни капли неарийской крови. Сталин же возомнил себя единственным непогрешимым пророком пролетарского социализма и, подмяв под себя огромную страну, заморочил нас верой в свое величие и гениальность, в свое право распоряжаться нашими судьбами так, как в его понимании повелевают идеи социализма.

И Гитлер, и Сталин возглавили сильнейшие в Европе государства с почти одинаковыми тоталитарными режимами. Только тоталитаризм Гитлера был больше направлен вовне, а тоталитаризм Сталина – внутрь государства, что и привело в предвоенное десятилетие к истреблению миллионов советских граждан. Однако Сталин умело спекулировал ленинскими и в основе своей гуманистическими лозунгами, благодаря чему в наших людях и крепла вера в истинный социализм. И нельзя не сказать, что именно эта вера воспитывала в наших людях чувство гуманности к народам зарубежных стран, и потому мы, когда наступила пора возмездия гитлеровским захватчикам, унижать национальное достоинство немцев себе не позволяли. Немцы же в 41-м и 42-м годах унижали наше достоинство без всякой оглядки и тем самым добились эффекта прямо противоположного тому, на какой рассчитывали.

И первые месяцы моего плена явились тем временем, когда беспардонная самоуверенность гитлеровцев крушила не только наши вооруженные силы, но и растапывала на оккупированных ими землях все, что было провозглашено и завоевано нашей революцией, освящено именем Ленина. Отделить Ленина от Сталина, чтобы понять нас и отнестись к нам с надлежащим уважением, гитлеровцы не хотели, да и не могли.

6

Нас привезли в Бобруйск на закате солнца 11 сентября, в конце третьего дня моего плена. В самом центре города, где не было никаких следов разрушений, словно война и не коснулась тех мест, колонна перевозивших нас машин остановилась, и мы получили возможность увидеть тихий и чистый уголок небольшого городка – вымощенная булыжником улица, деревянные, как в Пензе, тротуары, витрины мага-

зинов, а совсем неподалеку от машины, где, словно звери в клетке, находились мы, – ресторан, к дверям которого подходили и тут же скрывались за ними молодые мужчины, одетые в хорошо отглаженные костюмы, а некоторые из них вели под руку тоже молодых и нарядно одетых, модно причесанных женщин...

Неужели все это не приснилось нам, вышибленным войной не только из ставших привычными окопов, но и из естественного ритма человеческой жизни, включающей в себя своевременное удовлетворение самых естественных потребностей – мытье рук и лица, прием пищи, утоление жажды, смену белья, чтение газет или книг, писание писем родным и близким, – неужели этих мужчин и женщин мы видели наяву? А если и наяву, то, может быть, это совсем не реальная, а всего лишь сказочная явь: война кругом, а тут все выглядит так, будто никакой войны вовсе и нет. Да и кто они, эти модно одетые и чисто выбритые мужчины с нарядными дамами под ручку?

Ответ на этот вопрос не заставил себя долго ждать: машины тронулись и вскоре въехали, миновав тот тихий и укромный переулочек с рестораном и чисто вымытыми витринами магазинов, на торговую площадь с рыночными прилавками. Вдруг машины резко сбавили скорость, а мы сразу же поняли причину этого: слева по ходу стояла недавно сооруженная – ошкуренные столбы еще не успели потемнеть от желтизны – перекладина, а на ней – пять мужских трупов в крестьянской одежде и на груди у каждого деревянная табличка, на которой дегтем выведены слова: «Я был партизаном».

Вот так немцы в течение всего лишь одного дня устроили перед нами, поверженными пленниками, целых три демонстрации: первая из них была призвана пробудить в нас зависть – как же сытно и вкусно питаются немецкие солдаты; вторая демонстрация, во время проезда через полностью разрушенные Жлобин и Рогачев, вероятнее всего, имела своей целью ошеломить нас мощью германского оружия, сопротивление которому, мол, учтите: это бессмысленно; что же касается последней демонстрации, то она, как мне теперь представляется, призвана была завершить начатый утром процесс психологического устрашения и оболванивания: нарядно одетые мужчины, под ручку с красивыми женщинами идущие в конце рабочего дня в ресторан, должны были показать нам, как добры и великодушны оккупационные немецкие власти к тем советским гражданам, которые безо всякого сопротивления оторвались от себя вчерашних и покорно согласились служить новоявленным хозяевам; ну а трупы повешенных говорили сами за себя – вот, мол, что ожидает каждого, кто осмелится поднять на нас оружие.

Бобруйский лагерь для военнопленных⁵ располагался у западной окраины города на невысоком холме вблизи железной дороги. Это был первый настоящий немецкий лагерь для военнопленных – огороженный двойным рядом колючей проволоки, со сторожевыми башнями через каждые сто метров, с прожекторами на башнях и стоящими на них автоматчиками. У лагеря были двойные ворота, между которыми – длинный, метров в сто, коридор из колючей проволоки. В этот коридор и завели нас сразу же после того, как приказали вылезти из машин. Построили в колонну по пять. Пересчитали. Открыли внутренние ворота и завели внутрь. Объявили, что питание выдается здесь раз в день, а чтобы получить его, надо не позднее чем за полчаса до раздачи построиться по сотням и после пересчета в составе сотни встать в очередь за получением пищи. «Всякий, кто попытается повторно получить паек, будет жестоко наказан» – это последние слова, что были сказаны нам перед тем, как была дана команда «разойдись».

Уже смеркалось, когда мы разбрелись по лагерю, выискивая в разбросанных по его территории сараях, бывших когда-то складскими помещениями, место для ночлега. Именно в тот вечер я и примкнул к своим старым товарищам по полковой школе – Ивану Заверткину и Петру Кильганову. Оба они были из Мордовии, в полковой школе часто держались вместе, а после окончания школы Петра направили в стрелковый батальон, а мы с Иваном были оставлены – уже в качестве командиров минометных расчетов – в полковой школе и, когда началась война, опять оказались вместе в полковой минбатарее. Куда исчез Иван Заверткин после того, как мы вечером 8 сентября свои минометы в Десне утопили, я не знал. Постигла же его, как и всех нас, кто остался в живых после боя под селом Гущино на правом берегу Десны, та же, что и меня, судьба. И только в Бобруйском лагере, – а может, и в

⁵ В Бобруйске в это время имелось два транзитных лагеря для советских военнопленных: один – в бывшей крепости (дулаг № 131, вместимостью около 40 тыс. человек) и другой (дулаг № 314, вместимостью около 6 тыс. человек) – возле аэродрома. Судя по всему, Чиров попал во второй из них. В своем отчете об инспекции этого лагеря 29.9.1941 г. (спустя две недели после того, как через лагерь прошел Чиров!) полковник Маршал писал: «С момента прошлого посещения много работы выполнено по развертыванию лагеря. Ликвидирована грязь. 6 тыс. военнопленных размещены теперь удобнее под крышей. Охраны для имеющегося количества пленных достаточно». Командант лагеря пожаловался на недостаточность персонала самого лагеря – всего 80 человек, а в ответ получил указание привлечь украинцев в обученную вспомогательную полицию (См.: Государственный архив – Военный архив Германии, Фрайбург. RH 22. Nr. 251. Bl. 64–67).

Гомельском, точно не помню, – мы нашли друг друга и не расставались с тех пор, наверное, более полутора месяцев.

В одном из сараев мы разыскали место и сразу же расположились на ночлег. На троих у нас было две плащ-палатки: одна Ивана, а другая моя, та, что подарил мне Тот Человек, а у Петра Кильганова ни плащ-палатки, ни шинели не было, и одну из них мы, сбившись в кучу, стелили, другой накрывались.

О том, что мы были голодны, говорить еще рано: всего каких-то трое суток прошло с того момента, когда каждый из нас, в одночасье лишившись всего, с чем успел сжиться за месяцы службы и за недели войны, ступил за ту черту, где начиналась черная неизвестность безо всякой надежды на просветление. И только когда нас перевезли в Бобруйск, подвергнув жесточайшей психологической обработке, мы начали осознавать, что представляет эта черная неизвестность. Точнее сказать, покров с неизвестности немцы прямо перед нашими глазами сорвали, обнажив со всей беспощадностью ту черноту, что скрывалась за ним, – черноту неволи, черноту абсолютного бесправия и полнейшей незащитности, черноту непробиваемой безнадежности. Подавляемые сознанием сковавшей наши души безнадежности, могли ли мы в тот вечер, располагаясь на бесприютный свой ночлег, думать еще и о голодных желудках?!

Ощущение голода начало нас тревожить лишь на следующий день, когда мы увидели, что люди, прожившие в том лагере уже не одну неделю, каким-то образом приспособились к своему положению и смирились с ним. Отовсюду слышались разговоры о том, как кому удалось накануне попасть на удачную работу, и как на этой работе подфартило что-то раздобыть, и как потом добытое обменяли на курево, а курево – на полпайки хлеба и тому подобное. Люди с самого утра собирались толпами, в гуще которых бойко шел торговый обмен. Тут никто никому не сочувствовал и никто никому не подарил бы ненужную ему вещь, как подарил мне плащ-палатку Тот Человек. Тут вступили в права совсем иные отношения: каждый за себя и никто за всех.

7

С чем можно сравнить отношение немцев к нам, их пленникам? Не тех немцев, что взяли нас в плен на поле боя, – об их беззлбно-равнодушном отношении я уже рассказал, – а тех, под чье начало мы поступили в Гомеле: немцы, принявшие нас под конвой в Гомельском лагере, были уже не фронтовыми, а тыловыми оккупантами, главной задачей которых было утверждение и всяческое укрепление власти Третьего

рейха на только что завоеванных землях. На нас же смотрели как на людское поголовье, которое надо строжайшим образом охранять и держать в повиновении. В предупреждение побегов из лагеря они кормили нас так, чтобы в течение нескольких недель превратить в беспомощных дистрофиков. Это было отношение нерадивых пастухов к стаду, численность которого никого не интересовала: стадо вроде бы ничейное, так что, если оно и убудет, так пастухам от того не убыток, а прибыль – корм и на павшее поголовье они продолжали получать.

Да, в течение первых двух месяцев плена каждый из нас и в самом деле чувствовал себя в положении некой человеческой единицы в строго охраняемом людском стаде, обреченном на медленное умирание. Для немцев мы были именно стадом и ничем иным: нас, построив по сотням, прежде чем выдать суточный рацион питания, тщательно пересчитывали, и итоги, скажем, сегодняшнего пересчета сверяли со вчерашними, но ни один из нас для немецких охранников не существовал как человек: наши фамилии, имена и прочее, что отличает одного человека от другого, немцев не интересовали, и если кто из нас умирал, то хоронили его в общем рву как безымянного.

А кто был больше виноват в таком к нам отношении: немцы, brave пленных летом и осенью 41-го года миллионами, опьяненные своими успехами, походя растаптывавшие в нас все человеческое, или же наше родное правительство, не просто отказавшееся от элементарной заботы о нас, которую наши западные союзники, памятуя о своих солдатах и офицерах, попавших в плен, осуществляли через международный Красный Крест, но и пославшее нам вслед чудовищное проклятие, объявив дезертирами и изменниками? Виноваты, разумеется, обе стороны, но я глубоко убежден еще и в том, что на нашем тогдашнем правительстве лежит несмываемый грех за гибель многих и многих сотен тысяч советских военнопленных, нашедших свой конец за колючей проволокой гитлеровских лагерей.

И что самое жестокое и бесчеловечное в отношении советских властей к нашим пленным врагам воинам: умирали они с мыслью о не снятом с них проклятье, которого, право же, не заслужили. А не оно ли, сатанинское проклятье, прозвучавшее со страниц сталинского приказа 270, вызвало к жизни такое исчадие, как генерал Власов с кликой предателей Родины? Но об этом речь впереди. Сейчас же могу сказать лишь одно: не будь приказа 270 и не откажись наше государство от услуг международного Красного Креста, не было бы и предателя Власова.

А как легко было немцам выискивать и находить в нашей среде разных прихлебателей и превращать их в своих верных псов! Я не бе-

реть судить, в каких социальных слоях нашего общества обретались до плена те, из кого немцы формировали надсмотрщиков-полицаев и разного рода доносчиков и стукачей, но те, кого мне пришлось наблюдать (в близких отношениях ни с кем из них я не был, потому что иного чувства, кроме отвращения, они не вызывали), больше всего походили на оскотинившихся подонков-уголовников, готовых за кусок хлеба и за несколько окурков продать не только своего соотечественника, но и мать родную. Что немцы для ужесточения лагерного режима опирались – особенно в 41-м и 42-м годах – именно на наших подонков, это не делало им чести (впрочем, о чести своей перед нами они несколько не заботились: нас они за людей не считали), но цели своей добивались: губили нас нашими же руками. Нас, плененных утром 9 сентября под Черниговом, впервые покормили, выдав по двести грамм хлеба и по черпаку картофельной похлебки в полдень 12 сентября в бобруйском лагере, то есть более трех суток спустя после пленения. Но мучений от голода в те трое суток я не помню, так как не эти мучения определяли мое настроение, а муки душевные, о которых я уже рассказал. И хоть теперь, полвека спустя, не очень приятно в этом признаваться, но ощущение голода лишь на четвертый день плена явилось началом какого-то поворота и в моем внутреннем мироощущении. Нет, это был вовсе не поворот к надежде, а что-то совсем иное, а вот что именно? Может быть, очнулся и вступил в свои права парализованный потрясениями последних дней инстинкт самосохранения?

В тот день я впервые почти в упор разглядывал немецких прихлебателей: это были повара-раздатчики с распухшими от обильной жратвы и лоснящимися от жира, проступавшего сквозь загорелую смуглую кожу, мордами и выпяченными, как у бульдогов, тяжелыми челюстями – нарочно, что ли, немцы выбрали типов с бульдожьими физиономиями, чтобы потешиться, наблюдая, как они усердно обливают своих соотечественников. А уж как они старались перед своими хозяевами, хотя хозяев-то тех стояло возле раздаточной всего двое: один ефрейтор с висящим на ремне плоским штыком в кожаном футляре да унтер-офицер с парабеллумом, пристегнутым к ремню с левого бока.

Ефрейтор был уже в возрасте, наверное, из недавно мобилизованных, он стоял молча, угрюмо наблюдая за порядком в нашей очереди, а унтер-офицер был совсем молодой, ему усердие наших человекоподобных бульдогов очень нравилось, и он то и дело поощрял их лай одобрительными репликами, смысл которых был примерно таким: мол, хорошо стараетесь, продолжайте и дальше в том же духе. Услышав одобрение господина, бульдоги расцветали мордами от распиравшей

их радости и принимались с еще большим усердием облаивать своих голодных, грязных и полуоборванных соотечественников.

– Аб! Аб! Аб! – надтреснутым фальцетом надрывался один мордастый.

– Форбай! Форбай! Форбай!⁶ – нутряным басом вторил ему другой.

– И как эти подлюги свой оскал бульдожий маскировали, когда среди нас находились?! – зло проговорил Петр Кильганов, когда мы вернулись, получив свои порции, в сарай.

– Как-как?.. – проворчал в ответ Иван Заверткин. – Сам, что ли, не знаешь как?! Лебезили перед каждым командиром, да, скаля зубы, улыбались. А теперь, почти по-прежнему скаля зубы, рычать по-собачьи и лаять научились – новым хозяевам в угоду.

8

Примерно через неделю всех обитателей Бобруйского лагеря построили по сотням, повели к железной дороге и погрузили в открытые вагоны с высокими бортами – в них обычно уголь и лес перевозят. Вагоны набили нашим братом битком, так, что никому из нас даже на корточки присесть было невозможно. В голове и хвосте эшелона – крытые вагоны для охранников со специально оборудованными на крышах площадками для часовых. Куда нас повезут, не объявили, в день отправки не покормили и в дорогу ни кусочка не дали.

Перед закатом солнца наш эшелон остановился на станции Слуцк. На первом пути остановился, у самой платформы для пассажиров, которую иногда перроном называют. А вокруг все тихо, из людей никого не видно, лишь охранники немецкие с винтовками наперевес вдоль эшелона расхаживают, а мы на них из-за высоких вагонных бортов сверху поглядываем да прислушиваемся, что они между собой говорят – может, хоть назовут конечный пункт нашего следования и удасться узнать, долго ли еще нам вот так-то: без еды и питья, без возможности справиться нужду.

А вечер такой тихий, что только любоваться бы и любоваться им бесконечно, если бы на воле находились, и тепло так, как бывает в дни бабьего лета. Но тут случилось такое, что мигом заставило нас забыть о том, какая благодать царит за пределами нашей неволи, и вспомнить, кто мы есть для любого поставленного нас охранять. Одному парню из нашего вагона приспичило справиться «большую нужду», и он

принялся упрашивать проходившего мимо охранника, чтобы тот решил ему выйти, объясняя и словами и знаками, что выйти крайне необходимо. Но охранник в ответ прицелился в него из винтовки и, пролаяв какую-то угрозу, пошел дальше вдоль эшелона. А несчастный, которому «приспичило», посмотрел ему вслед и, по всей вероятности, подумал: пока этот тип с винтовкой сойдется с шагающим ему навстречу от головы эшелона напарником да поговорит с ним, он свою нужду справиться успеет. И незамедлительно перелез через поперечный борт вагона и, на чем-то там расположившись между вагонами, совершил то, ради чего и очутился в запретном пространстве. И если бы немец, только что целившийся в несчастного из винтовки, прошагал именно то расстояние, на какое рассчитывал наш бедолага, его вынужденный проступок мог бы остаться незамеченным, и бессмысленного смертоубийства не произошло бы.

Но немецкий охранник был молод и жаждал подвига. Он, по внешности чистейший ариец – белолиц, прямонос, со светло-русскими волосами и водянистыми светло-голубыми, цвета зимнего неба, глазами, – пылал ненавистью и презрением к этим вот русским большевикам, которых почему-то везут в сторону его великого и любимого фатерланда, а будь его воля, он бы их, дай только ему автомат или пулемет, всех до единого уложил, чтобы в родном фатерланде ими не воняло. И что-то учуял этот юный ариец и потому, прошагав всего каких-нибудь метров пятьдесят, круто повернул назад и поспешил к нашему вагону.

Что умолявший выпустить его на минуту русский что-то затеял, бдительный ариец догадался по беспокойному гомону и пугливым оглядкам в его сторону оттуда, где он только что пригрозил пустить в ход оружие, если русский пленный все-таки осмелится высунуть свой нос за пределы вагона. И когда охранник вернулся, он увидел такое, что заставило его сперва брезгливую гримасу скорчить, и он тут же с отвращением и злобой сорвал с плеча винтовку, снял предохранитель с затвора и, прицелившись в голову несчастного, выстрелил в него чуть ли не в упор. Да не один раз, сволочь этакая, выстрелил, а трижды. И после выстрелов еще какое-то время постоял возле своей кровавой жертвы, будто любуясь делом рук своих.

На выстрелы сбегались другие охранники, а потом и офицер, начальник охраны, вразвалочку пришагал. Порыготали да погоготали господа немцы между собой, издеваясь над памятью только что убитого, – вот, мол, справил «большую нужду». И в нашу сторону пальцами запোказывали – вам-де, свиньи русские, урок, будете знать, как соблюдать предписанный порядок. Один из охранников удивление даже

⁶ От нем. «vorbei» – буквально: «мимо». Здесь – в смысле «проходи!».

высказал – как это, мол, могла у этого русского «большая нужда» возникнуть: жрать-то им дают чуть-чуть, да и то раз в сутки, а сегодня их и вообще не кормили.

О чем думал я, о чем думал каждый из нас, невольно наблюдая за тем, как ведут себя господа немцы, сбжавшиеся поглазеть на совершенно бессмысленное убийство? А о чем можно было думать нам в таких обстоятельствах? Да и что толку было думать – разве думы могли подсказать выход из нашего безвыходного и безысходного положения? В том положении могло быть легче, чем другим, наверное, людям верующим, но среди нас я таких что-то не встречал: вера в Бога была из нас не просто вытравлена нашей официальной пропагандой, но и беспощадно высмеяна. И о чем же нам, неверующим, было думать, видя, как на наших глазах так нелепо оборвалась жизнь нашего товарища? Да ни о чем другом, кроме как об абсолютной безнадежности своего существования. А еще о том, что мы бессильны и неправы перед слепой и безжалостно жестокой силой обстоятельств, потому что уже не люди, а именно обстоятельства всевластны над нами, а жизнью любого из нас распоряжается один только господин случай.

В самом деле, разве то, что произошло на наших глазах, это бессмысленное убийство ни в чем не провинившегося перед немецкими охранниками парня, можно объяснить чем-то другим, а не прихотью слепого случая? Ведь у него же не было иного выхода. Представим себе, что он не осмелился бы на поступок, платой за который стала его жизнь, и наложил бы в штаны, – как отреагировали бы на это не просто рядом с ним стоящие, но притертые к нему вплотную, ведь нас набили в вагон, как сельдью набивают бочки? Надо полагать, он живо представил, что бы началось вокруг него, позволь он себе не удержать в кишечнике того, что удержать никак невозможно, и выбрал из двух возможных хоть и наиболее опасный для себя, но все-таки куда более приемлемый вариант: погиб, но перед товарищами своими не опозорился.

Думал я и о матери того парня, чья участь куда мучительнее той, о которой пелось в популярной тогда песне «Раскинулось море широко...»:

Напрасно старушка ждет сына домой,
Ей скажут – она зарыдает...

А ведь его несчастной матери никто и никогда ничего не расскажет о судьбе сына, и она до конца дней своих будет обречена на безнадежное ожидание. А сколько таких матерей война лишила самого, казалось бы, неотъемлемого права – знать, где и как погиб ее сын и в

какой земле погребен его прах. Да еще и изуверские вести иным матерям и женам вручали: мол, пропал ваш сын или муж без вести, а это, между прочим, означало и то, что он в плен к врагам попал, то есть сдался на их милость, Родине изменил. А раз так, то и отношение к семьям без вести пропавших было соответствующее – в духе сталинского приказа 270.

9

Ранним ветреным и холодным сентябрьским утром (было это числа 20-го) привезли нас на станцию Барановичи и сразу же после выгрузки из вагонов повели к местной тюрьме. Расположили, однако, сперва даже не в тюремном дворе, а возле тюрьмы, под ее западной стеной. При этом велели всем сесть на землю и ни в коем случае не вставать на ноги. Кто-то, забыв о приказе, встал, чтобы «малую нужду» справить, и получил пулю в левую руку. Вот так немцы в течение всего одних суток, чтобы устроить нас, устроили два бессмысленных и жестоких кровопролития...

Пребывание в Барановичах, длившееся около трех недель, запомнилось мне тем, что я, совсем до того не знавший, что такое тюрьма, завидовал товарищам по несчастью, кому подфартило в холодные осенние ночи «блаженствовать» под тюремной крышей за толстыми стенами тюремного здания: большая часть военнопленных и дни и ночи прозябала на тюремном дворе под открытым небом. Вот когда я еще и еще раз мысленно возблагодарил Того Человека, что подарил мне в полдень 8 сентября свою плащ-палатку.

Мы по-прежнему продолжали держаться втроем – Иван Заверткин, Петр Кильганов и я, – вместе спали, подстелив под себя одну из плащ-палаток и укрывшись другой, вместе становились в одну «сотню» при построении перед раздачей пищи, вместе грелись на скупом осеннем солнышке под тюремной стеной.

Здесь же, в Барановичах, начала гноиться моя не затянувшаяся до конца рана-царапина на правой голени: ни свежих бинтов, ни марганцовки, ни йода, ни мази какой-никакой – ни малейшего намека на возможность получить медицинскую помощь не было. И приходилось стирать без мыла старый бинт в стоячей луже, образовавшейся у тюремного колодца, промывать рану холодной колодезной водой – благо, что набрать воды было во что, выручала каска, долгое время служившая мне и кастрюлей, и тарелкой, и кружкой, – а потом, просушив бинт, снова наматывать его на рану. И Судьба моя была настолько милостивой ко мне, что хранила от гангрены: рана сочилась и гноилась, но почти не кровянила.

Улыбнулась мне в Барановичах и удача, благодаря которой я без каких-либо для себя последствий перенес жесточайшие испытания, каким подвергли нас фашисты во второй половине октября 41-го года, когда почти все, у кого не было шинелей, погибли: кто-то, имевший две шинели, предложил мне одну в обмен на плащ-палатку, и эта шинель спасла мне жизнь.

Из Барановичей нас вывезли где-то 11 октября, затолкав в «телячьи» вагоны по сто человек – сесть было невозможно, и трое суток мы в них простояли. На дорогу ни крошки хлеба нам не выдали. Почти двое суток везли, не открывая вагоны во время остановок поезда и не выпуская никого даже «по нужде», а «параш» в вагонах не было, да их и поставить, если бы они и были, было некуда. И хорошо, что наши кишечники успели как-то приспособиться к голодному режиму: потребность в «большой нужде» возникала не чаще одного раза в пять дней, почти то же самое было и с «малой нуждой», потому как воду мы почти не пили, хватало той жидкости, что доставалась нам в виде картофельной или крупяной похлебки.

Но на польской станции Катовице Судьба смилостивилась над нами: немцы открыли вагоны, вывели на платформу и выдали по ломтю белого хлеба и черпаку какой-то теплой жидкости – чего-то среднего между чаем и кофе. А потом повезли дальше, на запад, и утром 14 октября выгрузили в Германии, на станции Ламсдорф. В какой именно части Германии располагается этот самый Ламсдорф, не знаю, но думаю, что где-то внутри треугольника между городами Дрезден – Берлин–Лейпциг⁷.

10

Стояло пасмурное, серое осеннее утро – Покров день. С неба сыпалась мелкая холодная морось. Выгнав нас из вагонов и приказав построиться в общую колонну по пять, солдаты, охранявшие в дороге эшелон, сдали нас охранникам, прибывшим из шталага 318 (шталаг, или штаммлагерь, – основной, коренной или центральный лагерь⁸), расположенного километрах в пяти от станции. А наши новые охранники пожаловали с овчарками – таких «почестей» нам до этого дня еще не оказывалось. Понадобились немцам овчарки вовсе не потому, что они

⁷ Чиров ошибается. Шталаг Ламсдорф находился значительно восточнее, в Верхней Силезии. Ныне – на территории Польши, современное название: Ламбиновице, в бывшем шталаге размещается единственный в мире Музей военного плена.

⁸ Имеется в виду лагерь Ламсдорф.

нашего побега опасались, а потому, что знали: из России привозят людей, крайне изможденных от голода, а на полях, примыкающих к дороге, которая ведет в лагерь, еще брюква не убрана, – так вот, чтобы никто из голодных русских, упаси Бог, не осмелился безнаказанно посягнуть на немецкое добро в виде вполне съедобной для изголодавшихся людей брюквы, охранники и привели овчарок.

Но меня в смущение привели не овчарки, а немецкие старухи. Мы ведь как были информированы? Власть Гитлера является антинародной, и немецкий народ чуть ли не стонет под железной пятой фашистского режима. А тут появляются прилично одетые немецкие старушки, но, как оказалось, вовсе не для того, чтобы выразить хотя бы тайное сочувствие нам, попавшим в плен к фашистам, а для того, чтобы собственными глазами увидеть вполне зримые результаты побед германского вермахта на Восточном фронте. Старушки приветствуют друг друга не традиционным немецким «Гутэн морген», а бодрими возгласами «Хайль Гитлер!». А в нашу сторону смотрят с нескрываемым презрением – вот, мол, они какие, хваленые большевистские вояки, – и даже позволяют себе в наш адрес выкрики, смысл которых, если их перевести, примерно такой: погодите, то ли еще будет, ужо мы и до Сталина вашего доберемся...

Сострадания или соболезнования нашему положению – а выглядели мы и в самом деле так, что человек с душой не мог нам не сострадать – ни в словах их я не расслышал, ни в глазах не заметил. Кстати, об их глазах: в них не было ни бешеной злобы, ни возмущения, но светились они холодным, высокомерным презрением к нам. Нет, они не стали бы терзать нас своими руками, не бросились бы выцарапывать глаза, а вот если бы у них на глазах на нас спустили всех овчарок, ни одна из них, наверное, не отвернулась, а наслаждалась бы с холодным злорадством зрелищем возмездия, которого только и достойны «эти русские свиньи».

Такое впечатление осталось у меня от кратковременного созерцания благообразных немецких старушек, явившихся 14 октября 1941 года на станцию Ламсдорф взглянуть на очередную партию советских военнопленных, чтобы убедиться, сколь велики успехи солдат фюрера на Восточном фронте – немцы-то в те дни уже всю рвались к Москве и были уверены, что с большевиками вот-вот будет покончено.

И очень жаль, что не удалось мне увидеть тех же самых старушек в мае 45-го. Интересно, помнили ли они свое поведение на станции Ламсдорф в октябре 41-го? А если помнили, то раскаялись ли? А если раскаялись, то насколько искренне?

Но, вспоминая тех старушек сегодня, я вот что думаю: а не были ли они всего лишь исполнительницами заранее расписанной для них роли в том пропагандистском действе, которое фашистские идеологи и политики начали разворачивать перед нами еще по дороге от Гомеля до Бобруйска, а теперь решили, так сказать, окончательно ошеломить, продемонстрировав до мозга костей преданных фюреру и чуть ли не боготворящих его арийских старушек? И надо отдать должное немецким пропагандистам: лично меня эти старушки надолго повергли в состояние психологического шока. И разбираться мне в моем тогдашнем состоянии придется очень долго...

Нас, привезенных из Барановичей в Ламсдорф, было, наверное, тысячи три, так что колонна военнопленных растянулась чуть ли не на километр. И повели нас, грязных, измятых, по месяцу и больше не бритых, полуоборванных, добрая половина без шинелей и плащ-палаток, всех почерневших от пота и пыли, а уж о том, что не просто голодных, но изголодавшихся, и говорить нечего, – повели нас по асфальтированной дороге, вплотную к которой, как я уже упомянул, с обеих сторон примыкало поле с брюквой – таким аппетитным для нас, истощенных от голода, овощем. А с обеих сторон нашей колонны через каждые двадцать метров шли охранники с овчарками. Но находились на все готовые смельчаки – они выбегали из строя и выхватывали из борозды первую попавшуюся брюквину, а вот укрыться от расправы удавалось далеко не каждому, и расплывались ребята расплосованными зубами овчарок гимнастерками, шинелями или брюками. Хорошо еще, что овчарки эти не были научены впиваться людям в загривок или в горло...

Более часа продолжалось скорбное шествие голодных и изможденных людей от станции Ламсдорф до шталага 318. Когда мы миновали брюквенное поле, конвоиры с овчарками ушли в хвост нашей колонны, а потом и совсем куда-то исчезли, свернув в лесок, где, по всей вероятности, располагалась псарня. А конвоиры без собак, видя нашу изможденность и понимая, что подгонять нас бесполезно, дали нам возможность расслабиться, и колонна растянулась еще больше и даже распалась на отдельные группы. Но возле каждой группы шел конвоир, с которым кто-нибудь из нас, с трудом подбирая слова, пытался завести разговор о том, что с нами будет дальше. Давая самые общие ответы – мол, на работу, на работу будут вас отправлять, – немец тут же переводил разговор на события последних дней, хвастая успехами германских войск в России и уверяя нас, что, мол, вот-вот и Москве настанет капут. В спор с конвоиром никто не вступал, потому что нам было не до споров.

И вот ввели нас на территорию шталага 318, общая площадь которого была не менее четырех квадратных километров. Со всех сторон – двойное проволочное ограждение, а внутри еще и так называемая запретная зона – тоненькая линия колючки, за пределы которой никто не смел ступить без риска получить без предупреждения автоматную очередь в грудь или в живот. Лагерь был разгорожен на зоны, или блоки, каждый из которых занимал площадь примерно в четыре гектара. В каждом блоке – стандартные деревянные бараки, площадка для всевозможных построек, а у самого края, перед внешним ограждением, находился капитально сооруженный из кирпича и бетона сортир.

Однако нас завели в блок, что располагался в противоположном от центрального въезда в лагерь конце, и здесь была только голая земля, покрытая увядшей осенней травой. Один лишь сортир, стоявший на одной линии с подобными ему сооружениями в соседних блоках, свидетельствовал о намерении лагерного начальства оборудовать и это пустующее пространство должным образом. И вот загнали нас в тот блок и тут же закрыли опутанные колючей проволокой ворота – располагайтесь, мол, и живите, пока живы...

И начали мы располагаться. <...>

Адрес редакции:
119992, Москва, Зубовский бульвар,
дом 4, Союз журналистов, комната 450
Редакция журнала «Досье на цензуру»
Тел./факс: (495) 637-5086
e-mail: nevol@index.org.ru
Веб-сайт: <http://index.org.ru>

Издание зарегистрировано
Федеральной службой по надзору
за соблюдением законодательства
в сфере массовых коммуникаций и
охране культурного наследия.
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-18641
от 19.10.2004 г.
Номер подписан в печать 17.06.2011 г.
Отпечатано в типографии ИПК «Информкнига».

Тираж 2000 экз. Заказ № 324.
Распространяется бесплатно